

С пользой для Отечества

12+

МОНОМАХ

№ 5 (131)
Октябрь 2022

Историко-краеведческий,
культурно-просветительский журнал
Выходит 6 раз в год

Директор ОГАУ ИД «Ульяновская правда»: А.В. Шишов
Главный редактор объединённой редакции
ИД «Ульяновская правда»: И.М. Арановская
Главный редактор журнала «Мономах»: О.Г. Шейпак
Дизайн и верстка номера: О.О. Тюльпа
Руководитель корректорского отдела: Н.В. Степченко

Редакционный совет:

И.И. Егоров, председатель редакционного совета, председатель
Счётной палаты Ульяновской области;
В.Н. Егоров, председатель Ульяновской историко-архивной
комиссии;
Е.К. Беспалова, председатель Совета отделения Российского
исторического общества в Ульяновской области, заведующая на-
учно-исследовательским отделом Музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;
Л.П. Баюра, главный научный сотрудник Ульяновского областно-
го художественного музея, кандидат искусствоведения;
О.Е. Бородин, заведующая отделом развития, туризма и инфор-
мационных технологий Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова;
О.Н. Даранова, учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской
областной научной библиотеки им. В.И. Ленина;
А.А. Долматов, старший научный сотрудник Музея А.А. Пластова;
М.В. Корепов, доцент кафедры зоологии УлГПУ им. И.Н. Ульяно-
ва, кандидат биологических наук;
Н.В. Липатова, доцент кафедры истории Отечества, регионове-
дения и международных отношений УлГУ, к.и.н., ведущий специ-
алист Центра стратегических исследований Ульяновской области;
Л.Н. Нецветаев, почётный архитектор России, доцент кафедры
АСП УлГТУ;
А.Г. Пашкин, директор Государственного архива новейшей исто-
рии, к.и.н.;
Г.В. Романова, заместитель директора – начальник отдела ис-
пользования и публикации документов Государственного архива
Ульяновской области;
И.Э. Сивопляс, научный сотрудник Музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;
Д.В. Травкин, председатель Ульяновского регионального отделе-
ния РГО, президент Ульяновского областного фонда «Региональ-
ная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги»;
А.Ю. Шабалкин, ведущий архивист Государственного архива
Ульяновской области;
А.В. Шишов, директор издательского дома «Ульяновская правда».

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,
432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432048, Ульяновская область, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, д. 11

Тел. 8 (8422) 41-04-32

e-mail: 1994monomah@mail.ru

www.ulmonomah.ru

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 04.10.2022 г.

Дата выхода 11.10.2022 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1470 экз. Заказ № 476

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область,
г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, тел. (8422) 29-70-19,
e-mail: ul-pd@mail.ru

Содержание

Главная тема номера:

Год народного искусства и культурного наследия народов России	
<i>Ольга Шейпак</i> . Народная культура – духовная энергия народа.....	1
<i>Михаил Матлин</i> . Объекты нематериального культурного наследия Ульяновской области.....	2
Наследие Симбирской губернии – народные художественные промыслы.....	6
Возрождение народных художественных промыслов в Ульяновской области.....	10
<i>Ольга Григорьева</i> . Уникальные ремёсла Ульяновской области.....	12
<i>Наталья Кожина</i> .	
Такое досталось служению. Сухокарсунские гончары.....	16
<i>Вера Фомина</i> . История акшутатского лозоплетения.....	18
<i>Маргарита Смирнова</i> . Живительные токи актуальной традиции.....	22
<i>Владислав Ястребов</i> .	
Этнографические заметки Владимира Юрлова.....	27
<i>Лион Хамидуллин</i> . Чем славится Старая Тюгальбуга.....	31
<i>Николай Ларионов</i> . Страницы истории села Новое Ильмово.....	34
Федот Сычков – художник радости.....	38
<i>Ольга Шейпак</i> . Музей крестьянского быта в селе Прислониха.....	40

Прекрасное рядом

<i>Елена Сергеева</i> . Первое представление.....	42
<i>Галина Дёмина</i> . Автограф на портрете.....	44

Поиски и находки

<i>Александр Вискалин</i> . Симбирское городище.....	46
--	----

С уважением к прошлому

<i>Дмитрий Семенов</i> . Железный Гай в бронзе, граните и бетоне.....	49
---	----

На срезе времени

<i>Валентина Ефремова</i> . Лев Фабрикант: главное дело жизни.....	52
--	----

Истоки

<i>Нафанаил Николаев</i> . Симбирская пленница.....	55
---	----

Книжная полка

В зеркале времени – книги Владислава Ястребова.....	61
---	----

Юбилей

Ивану Сивоплясу – 50!

На обложке – фото О. Тюльпа.

На обороте обложки – Ф. Сычков. Цветы

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приня-
ты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достовер-
ность фактов несут ответственность авторы статей. Мнение авторов может
не совпадать с позицией редакции.
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя запрещена.

Оформите подписку не выходя из дома:

– с помощью компьютера

на сайте podpiska.pochta.ru – с помощью смартфона по QR-коду:**Подписной индекс: ПА061**

Стоимость подписки на 1-е полугодие 2023 г.
за 1 номер – 131,12 руб.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.

Стоимость подписки в редакции:

за 1 номер – 90,00 руб.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32. E-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:

ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 8 (8422) 41-04-32);

ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;

пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 8 (8422) 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (991) 797-18-77.**Приобрести журнал в розницу**

можно в киосках «Симбирская печать»,

в литературном музее «Дом Языковых» (ул. Спасская, 22),

в Музее А.А. Пластова (ул. Гончарова, 16),

в музее изобразительного искусства XX – XXI веков

(ул. Л. Толстого, 51),

в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова,

(б-р Новый Венец, д. 3/4)

4 6 0 7 1 4 6 2 2 0 3 6 9

22009 >

Народная культура – духовная энергия народа

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.
Д.С. Лихачев

2022 год был объявлен президентом России Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Решение было принято в целях популяризации народного искусства и сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей. В этой связи был создан организационный комитет и разработан план основных мероприятий по проведению Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Это ли не повод поговорить о значении народной культуры и

о сохранении богатого культурного наследия прошлых веков. В этом наследии скрыта духовная энергия народа, способная сохранять здоровье нации и генерировать её жизненные силы.

Россия – страна многонациональная, на её территории проживает более 190 разных народов. У каждого из них своя культура, язык, обычаи и традиции. В рамках Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России в регионах проходят фестивали, ярмарки, тематические выставки.

В музеях, библиотеках и образовательных учреждениях Ульяновской области проводятся мероприятия,

направленные на развитие и популяризацию русского народного творчества, национального наследия региона, в том числе и исторического краеведения. Центральным событием этого года стала XII Международная ассамблея «Пластовская осень», также приуроченная к Году народного искусства.

В этом выпуске «Мономах» рассказывает об этнокультурном многообразии и богатстве традиций народов, населяющих наш регион, о значимости сохранения культурного наследия, которое нам оставили предки. Также нам хотелось показать, что можно почерпнуть из многовековой культуры Поволжья.

Ольга Шейпак

Объекты нематериального культурного наследия Ульяновской области

В последнее десятилетие в нашу жизнь прочно вошло новое для большинства жителей России выражение «нематериальное культурное наследие». Мы знали, что есть народная культура, материальная и духовная (под ней, как правило, понимался фольклор), есть народное искусство. Почему возник этот новый термин и что он означает? Его возникновение и законодательное закрепление в соответствующих документах было связано с глобальным процессом разрушения языкового и культурного многообразия человечества и изменениями, происшедшими в сфере традиционных культур всех стран на всех континентах.

Именно поэтому ЮНЕСКО в начале 2000-х годов активизировало деятельность государств – членов ЮНЕСКО по выработке общей концепции сохранения нематериального культурного наследия как важнейшего фактора обеспечения культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития человечества. Было осознано, что культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биологическое многообразие для живой природы.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия была принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. В ней, в частности, дано такое определение нематериального культурного наследия: «Нематериальное культурное наследие – обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Документ вступил в действие 20 апреля 2006 года.

В отличие от Конвенции всемирного наследия, охрана нематериального культурного наследия заключается не только в защите её объектов от потенциальных рисков и угроз, но и в позитивных действиях по их популя-

ризации. Понятие «охрана» означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия.

В 2007 году фондом Института экономики и социальной политики совместно с рабочей группой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации была разработана национальная концепция Федеральной целевой программы «Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 гг.»

Именно на выявление, описание и пропаганду нематериального культурного наследия как одного из важнейших направлений работы

учреждений и организаций культуры в 2014 году была переориентирована деятельность Центра развития и сохранения фольклора. После изучения опыта других регионов по созданию необходимой документации, научно-методическому обеспечению работы и ее организационному развертыванию Центр народной культуры Ульяновской области разработал необходимые документы, а в декабре 2015 года министерство искусства и культурной политики Ульяновской области издало распоряжение «О работе по сохранению нематериального культурного наследия». В нём был определён ряд первоочередных мер для активизации работы, создания условий для сохранения и развития нематериального культурного наследия. Организовать данную работу было поручено областному государственному учреждению культуры «Центр народной культуры Ульяновской области», а руководителям отделов (управлений) культуры муниципальных образований Ульяновской области было рекомендовано создать рабочие группы по выявлению объектов и предоставлению заявок на включение в Каталог объектов нематериального культурного наследия Ульяновской области.

Реализуя данное распоряжение, Центр развития и сохранения фольклора – филиал ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области» разработал «Положение о работе экспертного совета по экспер-

тизе и отбору ОНКН», «Методические рекомендации по работе с объектами нематериального культурного наследия в муниципальных образованиях Ульяновской области».

В 2015–2016 годах сотрудниками Центра развития и сохранения фольклора – филиала ЦНК был организован и проведён цикл научно-практических семинаров по данному направлению работы, в которых приняли участие работники культуры г. Ульяновска, Димитровграда, Новопаспасского, Тереньгульского, Кузаватского, Николаевского, Радищевского, Карсунского, Майнского, Сурского, Цильнинского, Вешкаймского и др. районов, в том числе преподаватели музыкальных школ, руководители фольклорных коллективов, работники культуры, а также специалисты из Государственного республиканского центра русского фольклора – учёный секретарь, кандидат филологических наук В.Е. Добровольская, заведующий сектором научной информации Д.В. Морозов. Таким образом, с принципами работы по выявлению и описанию объектов нематериального культурного наследия были ознакомлены руководители учреждений культуры подавляющего большинства муниципальных образований Ульяновской области. Всего в работе данных кустовых семинаров приняли участие почти 200 работников культуры области.

В 2016 году была создана специальная страница на сайте Центра народной культуры «Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Ульяновской области» (<http://ulcult.ru/onkn/>), на которой отражается работа по созданию областного каталога объектов нематериального культурного наследия Ульяновской области, а также приведены ссылки на наши объекты, размещённые в общероссийском каталоге.

Выявление объектов нематериального культурного наследия осуществляется двумя способами.

1. Посредством работы в архиве научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Среднего Поволжья» имени Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», которая регулируется соглашением о сотрудничестве между нашими двумя учреждениями.

2. Организацией и проведением с 2013 года фольклорно-этнографи-

ческих экспедиций. Именно экспедиционная работа позволила выявить ряд интересных объектов нематериального культурного наследия и привлечь работников культуры на местах к совместной работе над их описанием.

Благодаря проделанной работе на сегодняшний день выявлены и описаны 15 объектов нематериального культурного наследия, представляющие практически все области традиционной культуры, часть которых была размещена в разделе «Нематериальное культурное наследие портала» «Культура.рф» (на первом варианте портала, сейчас идет работа по его реорганизации).

Вот некоторые из них.

«Традиция почитания Никольской горы у коренных народов Среднего Поволжья (русские, мордва, чувашки)» не прерывалась даже в советское время. Ежегодно на день св. Николая (в основном 22 мая) в р. п. Сурское Сурского района Ульяновской области прибывают тысячи паломников. Они приезжают на Никольскую гору, которая считается святой. Как гласит легенда, однажды на Промзино-Городище (старое название р. п. Сурское) напали враги. Местные жители не могли с ними справиться, но в критический момент на горе явился святой Николай (иногда с Георгием Победоносцем) и остановил вражеское войско. Позднее возникло почитание горы и святых родников возле нее и выработался целый комплекс обрядов, среди которых – купание в родниках, обетный подъём в гору и спуск с неё, поиск камешков с ликами святого, молебен в часовне и у родников.

В селе Коноплянка Инзенского района Ульяновской области был выявлен и описан такой объект нематериального культурного наследия, как **«Традиция почитания святого родника Параскевы Пятницы»**.

Ежегодно на день обретения иконы св. Параскевы Пятницы (девятая пятница после Пасхи) верующие окрестных сёл и деревень посещают святой родник в лесу около села Коноплянка Инзенского района Ульяновской области, в котором некогда и явилась эта икона. Почитание святых источников – давняя и распространённая традиция на территории Ульяновской области, она содержит ряд устойчивых обрядов, среди кото-

рых – коллективный молебен в часовенке у родника, купание в источнике, поиск в воде камешков с ликами святого, а по возвращении с родника – посещение кладбища и поминовение родителей и близких.

Оригинальным, сохранявшимся до 1980-х годов является такой объект нематериального культурного наследия, как **«Обряд похорон троицкой куклы в Ульяновском Присурье»**. Это был так называемый обряд выпроваживания, представлявший собой комическую имитацию похорон, в которых в качестве покойника использовали соломенное чучело. Иногда его изображал человек, но характер обряда при этом не менялся. Под названием «похороны Ярилы» он совершался на Троицкой неделе в с. Б. Шуватово Инзенского района Ульяновской области. В д. Бахметьевка (в настоящее время – часть с. Новосурск Инзенского района) ритуал назывался похороны Андруши. В с. Ждамирово, Сара, а также в русских сёлах, находящихся на пограничье с Алатырским р-ном Чувашии, обряд назывался похороны Шута и сохранялся до второй половины XX века. Он проводился ежегодно как в предвоенные, так и в послевоенные годы.

Помимо указанных ОНКН для включения в Российский реестр приняты и некоторые другие значимые для нашего региона объекты. Например, объект нематериального культурного наследия **«Почитание местночтимого святого отца Максима»**. Обряд сформировался примерно в 1920-е годы в селе Тяпино Инзенского района Ульяновской области и получил новое развитие в постсоветскую эпоху. К настоящему моменту сложились все основные элементы его почитания: легенды о жизни и чудесах, представляющих своеобразное устное житие; почитание мест, связанных с его пребыванием. Особо выделяется среди них могилка о. Максима – единственная сохранившаяся из захоронений возле церкви. Регулярно сменяются на ней кресты, не уничтожаясь и не оскверняясь (их складывают возле церковных стен). Иногда на крест вешают обетные полотенца, возле креста кладут хлеб, конфеты, яйца. Земля с могилы отца Максима почитается за святую и чудодейственную. Её используют для лечения болезней, для восстановления мира в доме, для изгнания нечистых духов.

Могила о. Максима.
Фото М.Г. Матлина

Традиционные технологии раскрыты в описании объекта нематериального культурного наследия «Гончарный промысел в с. Сухой Карсун Карсунского района Ульяновской области». Данное село уже в XIX веке стало центром гончарного производства Симбирской губернии (Ульяновской области).

Формы сосудов сухокарсунских мастеров очень древние, аналоги им обнаружены в археологических материалах Среднего Поволжья. Приёмы орнаментации напоминают древний ямочно-гребенчатый орнамент.

Ассортимент изделий был небольшим, в основном – горшки из белой и синей глины и другие простые изделия. Однако в Карсуне изготавливали и чугуны – большие горшки, хорошо выжженные и издающие при ударе звук, подобный металлическому. К концу XIX века изделия сухокарсунских мастеров считались лучшими как по изяществу, так и по качеству исполнения. В 1998 году в селе был открыт Дом гончарного промысла.

Интересный объект нематериального культурного наследия существует на территории Новоспасского района. Это «**Предания о разбойнике Марке и Марковой горе**». Как известно, в Ульяновской области вплоть до настоящего времени бытуют предания о разбойниках и об отдельных местах, которые народная память связала с ним. Героями таких преданий становятся, как правило, те, кого можно назвать местными Робин Гудами, т. е. защитниками и помощниками обездоленных, восстанавливающие порою жестокими методами поправную справедливость. Одним из них является разбойник Марк, чьё имя носит небольшой холм (Маркина гора), в пещерах которого он укрывался со своими людьми. Она расположена недалеко от сёл Маловка, Садовое и р. п. Новоспасское Новоспасского района. Цикл таких преданий и особенности их бытования сегодня стали основой для создания описания

этого объекта нематериального культурного наследия.

Интересным и важным для Ульяновской области, некогда обладавшей очень богатой и развитой народной хоровой традицией, является такой объект нематериального культурного наследия, как «**Певческая традиция села Норовка Цильнинского района Ульяновской области**».

Село Норовка Цильнинского района характеризуется богатством и разнообразием народно-песенных традиций, хранителем и выразителем которых вот уже более 10 лет является фольклорно-этнографический ансамбль «Норовские певуны».

Коллектив отличается хорошей спетостью, прекрасными голосовыми данными исполнительниц. Основную часть песен из своего репертуара певуны исполняют без музыкального сопровождения. Норовские песни обладают самобытным колоритом, присущим многим районам Средне-волжского песенного стиля. Песни из репертуара коллектива имеют развитую многоголосную фактуру, в основном преобладает двух- и трёхго-

Мастер Н.Н. Ларин на гончарном круге показывает процесс изготовления горшка.
Фото М.Г. Матлина

Горн для обжига изделий из глины.
Фото М.С. Ивановой

лосное исполнение. Относительную самостоятельность приобретает высокий верхний подголосок, который часто дублируется в октаву одним из нижних голосов. Особенностью певческой традиции села является развитая, широкая по диапазону мелодия, которая становится важнейшим средством выразительности.

Большой интерес представляет объект нематериального культурного наследия «Традиция валяния валенок в с. Старые Маклауши Майнского района Ульяновской области». Эта традиция существовала в селе вплоть до 2010-х годов. Само же село более ста лет было одним из центров валяльного промысла региона.

Фольклорно-этнографический ансамбль «Норовские певуны» (рук. Н.И. Баутина, крайняя справа). Фото М.Г. Матлина

В XIX и XX веках этот промысел был отхожим: осенью валяльщики покидали дом и в течение 1,5–2 месяцев работали в сёлах, в основном Оренбургской области.

Одной из особенностей этого промысла, как и многих других отхожих промыслов, был специальный язык, называвшийся ивановским, на котором между собой разговаривали валяльщики.

Не менее интересны и оригинальны такие объекты нематериального культурного наследия, как «Весенний обряд Семик в селах Кузоватовского района Ульяновской области», «Свадебный обряд села Акшут Барышского района Ульяновской области», «Пасхальная традиция Карсунского района Ульяновской области», «Традиция пасхальной игры в орла в Ульяновском Присурье» и многие другие. Более подробно читатели могут познакомиться с ними на соответствующей странице официального сайта ОГБУК «Центр народной культуры» (ссылка была дана выше).

Михаил Матлин,
доктор филологических наук,
научный сотрудник
Центра развития и сохранения фольклора – филиала
Центра народной культуры,
профессор кафедры русского языка,
литературы и журналистики
УлГПУ им. И.Н. Ульянова

Вид с Маркиной горы на р. п. Новоспасское. Фото М.Г. Матлина

Пещеры на Маркиной горе. Фото М.Г. Матлина

Наследие Симбирской губернии – народные художественные промыслы

Кустарные промыслы в конце XIX века на территории Симбирской губернии были широко распространены. Большая их часть была сконцентрирована в трёх уездах губернии: Карсунском, Алатырском и Симбирском. Развитию промыслов способствовали как природные, исторические, так и социально-экономические факторы: растущее из года в год малоземелье крестьян, кризис трёхполья, высокие налоги, стремление к дополнительным разработкам, обилие сырьевого материала.

Особенностью Ульяновской области, территориально граничащей с Чувашией, Татарстаном и Мордovieй, является наличие здесь большого количества сёл со своим национальным укладом жизни, с элементами самобытного, типичного для каждой национальной культуры искусства. Промысловая деятельность была характерна для всех национальностей Симбирского Поволжья. Русские занимались всеми видами промыслов: обработкой дерева, металла, животных продуктов, минеральных веществ, производством одежды и обуви. В селе Утёсовка (ныне Сурского района) мастера изготавливали знаменитые бондарные изделия, которые были популярны во всех поволжских губерниях. Широкой известностью пользовались плетеные изделия кустарей из села Редкодубья Ардатовского уезда. Там находилась земская корзиночно-плетёночная школа-мастерская. Искусные столяры были в Порецком, Б. Кувае, Базарном Сызгане, Аргаше и других селениях.

Производство дёгтя было распространено в русских селах Буинского уезда. В сёлах Тушна, Подгорная Каменка, Мостовая, Ключищи, Тагай, Новоспасское русское население занималось выделкой овчин и валянием войлоков, шитьём тулупов. Гончарным производством занимались в основном русские в сёлах Сухой Карсун, Барагдево, Горенки, Теньковка, Шиловка. В конце XIX века в Шиловке было более 20 горнов, в Барашеве –

около 15. Центром горшечного производства в губернии считалось село Сухой Карсун. Там к началу XX века из 329 дворов промыслом было занято 163 двора. Из всех изделий гончарных мастеров Сухого Карсуна больше всего ценились глиняные горш-

За валянием

ки. В розницу они продавались по 30–50 копеек серебром за штуку. Также их меняли на хлеб.

Среди русского населения было распространено кузнечное ремесло, в основном в сёлах Анненково и Чуфарово. Суконно-ткацкий промысел получил широкое развитие в селе Промзино, где изготавливали бумажные и полубумажные ткани «промзинки», которые использовали для шитья рукавов женских рубаш, запонов, сарафанов, нижних рубашек, платков. Портняжный промысел получил широкое распространение в сёлах Зеленец, Собакино (Красноборск), Яшанная Ташла, Риновка. Ховринские сапоги и астрадамовские рукавицы были известны за пределами губер-

• *За ткацким станком*

нии и успешно продавались благодаря своей дешевизне и качеству. Шорники и кустари по пошиву кожаных рукавиц были сконцентрированы в сёлах Сельдь, Ясашная Ташла и Ундоры.

Мордва отдавала предпочтение деревообработке. Одна треть всех мордовских кустарей была занята в промыслах, связанных с обработкой древесины. Мебель изготавливали мастера мордовских сёл Кабаево, Сайнино, Сыресево, Чиндяново, Турдаково Алатырского уезда. Мордовское население занималось плотничеством, распиловкой леса, изготовлением различных изделий из дерева.

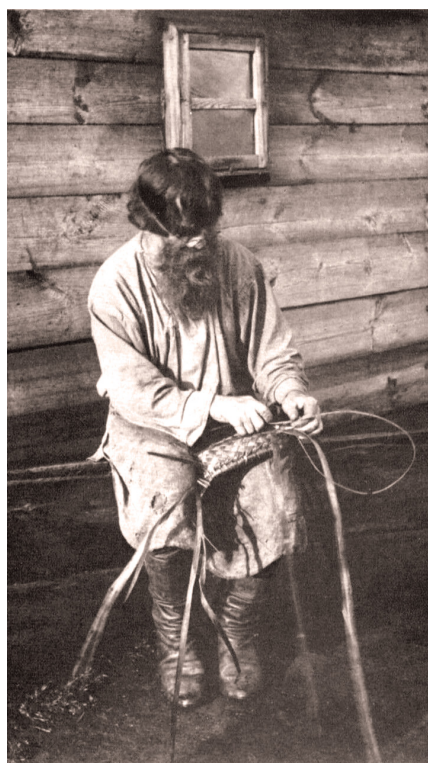
Среди чувашского населения получили распространение лесопиление и производство изделий из дерева: изготовление дубовой клёпки, плетение корзин, кулей, канатов, веревок, лаптей. Чуваши занимались старинными промыслами: пчеловодством и охотой. Крестьяне имели в хозяйстве по 100 и более ульев.

Основными видами промыслов у татар Симбирской губернии были деревообработка, плетение лаптей, ткачество кулей, плотничество, кладка печей. У татар были развиты и старинные промыслы, которые велись по булгарским традициям: выделка овчин, кожи, шерсти, волокон, изготовление валенок, валяных галош, шляп, войлоков. Традиционным занятием поволжских татар была торговля.

Наряду с местными кустарными промыслами на территории Симбирского Поволжья широко бытовали отхожие кустарные промыслы. В кон-

це XIX века ежегодно уходило на заработки в другие регионы России до 45 тысяч человек, что составляло 3,1% всего сельского населения губернии. Главными районами, куда направлялись отходники Симбирской губернии, являлись Нижнее и Верхнее Поволжье, Самарская, Оренбургская и Уфимская губернии. К началу XX века число отхожих кустарей в крае увеличилось до 60 тысяч человек. Отходничество существовало во всех отраслях кустарной промышленности. Но наи-

• *Плетение лаптей*

большее развитие оно получило в валяльном, портняжном, пильном, овчинном и колесном производствах.

К началу XX века меняется состав промыслов в губернии. Некоторые малоодоходные (например, поташный) сокращаются, а более доходные (производство одежды, обуви, обработка дерева, валяльный промысел) расширяются и получают дополнительное развитие.

В фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева имеется небольшая, но очень интересная коллекция рисунков художника Д.И. Архангельского, работавшего в 1910–1930 годах над изучением народного искусства Симбирской губернии, в частности художественной резьбы по дереву. Это в основном карандашные рисунки, тронутые акварелью (размер 21x30 см), с подписью и датой в правом нижнем углу. На рисунках изображены наличники крестьянских домов, донца, вальки, задки телег и прочие предметы, украшенные глухой резьбой, типичной для Поволжья XIX века. Этот материал был и остаётся ценным источником для изучения местной художественной резьбы по дереву. До сих пор не удалось нигде больше встретить воспроизведения деревянной резьбы равного типа – глухой, рельефной, геометрической, существовавшей в деревнях и сёлах Симбирской губернии XIX века и украшавшей предметы крестьянского быта.

Отдельные типы надомной резьбы южных районов бывшей Симбирской губернии можно найти в книге И.В. Маковецкого «Памятники народного зодчества Среднего Поволжья» (М., 1954), написанной по материалам комплексной экспедиции Института истории искусств АН СССР и Государственного исторического музея, а также в работе Г. Никитина и Т. Крюковой «Чувашское народное изобразительное искусство» (М., 1960).

Наиболее интересные и ценные материалы для изучения материальной культуры неславянских народов, живущих на территории Ульяновской области, дают археологические экспедиции, которые позволяют восстановить картину развития материальной культуры Среднего Поволжья периода господства волжских булгар. В собрании археологического отдела

↑ Изготовление ложек

ГИМ имеется большая коллекция находок из так называемого муранского могильника (дер. Муранка Симбирской губ. Сенлилеевского уезда), собранная В.Н. Поливановым во время раскопок в 1890-х гг. и переданная в ГИМ, а также находки из экс-

педиции А.П. Смирнова. Все эти материалы могут представлять интерес при более углублённом изучении истоков народного искусства Ульяновской области.

В конце XVII – начале XVIII веков русские помещики стали выво-

зить из центральных районов страны крестьян, создавая русские деревни и сёла, называвшиеся часто по фамилиям и именам их хозяев (Языково, Анненково, Андреевка, Катериновка, Ивановка и др.). Вместе с появлением новых сёл в осваиваемые земли проникла и русская культура, которую привозили с собой крестьяне, бережно сохранявшие свои национальные обычаи и традиции. Можно отметить некоторую закономерность в появлении мастеров-профессионалов: столяров, резчиков по дереву, кузнецов и прочих, которые создавали превосходные работы на уровне столичных мастеров. Такие работы чаще встречались в районах, примыкавших к владениям наиболее богатых помещиков, которые могли обеспечивать мастеров постоянными заказами на обновление церквей, дворянских поместий.

В собрании Ульяновского областного художественного музея имеется очень интересная старинная мебель, исполненная местными мастерами. По своим художественным достоинствам она не уступает первоклассным образцам мебельного искусства. Однако к концу XIX века искусство краснодеревщиков Симбирской губернии

• Ложкарный базар

↑ Вышивальщицы

становится значительно ниже, что объясняется характерным для того времени упадком, а также тем, что начинается весьма активное влияние земских школ, которые, насаждая якобы «русский» стиль, способствовали утрате навыков и непосредственности местных мастеров. Так, известно, что в симбирские земские школы в период 1890–1917 годов из Петербурга посылались рисунки мебели в русском стиле, которые приучали ремесленников к подражательности, копированию рисунков городских художников. Этот процесс происходил по всей России, художественная промышленность постепенно вытесняла с рынка народных мастеров. Попытки возрождения народного кустарного искусства, предпринимавшиеся в Симбирской губернии, были весьма робкими.

В 1920-х годах на базе кустарных промыслов создаются промысловые артели по производству и сбыту кустарных товаров. Однако в Советском государстве народные художественные промыслы не приветствовались – их связывали с коммерцией и частным бизнесом, который был запрещён. Тем не менее в годы Великой Отечественной войны предприятия промысловой кооперации сыграли важную роль в снабжении населения необходимыми предметами потребления.

К 1960-м годам кустарно-промысловая кооперация в стране была

ликвидирована. Эта акция, прокатившаяся по всей стране, сильно ударила по народным художественным промыслам. Сохранился, к счастью, НИИ художественной промышленности в Москве и Музей этнографии народов СССР в Ленинграде. Учёные не дремали.

В июле-августе 1968 года НИИХП и Музей этнографии организовали выезд по русским районам Ульяновской области с целью изучения народного искусства и кустарных промыслов в Ульяновской области. До этого в собраниях музеев страны хранилось очень скромное количество произведений русского народного искусства Симбирской губернии XIX – начала XX веков и почти полностью отсутствовали предметы народного творчества современных мастеров. В Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова имелась немногочисленная коллекция вышивок, ткачества, деревянных изделий и керамики XIX века, приобретенных в основном у местного населения.

Экспедиция предполагала разведку наименее изученных районов с целью выявления мастеров-надомников, а также сбора полевого материала – произведений русского народного искусства XIX века. Из Ульяновска экспедиция направилась в Кузоватовский район, затем в Карсунский и соседний Инзенский, Сурский и Радищевский районы с заездом в го-

род Сызрань, бывший уездный центр Симбирской губернии. Члены экспедиции предварительно связались с сектором Среднего Поволжья Института этнографии АН СССР и этнографами, историками, занимающимися смежными вопросами. Была изучена специальная литература, в частности книга-справочник Клементина Воробьёва «Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии», изданная в 1916 году кустарным отделом Симбирской земской управы. В ней опубликованы материалы, собранные при местном статистическом обследовании губернии в 1910–1911 годах, а также при специальном обследовании кустарных промыслов Алатырского (в 1913 году) и Карсунского (в 1914 году) уездов. Материалы о художественных промыслах публиковались также в памятных книжках Симбирской губернии и в ежегодных губернских календарях.

Во время экспедиции 1968 года из Мелекесского района были привезены полотенца тканые с геометрической орнаментацией, широко распространённой в русских деревнях других районов России, и вышивка, преимущественно крестом. Из Сурского района московские научные сотрудники привезли женскую одежду из фабричных тканей начала XX века, донца, прялки и другие изделия из дерева. Благодаря экспедиции в Ульяновский областной краеведческий музей поступили великолепные образцы гончарных изделий сухокарсунских мастеров. Особый интерес представляют среди них кувшины и вазы для цветов, политые тёмно-коричневой и тёмно-зелёной глазурью и украшенные затейливыми «налепами» – своеобразной рельефной орнаментацией, характерной для художественных изделий Сухого Карсуна.

Члены экспедиции уделили пристальное внимание уникальному, сохранившему свой неповторимый почерк деревянному зодчеству в Ульяновской области.

Многое изменилось во второй половине 1970-х годов, когда было принято постановление о развитии в СССР народных художественных промыслов. В стране начался подъём НХП. Перемены связаны с возросшим на Западе интересом к русским сувенирам. На заводах и фабриках возрождалось производство изделий, связанных с народной культурой. Всё рухнуло в начале 1990-х годов.

Возрождение художественных промыслов в Ульяновской области

Отрадно сознавать, что ни один вид народных художественных промыслов в Ульяновской области не утрачен и во всех муниципалитетах развиваются ремёсла. Но чтобы сохранять их и развивать, необходимо укреплять их экономический фундамент.

В настоящее время в Ульяновском Поволжье продолжают существовать навыки некоторых прежних кустарных промыслов (горшечного, кузнечного, валяльного, бондарного, плотницкого и т. д.). Возобновилась индивидуальная работа мастеров на заказ и на рынок. Появляется интерес к возрождению и развитию некоторых художественных промыслов (ручное тка-

чество, плетение кружев, производство художественных керамических изделий, художественная обработка металла).

Ульяновская область относится к числу регионов, имеющих богатое историко-культурное наследие. Создание условий для преемственности поколений, передачи опыта и знаний в области народных промыслов, а также поддержка ремесленников

из муниципалитетов – такие задачи поставили перед собой авторы проекта «Картинговое народно-художественных промыслов Ульяновской области», разработанного при поддержке фонда «Ульяновск – культурная столица» и одержавшего победу в конкурсе президентских грантов осенью прошлого года. Для ознакомления с результатами этой работы мы встретились с автором и руководите-

лем проекта, руководителем дирекции социальных инноваций в сфере культуры и креативных индустрий фонда «Ульяновск – культурная столица» Кириллом Валовым. Вот что он нам рассказал.

Когда я начал выполнять свои обязанности руководителя дирекции социальных инноваций, я должен был понять, что мы имеем в регионе, куда нужно двигаться, какие ремесленники у нас есть. В ту пору у меня сложилось ощущение, что ремесленники существуют сами по себе, барахтаются в своих проблемах. Ещё задолго до того, как был объявлен Год народного искусства народов России, мы приняли решение запустить проект, который смог бы организовать своего рода мини-перепись ремёсел и ремесленников Ульяновской области, популяризовать данные уникальные виды деятельности и запустить механизмы поддержки таких бизнесов. Так был осуществлён проект «Картирование НХП и ремёсел Ульяновской области». В рамках данного проекта к работе на территории всех без исключения 24 муниципалитетов Ульяновской области были сформированы отряды ремесленных волонтеров (первые в стране) общей численностью **237 человек**. Основной целью проекта стало максимальное выявление ремесленников и их места бытования. По итогам реализации проекта выявлено **1022 субъекта ремесла по 27 направлениям ремесленничества**, установлено **390 мест бытования** и выделено **5 кандидатов НХП**. Лидером среди сельских муниципалитетов по количеству выявленных ремесленников стал Майнский район – 111 представителей.

В качестве первичных мер поддержки мы организовали четыре об-

ластные ярмарки ремёсел в городе Ульяновске с приглашением для участия наиболее перспективных ремесленников из сельских муниципалитетов, ориентированных на развитие своего креативного бизнеса.

В ярмарках приняли участие более 80 ремесленников, а гостями стали свыше 18 000 человек.

Выявив бизнес-ориентированных ремесленников, мы провели встречи и разъяснительные беседы по присвоению статуса «самозанятый» или ИП и привлекли их к участию в программе «Соцконтракт». Анкеты заполнялись волонтерами или самими ремесленниками в электронном виде. По итогам реализации проекта на основании полученных данных были созданы «Атлас ремёсел Ульяновской области», «Каталог ремесленников Ульяновской области» и «Сборник лучших ремесленных практик региона».

Параллельно фондом «Ульяновск – культурная столица» совместно с заявителями проекта велась работа по подготовке документов и направлению

их в Минпромторг РФ на присвоение на федеральном уровне статуса НХП (народно-художественный промысел. – Ред.) трём ремёслам. По итогам три заявителя стали кандидатами на получение статуса народно-художественного промысла: художественная обработка камня симбирцит; кузоватовская резьба по цветному фону и кузоватовская художественная роспись.

Сейчас в работе ещё два потенциальных кандидата на статус НХП: мануфактура по производству музыкальных инструментов «Балалайкер» и гончарный промысел села Сухой Карсун. Поясно значение этого статуса. Во всем мире известны хохломская роспись, гжель, дымковская игрушка, павловские платки. Эти бренды имеют экономическую сторону. Статус НХП даёт бизнес-привилегии, федеральную помощь, налоговые льготы, известность. Так мы продолжаем работать с заинтересованными ремесленниками. В настоящее время создаём электронную карту Ульяновской области, где будут обозначены все контакты.

Хочется надеяться, что инициаторы этого хорошего дела решат вопрос и о месте реализации продукции ремесленников на льготных условиях в областном центре.

Немного статистики. Самыми редкими ремеслами, как выяснилось в ходе реализации проекта, стали печное мастерство и роспись. Самые распространённые промыслы в Ульяновской области – вязание (30%), вышивание (21%), плетение из бисера (12%). Распространены изготовление игрушек (9%), резьба по дереву (9%), лозоплетение (6%).

Фото предоставлены фондом «Ульяновск – культурная столица»

Уникальные ремесла Ульяновской области

Валенки да валенки...

Валяльный промысел – один из старейших в Симбирской губернии да и на территории всей России. Куда человеку в российскую зиму без валенок! Их основа – шерсть – в каждом крестьянском дворе: овечья, коровья, козья или собачья. Тем не менее купить валенки мог далеко не каждый, потому что стоили они недёшево. Их передавали по наследству и носили по старшинству. Секреты этого ремесла передавались из поколения в поколение.

В Симбирской губернии этим промыслом на продажу занималось в основном татарское население, не отставали в валянии валенок и русские, и чуваши. На ярмарках особенно ценились алатырские валенки. Ныне это село Красные Горы Сурского района, а раньше село называлось Кобелевка, от слова «кобельки», что означает деревянные болванки для накатывания на них отпаренной овечьей шерсти.

В настоящее время валяние валенок в Ульяновской области распространено не так широко, но есть мастера, которые переняли это дело от своих дедов. Промысел встречается в Карсунском, Кузоватовском, Майнском, Новомалыклинском и Цильнинском районах.

В XXI веке валенки не забыты, в них шеголяют как сельские жительницы, так и ульяновские модницы.

В р. п. Цильна процветает семейная мастерская «Пуховый доктор». В районе знают и ценят уникального мастера-валяльщика Ф.К. Юнусова.

Ткачество

В разных уголках Симбирской губернии было развито узорное ткачество. Образцы народного искусства дошли и до наших дней, все они переключаются по технике исполнения и орнаментации с ткачеством Русского Севера. Вполне возможно, что эти узоры тканых изделий могли быть привезены переселенцами северных районов в Симбирскую губернию в XIX веке.

Ткацкий станок

Пояса Ольги Марковой. Мастерская «Журавль»

Особенно славились ткачихи Алатырского уезда (ныне Сурский район). В большом количестве производилось белое и пестрядиное полотно, полотенца, выполненные в технике браного и выборного узорного ткачества, дмотканые дорожки, пояса и опояски, вытканые на бёрдышках и дощечках. Ткачество было трудоёмким процессом. Даже на изготовление нитей уходило очень много времени.

В с. Промзино (ныне р. п. Сурское) ткали из бумажных и полубумажных холстинок, которые так и назывались – промзинки, а выработка этой ткани за год составляла 600 тысяч аршин.

В настоящее время ручное ткачество возрождается в несколь-

ких районах Ульяновской области. Ремесленная мастерская «Журавль» появилась в 2009 году в п. Зелёная Роща Ульяновского района, а также при церковно-приходской школе при Арских храмах.

«Корч» и его предшественники

В фондах Ульяновского областного краеведческого музея есть первоклассные художественные изделия из металла: железные подсвечники, сундучки, подголовники, окованные узорным просечным железом. Они датируются XVII – серединой XIX веков, а некоторые из них (сундучки) относятся к более раннему периоду.

Тонкие и изящные узоры просечного металла говорят о высоком мастерстве исполнителя.

В 1911 году в Симбирской губернии было около трёх тысяч кузнецов. Настоящие мастера своего дела, кузнецы-ювелиры проживали в помещичьих усадьбах.

В советское время с развитием сельского хозяйства потребность в кузнецах не угасала: кто ещё в селе подкуёт лошадь! Однако кузнечное дело как народный художественный промысел не развивалось. Его возрождение началось уже в наше время. В 1986 году в Ульяновске был основан Симбирский кузнечный двор «Корч». На этой базе воссоздана действующая кузница образца XVIII века, в которой производится демонстрация технологии кузнечного ремесла. В настоящее время это творческая мастерская настоящих профессионалов. Кузница «Корч» является членом Союза кузнецов-художников России и постоянным участником различных выставок и фестивалей в Москве, Ульяновске, Саранске, Будапеште, Сексарде (Венгрия), разных городах США. При мастерской открыты кузнечная школа и музей кузнечного дела. Мастера художественнойковки умело сочетают древнее мастерство кузнечных работ с последними тенденциями дизайна и современными средствами отделки металлов, стремятся удовлетворять самые разнообразные современные требования и вкусы. Все вещи – будь то сувенир, уличный фонарь, самовар, каминный набор или ограда – эксклюзивны и оригинальны, металл одухотворён теплом души мастеров, влюблённых в своё дело.

Симбирцит – символ Ульяновской области

Спирально закрученные раковины ископаемых моллюсков названы аммонитами. Их сотни разных видов, а в 1894 году известный геолог, про-

фессор Московского университета А.П. Павлов, работавший в Симбирской губернии, выделил и описал новую группу аммонитов и назвал *Sibirskites* – симбирскиты. Они добываются под Ульяновском и при обработке выглядят как две загадочные спирали: медово-янтарная, расширяющаяся от центра к краю, и узкая тёмная полоска.

Другой полудрагоценный камень необычайной красоты – симбирцит, который ещё называют волжским янтарём за яркий золотистый цвет с красноватыми оттенками. Самоцвет напоминает осеннее буйство красок. Ни один кусок симбирцита не похож на другой.

Первое упоминание об этом камне относится к XVIII веку, но местные жители практически не обрабатывали его. Они собирали окаменелости (аммониты, белемниты, двустворчатые «грифиты») и продавали путешественникам, а также использовали в народной медицине: прикладывали к больным местам, применяли в заговорах.

Своё название – симбирцит – камень получил сравнительно недавно, в 1985 году благодаря местному учёному-энтузиасту В.М. Ефимову, который в короткий срок превратил этот камень в символ и главную достопримечательность Ульяновска. В 1996 году обработка камня получила статус народного художественного промысла Ульяновской области.

Широкому потребителю в России симбирцит пока не слишком известен – камень этот редок и добывается лишь на территории Ульяновской

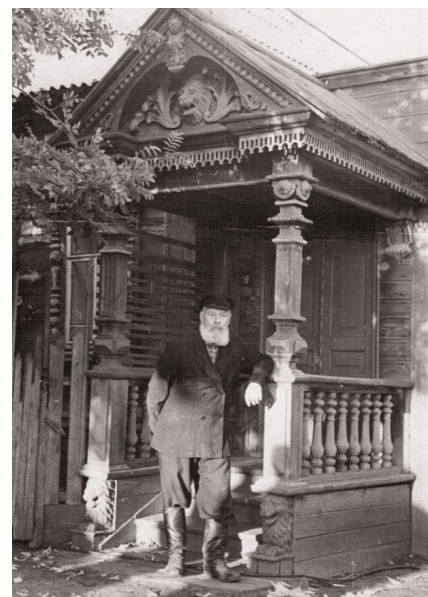
области и только на волжском берегу. В нашем регионе он пользуется огромной популярностью. В центре города установлен памятник симбирциту. Из камня делают памятные награды и медали для спортивных и творческих состязаний и конкурсов, проходящих в Ульяновской области. Сорт пшеницы «симбирцит», молодёжный клуб «Симбирцит», танцевальный ансамбль «Симбирцит» – список можно продолжать. Гости города стараются непременно приобрести уникальный сувенир из симбирцита.

Традиции деревообработки

Резьба по дереву на протяжении многих веков не теряет популярности во всех уголках многонациональной России. Сохраняется интерес к художественной деревообработке и в Ульяновской области.

Народная культура и традиции декоративной деревообработки – богатство Кузоватовского района. Основоположником резьбы здесь был Семён Петрович Сорокин. Обучившись этому ремеслу

С.П. Сорокин возле своего дома

и став настоящим профессионалом, он передал секреты мастерства своим детям и внукам. Уникальные работы С.П. Сорокина и его детей находятся во многих музеях страны и частных коллекциях.

Кузоватовцы сохраняют историческую преемственность поколений. Ремесло деревообработки активно продвигает директор Кузоватовской ДШИ, преподаватель резьбы по дереву и основатель проекта «Наследники Сорокина» Владислав Тогаев. Он обучает молодёжь резьбе по дереву. В рамках реализации проекта «Музей дедушки Сорокина» Тогаев реконструировал и открыл районный историко-краеведческий музей с экспозицией, посвящённой знаменитому кузоватовско-му резчику.

Парк с резьбой в Кузоватово

Выставка «В гостях у резчика Сорокина» в Кузоватовском краеведческом музее

Фестиваль-конкурс «Наследники Сорокина» в Кузоватово

Фестиваль-конкурс резчиков по дереву «Наследники Сорокина» проходит в Ульяновской области с 2011 года. Очень быстро он получил статус всероссийского. Яркое зрелище: из трёхметрового соснового бревна умельцы режут сказочных персонажей, садово-парковые скульптуры, языческих богов и другие творения. На соревнованиях по скоростной резьбе мастера в течение 45 минут выпиливают скульптуры на свободную тему. Изваяния остаются «жить» в Кузоватово или же в исконно мордовском селе Кивать, которое стало площадкой проведения еще одного областного фестиваля декоративно-прикладного творчества «Масторовань Морот» («Песни матери-земли»). Так Кузоватово может похвастаться детским парком «Сказки

резчика Сорокина», а село Кивать – это целый этнографический национальный комплекс с подворьями и мордовскими идолами. Музеи под открытым небом притягивают туристов со всех уголков России и являются любимыми местами отдыха жителей Ульяновского региона. Неизменными участниками фестиваля «Наследники Сорокина» в рабочем поселке Кузоватово Ульяновской области являются мастера из Московской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской областей, из Мордовии, Чувашии, Ульяновска, муниципальных образований Ульяновского региона, а также молодое поколение воспитанников художественного отделения Кузоватовской детской школы искусств, где учат превращать обыкновенные куски дерева в прекрасные произведения народного творчества.

В 2021 году в р. п. Кузоватово прошёл очередной областной форум «Наследники Сорокина», посвящённый 130-летию со дня рождения Семёна Сорокина. Гости обменялись опытом и навыками на круглом столе «Сохранение и развитие народного промысла резьба по дереву». Ярким моментом мероприятия стала экскурсия в краеведческом музее по выставке «В гостях у резчика Сорокина», где мастер изображён среди своих работ в творческом привычном для него процессе.

Теперь в этом музее организуются выставки, мастер-классы резьбы по дереву и кузоватововской росписи с привлечением профессиональной команды историков, музейных специалистов.

Лоскутное мастерство

Это ремесло родилось в конце XVIII века. С развитием машинного производства в России в домашний обиход начали входить разнообразные ткани. После раскроя одежды оставались лоскуты, которые хозяйки никогда не выбрасывали, а складывали в отдельные мешки, а впоследствии изготавливали из них различные изделия. Делалось это из экономии, но в руках мастериц эти изделия зачастую превращались в настоящие произведения искусства. Так родилось лоскутное ремесло. Шились подушки, одеяла, дорожные и хозяйственные сумки.

С подъёмом материального благосостояния советские мастерицы не утратили интерес к лоскутному мастерству – в 1970-е годы в моду вошёл фольклорный стиль – он возродил традиции лоскутного шитья.

В конце XX века крупнейшие музеи России обратили внимание на русский текстиль и стали изучать его как вид искусства.

Сегодня наиболее популярны две техники лоскутного шитья: пэчворк (мелкие детали накладываются на крупные) и квилтинг (состоит из нескольких слоёв ткани). Достичь высокого мастерства в этих видах искусства очень непросто: нужен не только навык, как в других ремёслах, но художественное видение, чувство цвета и композиции.

Изделия ручной работы вновь обретают особую ценность и вряд ли когда-нибудь выйдут из моды.

Иконопись – ремесло духовной интуиции

Иконы писались в Симбирской губернии начиная с XVII века, с момента образования города и первых монастырей. Сохранившиеся образцы представляют собой памятники национальной истории и культуры. К сожалению, советская власть так яростно боролась с православием, что старинное ремесло было уничтожено на корню. Возрождение иконописи в нашем регионе началось в 1990-х годах.

Первым известным иконописцем того времени стал Александр Степанович Гордеев, проживающий в р. п. Сурское. В далёком 1964 году он поехал в с. Прислониху к Аркадию Александровичу Пластову показать свои работы. Пластов стал давать задания начинающему художнику.

• Иконописец Александр Карпов

Общение с высокодуховным учителем не прошло бесследно для Александра Гордеева и повлияло на его мировоззрение: он начал писать иконы. Много позже, когда в 1990 году сын академика Николай Аркадьевич Пластов начал реставрацию прислонихинской церкви, к этой работе присоединился Александр Гордеев: расписывал иконостас, делал эскиз решётки.

В 2000 году Александр Гордеев расписал внутренние стены часов-

ни на Никольской горе в р. п. Сурское. Помогал в восстановлении и реставрации церкви на территории Сурского района. Написал несколько икон для церкви в с. Рождествено Самарской области.

В конце 1990-х иконописью занялся ульяновец Александр Карпов. Он окончил военно-техническое училище в 1992 году, работал в правоохранительных органах. В 28 лет Александр поехал учиться в иконописную мастерскую – сначала в Саратове, потом в Дивеево (Нижегородская область). Учился почти три года, два года работал в Софрино. В Ульяновске Александр Карпов расписал храм Благовещения Пресвятой Богородицы на улице Шолмова и храм Покрова Пресвятой Богородицы на улице Аبلукова. Для Симбирской епархии написал икону Андрея Блаженного.

В настоящее время в нашем регионе проживает несколько ярких иконописцев. Среди них – заслуженный художник РФ Станислав Слесарский, расписавший несколько храмов в Симбирской епархии и в других регионах, автор множества икон. Виталий Борисов – первый иконописец, написавший образ святого Феодора Ушакова для его канонизации. Павел Бугров – художник-иконописец, основатель иконописной мастерской в р. п. Ишеевка Ульяновского района.

Пока живо православие, будет жить и иконописное ремесло.

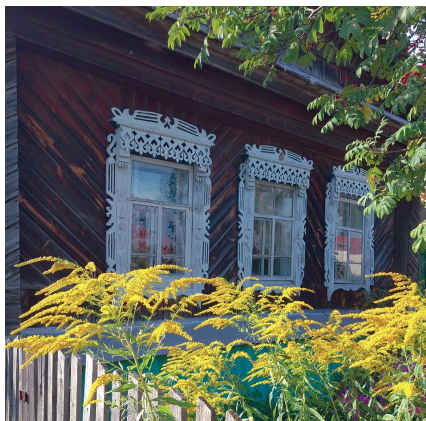
Ольга Григорьева

Симбирский святой –
Андрей Блаженный.
• Икона Александра Карпова

В XIX – начале XX веков массовое производство глиняной посуды было развито в Симбирской губернии в трёх пунктах: село Сухой Карсун Сосновской волости Карсунского уезда, село Ясашный Сызган той же волости, село Шемурша Никольской волости Сызранского уезда. Это объяснимо: неподалеку находились подходящие глины. Здесь насчитывалось 515 гончаров-горшечников. Глину они добывали, как правило, на своих земельных наделах. Изделия сбывали на соседних базарах и ежегодных ярмарках, устраиваемых в городе Карсуне, а также продавали за гроши скупщикам.

Такое досталось служение... Сухокарсунские гончары

Дом гончарного промысла в с. Сухой Карсун

Основной ассортимент гончаров Сухого Карсуна в конце XIX – начале XX веков составляли квашенки, полуквашенки, горшки, корчаги, банки для цветов, рукомойники, балакири, кувшины, плошки, тарелки, тазы, смоляные горшки, а также печные трубы, так называемая гончарка.

В 1910-х годах гончарный промысел в Симбирской губернии стал затухать из-за вытеснения глиняных изделий металлической эмалированной посудой. Однако Сухой Карсун почти до конца XX века оставался центром гончарства.

Во время экспедиции 1968 года по Ульяновской области специалисты НИИХП пришли к выводу, что керамика Сухого Карсуна сохраняет особые, только ей присущие характеристики, а местные мастера заслуживают звания народных художников, их изделия являются подлинными произведениями народного искусства и могут по праву служить в качестве местных национальных сувениров русского народного искусства Среднего Поволжья.

Члены экспедиции так описывали это село и изделия мастеров¹: «Это большое живописное село с улицами протяженностью в несколько километров и рядами крепких новых домов, большей частью украшенных затейливой пропиленной резьбой. За селом начинаются леса и залежи жирной глины, которую жители добывают прямо сверху, вручную. На задворках, за домами, расположенными в основном фронтально к улице, имеется несколько небольших деревянных срубов типа сараев или амбаров, в которых находятся гончарные печи или горны. В один приём в печи обжигают до двух тысяч цветочных горшков средней величины. Мастера работают исключительно на местной глине довольно яркого цвета, дающей при

☛ Сухокарсунская керамика на выставке в селе Прислониха. 3 сентября 2022 года

обжиге хороший черепок. Ассортимент изделий сравнительно большой. <...> Раньше в Сухом Карсуне изготавливали скульптуры зверей, чаще всего льва и медведя – любимых героев народного эпоса – и торговали ими до революции на Карсунской ярмарке. Подобная скульптура и затейливые кувшины с «налепами» наводят на мысль, что гончары Симбирской губернии могли быть знакомы с изделиями скопинских мастеров. Возможно, когда-нибудь удастся установить, что предки этих мастеров приехали в Сухой Карсун из Рязанских земель, привезя с собой и

своё искусство. <...> Сухокарсунские гончары даже не подозревают, какие прекрасные изделия выходят из-под их рук».

В советское время, несмотря на разнообразие современной посуды в торговых точках, гончары не бросали промысел, который кормил их дедов и прадедов, и сохранили те же приёмы орнаментации, какие использовали их отцы и деды.

Ремесло начало затухать в перестроечное время. С развалом колхозом люди стали покидать родные гнёзда.

Чтобы сохранить уникальный промысел, администрация Карсунского района в 1998 году приняла решение открыть в с. Сухой Карсун Дом гончарного промысла. Он выполняет несколько функций: это и музей истории ремесла, и школа юных гончаров, и мастерская. Возглавила Дом гончарного промысла дочь известного мастера Николая Николаевича Ларина – Ольга Николаевна Андреева. Она с детства сидела за гончарным кругом и познала все тонкости этого дела. Незадолго до смерти Николай Николаевич (один, без помощников!) построил горн для обжига гончарных изделий. Дело это очень непростое и трудоёмкое. Ларин понимал, что силы кончаются, и спешил довести

работу до конца, чтобы ремесло не погибло в новом тысячелетии.

Ольга Николаевна приглашает нас посетить музей, который назвала «Лукошко». Экскурсию она начинает своими стихами:

*В нашем «Лукошке» тепло и уютно,
В нашем «Лукошке» сказки как будто.
Дверки со скрипом,
ступеньки со скрипом,
Ходим тихонько...
Здесь всё по старинке.
Стол деревянный стоит под иконой,
Дорожка к столу вьётся
лентой плетёной.
Кровать с одеялом,
шитым из клиньев,
Зыбка с младенцем
танцует на крыльях.
Прялка с донцом, веретёнка на лавке
Ждут не дождутся встречи
с хозяйкой...*

И так, в стихах, вся экскурсия!

Ольга Николаевна проделала очень важную работу: собрала материал о всех гончарах Сухого Карсуна за прошедшее столетие. В алфавитном порядке записала всех мастеров, их годы жизни, сведения, в каких годах производили продукцию, какую посуду делали, где сбывали. В списке более 120 человек. Смотрим букву «А». Одних только Алмазовых шесть мастеров, несколько поколений Акимовых, несколько поколений Андреевых...

А хозяйка Дома гончарного промысла показывает дорогие её сердцу экспонаты:

– Эта вещь самая старая: самовар 1898 года. Он стоит в красном углу под иконами – так было в каждом доме. А вот прялка моей бабушки, клиновое одеяло – тоже бабушкино. Такие она изготовила в подарок всем своим восьмерым внукам. Нового мы ничего не выдумываем – показываем то, что было. Здесь можно изготовить горшочек, можно попрясть, как пряли наши бабушки. – Через некоторую паузу Ольга Николаевна без пафоса добавляет: – Вот такое досталось мне служение, и я горжусь: мне доверили сохранить прошлое. Это почётно, это ответственно, это нужно будущим поколениям.

Наталья Кожина

¹ Печатаются выдержки из очерка председателя экспедиции НИИХП Л.Н. Гончаровой «Художественные промыслы Ульяновской области». – Краеведческие записки, сб., 1971.

История акшуатского лозоплетения

На Руси крестьяне во все времена плели из ивовых прутьев снасти для рыболовства, ловушки для птиц и зверей, корзины, возводили заборы и хозяйственные сооружения. Промысел этот появился ещё до гончарного искусства, раньше, чем дерево- и металлообработка. Но не в каждой деревне было организовано обучение этому ремеслу.

В 1911 году Владимир Николаевич Поливанов, председатель Симбирского дворянства, создатель первого частного музея в Симбирской губернии, крупный землевладелец, крепкий хозяин, открыл в своём поместье в селе Акшут ремесленную мастерскую корзино-мебельного производства. Её построили рядом с открывшимся в 1909 году зданием школы, построенным по проекту А.А. Шоде. Вероятно, мастерская тоже построена по проекту тогда ещё начинающего архитектора, т. к. эти два здания составляли единый архитектурный комплекс, их объединял и совершенно одинаковый фасад, и размеры зданий. Сложены они были из красного кирпича, сделанного на местном кирпичном заводе В.Н. Поливанова. В нескольких метрах от мастерской он построил жилой дом для мастера Евгения Васильевича Репко, которого пригласил с Украины для обучения лозоплетению. Дом до сей поры покрыт, как и при его строительстве, черепицей, изготовленной в мастерской по производству черепицы В.Н. Поливанова. Отдельные листы черепицы иногда меняют, есть запас, но никогда не перекрывали, да и в настоящее время семья не планирует менять черепицу на современные материалы, т. к. служит она верой и правдой, хоть и старше сегодняшних хозяев почти на сотню лет.

Сегодня мы можем только предполагать, зачем В.Н. Поливанов открыл в своём поместье ремесленную мастерскую для крестьянских мальчишек. Возможно, следуя моде, т. к. на Западе широко применялась плетёная мебель. Или это входило в лесомелиоративные мероприятия,

которые проводил В.Н. Поливанов для закрепления песков и оврагов. Для этого применялись шелюговые посадки. (шелюга – разновидность ивы. – *Авт.*) Возможно, что этому способствовало продвижение железнодорожного транспорта и торговли, так как изделия из лозы являлись отличной упаковкой для перевозимых товаров, а в 1895 году Владимир Николаевич построил станцию, которая послужила образованию пос. Поливаново в пяти километрах от Акшута, на Московско-Казанской железной дороге. А ещё В.Н. Поливанов заботился о крестьянских детях и старался дать им в руки ремесло, которое в условиях малоземелья могло бы прокормить семью.

Сырьём для плетения является ивовый прут или лоза. Но мастерская работала не на тех ивовых прутьях, которые можно было срезать с растущих вдоль реки ив. В пойме р. Малая Свияга сразу же заложили плантацию лозы, а черенки различных сортов ивы привезли тоже с Украины. Качество лозы, в первую очередь гибкость и упругость, зависит от количества влаги и почвы. Для каждого вида из-

делий (корзины или мебель, мелкие или крупные изделия) выращивали различные сорта ив на разных участках речной поймы.

На посадке и на обработке плантации акшутские мальчишки, которые пошли учиться в ремесленную мастерскую, работали под руководством мастера. Девочки тоже могли заработать в этой мастерской, они чистили прут и получали за это деньги. Акшутские бабушки вспоминали, что работа эта была несложная. Было отдельное помещение, где они чистили пропаренные прутья, пели при этом песни. Ивовая кора и листья, полученные при очистке прута, тоже шли в дело. Их использовали в качестве удобрения на той же плантации. Кору непареного прута сушили на жердях 3–5 дней, связывали в пучки, она шла для дубления кожи. Кора, забракованная кожевниками, употреблялась на подстилку скоту, на подвязку плодовых деревьев, на удобрение, набивку тюфяков.

Один из учеников первого набора Портонов Иван Алексеевич (1898 г.р.) так вспоминает в своей автобиографии об обучении в мастер-

ской: «В 1911 году у нас на родине, в с. Акшуат Водорацкой волости Карсунского уезда Симбирской губернии, открылась мастерская корзино-мебельного производства. И вот меня (мне было 12 лет) отец отдал учиться на 4 года: первый год бесплатно, второй год – два рубля в месяц, третий – три рубля, а четвёртый год работали сдельно, мастерская была от земства. Зарабатывали 3–10 рублей в месяц. В 1915 году меня и ещё нескольких плетельщиков из мастерской направили в Петроград преподавателями корзино-мебельного производства. Мы преподавали раненым ручной труд в госпиталях. Я поступил в клинический военный госпиталь и Мариинский приют. В двух мастерских я получал от Красного Креста 75 рублей в месяц».

Слева направо.
Нижний ряд: А. Силантьев,
А. Курков, А. Махаев.
Верхний ряд: В. Мясников, К. Курков,
И. Портнов. Петроград, 1917.
Из фондов Акшуатского музея

Акшуатцы рассказывали, что в Питере плели на заказ тогдашним модницам миниатюрные кошельки, дамские сумочки и шляпки, мебель. После ноября 1917 года они вернулись в своё село, оттуда были призваны в ряды РККА, воевали на Первой мировой, вернулись к лозоплетению нескоро. А тем временем на родине в Акшуте всё перекраивалось и перестраивалось. Господский дом был частично разграблен, большая часть имущества и музейных экспонатов была национализирована и перевезена в Симбирск. В здании ремесленной мастерской корзино-мебельного производства разместился клуб. До 1921 года корзинщики, как их называли в Акшуте, плели в бывшей конторе Поливанова, на территории усадьбы. Несколько лет мастерская совсем не

работала, но в начале 1930-х годов в пустующих помещичьих постройках на Конопляничке (ныне ул. Новая) вновь заработали лозоплетельщики. В молодой стране Советов создавались небольшие артели, которые объединяли кустарей, какими являлись и акшутские корзинщики.

В 1936 году они стали членами артели им. Осипенко Обллесхимпромсоюза п. Чёрная Речка Акшутского с/с Барышского р-на Куйбышевской области. Спецпосёлок Чёрная Речка располагался в семи километрах от Акшуты. Здесь хватало трудовых ресурсов (ссылались сотни семей в период коллективизации и борьбы с кулаками) и была сырьевая база для различных производств. Работали бондари, рамщики, ободники, корзиноплетельщики, дегтярники, сборщики смолы, заготовщики лыка. Мастером цеха корзиноплетения с 1936 года и до начала войны работал Борис Макарович Фомин. В цехе корзиноплетения плели самые разнообразные корзины для колхозов и населения, мебель, чемоданы, школьные сумки. Большим спросом пользовались тарантасы, которые устанавливались на телеги и сани. С той поры сохранился про тарантас анекдот: «Сидит мужик в избе, заканчивает плести тарантас, изером (инструмент для уплотнения плетения) постукивает и приговаривает: «Так, так, тук-тук, вот так...» А баба и говорит: «Так-то оно так, а из избы вытаскивать будешь как?»

В Великую Отечественную войну почти все мужчины из артели ушли на фронт, женщины, старики и дети выполняли план и производили всю продукцию. С войны вернулись не все. Инвалидами вернулись в цех С.Ф. Перведенцев (без ноги), И.С. Платонов, А.Н. Фомин, А.М. Силантьев. В цех корзиноплетения пришли фронтовики А.Г. Маринин, В.А. Коблов, А.К. Карпунин, П.А. Кирпичников. Старейший мастер Пётр Нилович Коблов, который обучался ремеслу у мастера Е.В. Репки, вернулся с войны без обеих ног. Артельщики жалели его, заготавливали для него прут, и он плёл дома. Плёл дома Иван Назарович Хуртин, он жил на кордоне, был лесником. Не хуже мужчин освоили это мастерство молодые девушки и женщины: В.Ф. Юдина (Воробьёва), В.Ф. Мазина, М.Г. Маринина (Коблова), Н.Ф. Климчук (Переведенцева), М.Ф. Чернощёкова.

В 1944 году лозоплетельщики провожали на действительную службу своего молодого коллегу Евгения Чекарлеева. Он был учеником опытного мастера С.Ф. Переведенцева, прошедшего войну. Семён Фёдорович сплёл своему ученику чемодан из лозы, с ним и призывался будущий основатель династии Чекарлеевых. Впоследствии Евгений Владимирович привлёк к ремеслу своего сына Владимира и зятя Юрия.

Кроме Чекарлеевых были и другие трудовые династии лозоплетельщиков: много лет плели Миха-

ил и его сёстры Мария и Валентина Чернощёковы, Александр и Мария Маринины, Семён и Нина Переведенцевы.

С созданием в начале 1960 годов Барышского районного промбыткомбината артель вошла в его состав, изменилось название: «Кооперативно-промышленная артель им. Осипенко пос. Чёрная речка Акшутского с/с Барышского района». 1 октября 1960 года артель была закрыта в связи с упразднением промкооперации в Барышском райпромкомбинате и реорганизована в деревообрабатывающий цех «Чёрная речка», который вошёл в Барышский леспромхоз Ульяновского лесного хозяйства.

В конце 1960-х спецпосёлок Чёрная Речка перестал существовать, люди разъехались, а цех вошёл в состав Акшутского лесничества Барышского лесхоза. Он располагался в ту пору в доме раскулаченного Винокурова, в центре села на ул. Анельского. Мастерская разместилась во дворе лесничества, в небольшом домике. До конца 1970-х гнули колёса и делали сани из дуба. Кору дуба и непареной ивы сушили, складывали в пучки, отвозили на ст. Поливаново, грузили в составы, отправляли на кожевенные предприятия. После засухи 1978 года дубы стали сохнуть, сырья не хватало, производство колёс и саней было закрыто, все мастера перешли на плетение. Многие годы мастером ширпотреба здесь был Александр Яковлевич Курушкин. Под его контролем работали В.Е. Чекарлеев, П.А. Кирпичников, В.А. Кирпичников, Н.П. Ясенский, А.К. Карпухин, В.И. Платнов, И.Ф. Филимонов, Н.Ф. Ефремова, Г.В. Ибряшкина, М.Г. Коблова, П.Т. Крякушин, В.П. Кочкин и др. Он следил за выполнением плана, отгружал товар потребителям. В этот период плели грибные, ягодные корзины, сухарницы, кашпо для торговых сетей. По заказу плели баки для белья, диваны и кресла, столы квадратные и круглые, табуреты, детские кроватки-качалки, столики-подставки под цветы. Но самым большим спросом пользовались большие хозяйственные корзины для колхозов и совхозов из неошкуренного прута. Опытные корзинщики

за день могли сплести до 25 штук и получить за это неплохие деньги.

Мастерству обучались, работая в мастерской, перенимая опыт более опытных плетельщиков. Сначала выполняли самые простые операции, следили за работой опытных мастеров. Самым опытным мастером считали Е.В. Чекарлеева. Работы Евгения Владимировича экспонируются в областном музее народного творчества, в Акшутском музее, да и почти в каждом доме акшутцев есть корзина или мебель, сплетённая мастером. Бережно хранятся изделия А.Г. Маринина в доме его дочери М.А. Переведенцевой. Этот дом является мини-музеем одного мастера.

В 1991 году в самом конце улицы Советской было построено новое административное здание лесничества (ныне здесь размещается Акшутский историко-этнографический музей им. В.Н. Поливанова). В этом здании разместились контора и мастерская по лозоплетению, рядом располагались складские помещения для лозы и парилка. В километре от лесничества начинались плантации лозы, на которых выращивали культурные виды ивы-люминалис, чернотал, краснотал, дубовик, завезённые ещё в начале XX века В.Н. Поливановым при организации работы ремесленной мастерской корзино-мебельного производства.

Заготавливали лозу с октября до начала декабря, на заготовку выходило до 25 человек. Одни резали секаторами прут, другие связывали его

◀ А.Г. Маринин

◀ В.Е. Чекарлеев (в центре), В.П. Кочкин (справа)

проволокой в пучки. Количество прута в пучках не считали, но пучок не должен быть очень тяжёлым – его надо погрузить в трактор, который отвозил прут на склад. Затем прут начинали парить и чистить. Этот процесс тоже очень трудоёмкий и занимал около месяца.

На сезон заготавливали до 1 млн штук прута. В отдельном здании был установлен большой чан с водой. В нём парили прут. Парили по очереди. Дежурный приходил часа в 3–4 утра, иногда и с вечера протапливали, чтобы быстрее утром нагрелась вода. В этом чане парилось до 10 пучков прута, за день чан закладывался дважды. Пропаренные пучки вынимали из горячей воды и ставили в пустую бочку. После того как прут остывал, его сортировали по длине, потом чистили при помощи щемилки или ножа, делили счётом, связывали в пучки по 500 штук. Каждый мастер уносил прут домой, т. к. его надо было высушить, развязав пучок. У корзинщиков в сараях, предбанниках, сенях вдоль стен ровными рядками стояли белоснежные прутьки ивы, которые по мере необходимости размачивались и шли в дело. Когда весь заготовленный прут был отпарен и очищен (обычно к Новому году), приступали к плетению. Каждый плетельщик приходил на работу со своим прутом, многие плели дома, обустроив для этого свои бани, а летом плели прямо на улице. Главное было выполнить план – от этого зависел заработок корзиноплетельщиков. Зарплата порой была выше, чем у лесорубов.

Так В.Н. Поливанов дал в руки жителям нашего села мастерство, которое несколько десятилетий обеспечивало большую часть семей акшутцев постоянным и неплохим заработком.

В 1990-е в цех пришло пополнение: Виктор Иванович Дмитриев, Александр Степанович Бормотин, Александр Юрьевич Мурзаков, Сергей Юрьевич Круглов. Учитель рисования Акшутской школы Александр Геннадьевич Фомин, выпускник художественно-графического училища, освоил это мастерство, плёл изящные предметы декоративно-прикладного искусства, которые сейчас экспонируются в выставочном зале Акшутского музея (плетёный самовар с чайником, ваза-лилия, цветочница и др.), в школе вёл спецкурс для учени-

ков. Для одних эти занятия стали просто знакомством с основами ремесла, но несколько его учеников (Дмитрий Кузнецов, Никита Тимошенко, Дарья Фомина) освоили лозоплетение, участвовали со своими работами в выставках, плели на продажу. Лозоплетение не стало их профессией, но они брались за лозу, когда студенческой стипендии не хватало, и сейчас плетут для души.

После 2002 года цех лозоплетения при Акшутском лесничестве был закрыт, отлаженные экономические связи с базами и хозяйствами нарушены, главных потребителей – колхозов и совхозов становилось всё меньше, упал спрос и в связи с тем, что на прилавках магазинов появились дешёвые китайские пластиковые предметы быта. Мастера ушли, стали плести дома. Этот промысел и сохранился в селе благодаря этим мастерам-кустарям. Постепенно плантация, с которой уже не срезали в таком количестве лозу, как в былые годы, заросла, ремесло не передавалось, учиться молодёжь самостоятельно не хотела.

С открытием Акшутского историко-этнографического музея имени В.Н. Поливанова появилась потребность в возрождении промысла. Для этого наш музей совместно с областным краеведческим музеем им. И.А. Гончарова подготовил проект «Наследие мастера Репки. Создание лозоплетельческой мастерской в с. Акшут». В августе 2016 года на возрождение акшутского лозоплетения Культурным фондом имени И.А. Гончарова были получены средства государственной поддержки в качестве гранта на основании конкурса, проведённого Фондом поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива». На средства гранта в двух пустующих помещениях Акшутского историко-этнографического музея им. В.Н. Поливанова создана мастерская по плетению из лозы и выставочный зал «Акшутская лоза», в котором оформлена экспозиция «Лозоплетение в Акшуте». Средства (220 тыс. руб.) пошли на приобретение изделий акшутских мастеров для выставочного зала. Теперь здесь представлены работы мастеров разных лет. Самыми старыми являются корзины для винных бутылей, в которых перевозили вино с винокуренно-

го завода В.Н. Поливанова, чемоданы, многие из которых использовались как тара для перевозки товаров по построенной в начале XX века железной дороге, рамочка для фотографий. Есть диваны и кресла, сплетённые в 1950 годы С.Ф. Переведенцевым, А.Г. Марининым, А.М. Силантьевым. Комплект мебели В.И. Дмитриева, Е.В. Чекарлеева. Есть и совсем «юный» комплект мебели В.Е. Чекарлеева.

В настоящее время местными мастерами лозоплетения В.Е. Чекарлеевым и В.И. Дмитриевым в мастерской музея проводятся мастер-классы по плетению из лозы. На занятиях мастера передают навыки и приёмы акшутского лозоплетения, что способствует сохранению промысла. Реализуется совместный проект «Акшутская лоза. Сохраняем наследие» Акшутского историко-этнографического музея и ОГАУСО ПНИ в с. Акшут. В Акшутской школе около 10 лет ведётся кружок по лозоплетению.

Исторические объекты, связанные с лозоплетением в селе Акшут (здание ремесленной мастерской нач. XX века, дом мастера Репки, плантация лозы), вместе с выставочным залом «Акшутская лоза» вошли в туристический маршрут «Акшут. В гостях у Поливанова». Его в составе организованных групп ежегодно посещают более 3 000 экскурсантов.

Проводится собирательская работа. В фонды музея передано более 500 экспонатов документального и вещевого фонда, что позволило сформировать коллекции по основным лозоплетельческим династиям с. Акшут. Результаты проекта были представлены на международном фестивале «Интермузей – 2019», в Днях Ульяновской области в Совете Федерации России, на всероссийском форуме «Российское село – 2017». Проект помог селу Акшут стать победителем конкурса «Самая красивая деревня Ульяновской области – 2016».

Сегодня акшутская лоза является брендом села и Барышского района, а какими будут последующие 110 лет акшутского лозоплетения, зависит от нас. Наша общая задача – сохранить это мастерство, заинтересовать им, передать его в руки подрастающего поколения.

Вера Фомина,
заведующая

Акшутским историко-этнографическим музеем им. В.Н. Поливанова

Живительные токи актуальной традиции

В год культурного наследия народов России в Музее народного творчества (филиал ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области») были организованы уникальные выставочные проекты, в которых принимали участие мастера и художники из г. Ульяновска и области. Актуальность замысла, нестандартное решение в построении экспозиции, креативные экспонаты привлекли особое внимание авторов и посетителей музея.

Фёдор Конюхов. Автопортрет

Экскурсию по выставке проводит Михаил Горбатько

Большим подарком для жителей региона стала выставка картин знаменитого путешественника **Фёдора Филипповича Конюхова**, члена Русского географического общества и академика РАН. Эту выставку под названием «Путешествие длиною в жизнь» в течение мая текущего года посетили сотни ульяновцев. Надо честно признать, что уходили посетители преображенные, со светлыми лицами, благодарили не только за организацию выставки, а, скорее, за то, что узнали, увидели и открыли в себе.

Представленная экспозиция объединила живопись и графику автора и является частью художественной коллекции, которая охватывает три десятилетия путешествий Фёдора Конюхова по всему миру – от ранних работ, написанных в 1970–1980-е годы, до картин, созданных в 2000–2020-х годах. Это сюжетные картины и портреты, анималистические мотивы и свободные пейзажные импровизации, масштабные, экспрессивные, отмеченные условностью живописного решения и порой тяготеющие к чистой абстракции.

Фёдор Конюхов.
Мне 300 лет

Фёдор Конюхов.
Мираж

Фёдор Конюхов.
Айсберги

Фёдор Конюхов. Ангел острова Гоф

Фёдор Конюхов. Гребец в океане

Идея выставочного проекта «**Та самая птица!**», показанного в музее народного творчества весной этого года, заинтересовала многих ульяновских творцов.

Взмыть в воздух. Подняться высоко и парить... Душа, мечта, полёт, птица... Красота птиц, их парение в воздухе и завораживающее пение всегда привлекают человека и возвышают его душу, потому образ птицы был отражён в различных культурах народов России и мира. В литературе и устном народном творчестве, в декоративно-прикладном и изобразительном искусстве, в народных промыслах и ремёслах – везде чудоптицы нашли своё воплощение.

На выставке были представлены произведения декоративно-прикладного искусства и живописи, выполненные в таких техниках, как ватное папье-маше, вышивка, плетение из бумажной лозы, ткачество, лоскутное шитьё, линогравюра, рельефно-объёмная картина, резьба по дереву. Ключевой фигурой в работах стал образ птицы, отраженный как в традиционных мотивах, так и в современных трактовках.

«**Эпе чаваш**» или «**Я – чувашка**» – это персональная выставка работ мастера Елены Урسمетовой.

• Елена Урسمетова
на открытии выставки

Выставка познакомила ульяновцев с чувашским декоративно-прикладным искусством. Автор является участником многих фестивалей и конкурсов. Это всероссийский фестиваль народного творчества «Родники России», всероссийский фестиваль народного костюма «Нарспи». Декоративно-прикладным искусством Елена Леонтьевна занимается более восьми лет. В экспозиции были представлены этнографические предметы из частной коллекции мастера из

Фрагмент выставки
«Эпе чаваш».
• Авторская роспись по керамике

Чуваши́йский головной убор тухья

Экспозиция выставки «Эка невидаль»

Михева Марина. Волк. Картина выполнена из тополиного пуха

бабушкиного сундука и творческие авторские работы. На выставке можно было увидеть расписанную посуду из глины, бересты, дерева и стекла, домашнюю утварь, национальные костюмы.

Выставка живописи и декоративно-прикладного искусства «Эка невидаль» познакомила зрителей с художественными произведениями и изделиями декоративно-прикладного творчества мастеров и художников г. Ульяновска и области, выполненными

ми из различных природных материалов (береста, бумага, лоза, деревянная щепка, текстиль).

На выставке современного декоративно-прикладного искусства «**QUILTэссенция**» были представлены изделия димитровградских мастериц клуба лоскутного шитья. Разнообразные техники в изделиях удивляли тонкостью и изяществом мастерства рукодельниц: ложное трапунто, витраж, конвергенция, вышивка в технике блэкворк и другое.

Сергей Лоскутов. Самовар. Береста. Сова. Плетение

Сергей Лоскутов. Сова. Дерево

Татьяна Орлова. Сова. Плетение из бумажных трубочек

Лукьянова Вероника, 13 лет
Трёхобразователь, гуашь, бумага А3
преп. Дорюфеева Н.Г.
Майнская ДШИ им. В.Н. Кашперова

Артикуна Мария, 13 лет
Петр I с единомышленниками, гуашь,
бумага А3
преп. Дорюфеева Н.Г.
Майнская ДШИ им. В.Н. Кашперова

В рамках празднования 350-летия со дня рождения первого императора всероссийского, государственного деятеля Петра Великого Музей народного творчества организовал онлайн-выставку детских рисунков «Петр I Великий».

Участниками онлайн-выставки стали учащиеся Бряндинской средней школы, воспитанники Староматюшкинского сельского дома культуры Чердаклинского района, Инзенской, Новоульяновской, Майнской детских школ искусств. На онлайн-выставку ребята представили рисунки, выполненные в техниках рисования гуашью, акварелью, карандашом и перманентным маркером.

Среди работ особо можно выделить рисунки «Памятник Петру I на Сенатской площади», «Великий государь», «Полководец», «Петр I и Санкт-Петербург» и многие другие.

Работы были представлены на сайте Центра народной культуры Ульяновской области, в соцсетях «Одноклассники», «ВКонтакте».

В планах музея реализовать в этом году яркие выставочные проекты. Несомненно, большой интерес вызовет проект «**Эти разные, разные свадьбы**». Это будет своеобразное путешествие по свадебным

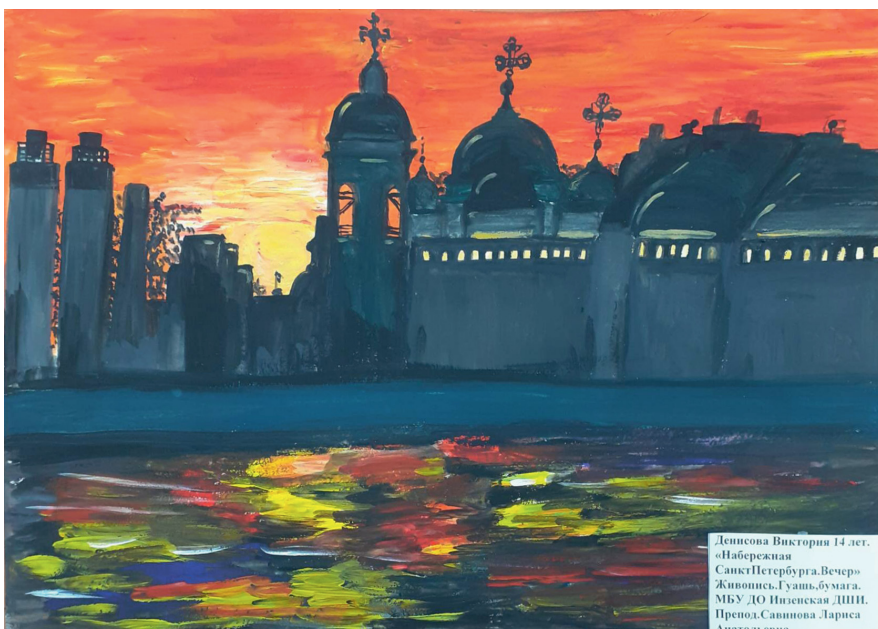
обрядам русского, татарского, чувашского и мордовского народов. Также готовится персональная выставка, посвящённая 70-летию вешкаймского художника Павла Николаевич Шелепова. Ульяновцев ждёт встреча с известной ульяновской мастерицей Татьяной Анатольевной Кораблевой и её изделиями декоративно-прикладного искусства. В экспозиции предполагается показать декоративных кукол, лоскутные изделия, сувениры.

Сотрудники музея, следуя своей миссии изучают народное творчество в его различных проявлениях. Сотрудники оказывают содействие мастерам, занятым подобной деятельностью, выраженное в консультациях, организации презентаций их творчества, продвижении и реализации их продукции.

Музей и сегодня аккумулирует предметы и произведения, созданные в рамках любительской, досуговой или ремесленной деятельности, собирая коллекции, анализируя процессы, связанные с этой деятельностью, представляет выставки предметов и произведений для публики.

Важно сохранить, сберечь и передать следующим поколениям народные традиции, своё культурное наследие: песни, язык, танцы, традиционную еду, веру, умения. А поэтому нужно показать, особенно молодому поколению, красоту, обстоятельность, основу духовной культуры и её достоинство, чем и занимается Центр народной культуры Ульяновской области и его филиалы, в том числе и наш музей народного творчества.

Маргарита Смирнова,
заведующая музеем народного
творчества, филиала
ОГБУК «Центр народной культуры»

Денисова Виктория 14 лет.
«Набережная Санкт-Петербурга. Вечер»
Живопись, Гуашь, бумага.
МБУ ДО Инзенская ДШИ.
Преподаватель Савинова Лариса
Анатольевна

ВЛАДИМИР ЮРЛОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЭТНОГРАФ, МЕМУАРИСТ

Симбирская запись о кладах

В статье, помещённой в № 72 «Симбирских ведомостей» 1865 года, говоря о суевериях, я заметил, что в Симбирской губернии особенно развита была в пятидесятых годах в простом народе страсть к кладоисканию, и привёл тогда и употребляемые в нашей местности при отыскании кладов разные заклинательные молитвы. Считаю нелишним ныне поместить здесь интересную запись о кладах 1850 года, приобретённую мною от одного знакомого мне известного в простом народе за кладоискателя старика, симбирского уроженца. Означенная полуграмотная записка суеверного кладоискателя приводится мною здесь без всякого изменения ...

О кладах (запись)

Близ деревни Винновки, в полуго-ре от Барыкинского спуска к Волге, 12 нош серебра положил безрукой. Искали с Мингалем, да с Фокей Егорычем каменщиком; Кандалинский колдун Евсей рыл. Нашли чугунок покрыт железным листом с дырою, только отор отшибло, а чугунок провалился с гулом сквозь землю; приставники утащили, а земля сделалась как камень.

На Саратовской дороге на 9-й версте под мостиком подвал, где ездит карета. Пробовали много, да казался страх, всё полиция представлялась, а больше не взяли потому, что Евсей колдун напился пьян и подрался с Филипушкой Чистяковым до крови. <...>

В Карташевом саду в Симбирске, под яблоней, сказывали караульщики, выходит клад медведем, да сорокой летает на Волгу к колдунье Алене Микитишне; за мастера взялся отчитывать приставник Максимилиан Гачин,

Краевед, писатель **Владислав Ястребов** издал новую книгу «Владимир Юрлов: исследователь, этнограф, мемуарист», где представлены статьи и воспоминания симбирского дворянина, члена Императорского русского географического общества Владимира Петровича Юрлова (1830–1903). Эти заметки – яркое отражение общественной и культурной жизни Симбирска второй половины XIX века. Особенно интересны, на наш взгляд, этнографические заметки В.П. Юрлова. Предлагаем читателям познакомиться с небольшой частью этих очерков (в сокращении), свидетельствующих о богатом нематериальном наследии Симбирской губернии.

Этнографические заметки

«Крестовик». Серебряная монета номиналом в 1 рубль (28,25 г). 1723

две недели пьянствовал, да денег взял шесть с полтиной, а толку не было.

Лодка с серебром на песках на Повповом острове илом затерта, ездили за мастером в село Кургуз (Казанской губернии), поглядел в воду и сказал, что взята та лодка 40 лет тому назад Косолаповым, с тех пор и богаты стали.

По вызывной книге читал мастер из Оренбурга, семь бесов в чулане у него на цепях сидели, читал на тюремчихину поклажу. Да сказал, что кладу нет больше тут, а взял, говорит, уральский казак проезжий¹.

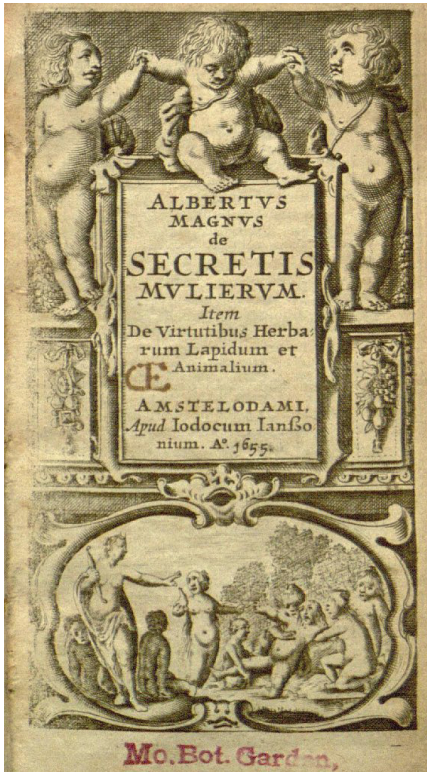
Ездили с тем водоглядом да с мордовкою колдуньей в горы, к Разину дуплу. Поклажу водогляд видел: стоит сундук полон платья, а сверху икона в золоте, как жар горит; заклата та поклажа на 300 лет, а страху не было, а только как стали рыть, земля сделалась как каменная, и ломом не возьмем.

Поклажу солдата Рублёва в Стрижёвом враге (близ Симбирска); как Рублёва стали гонять сквозь строй, сказал про ту поклажу солдатам. Около той поклажи долго пландовали, а взять нельзя, потому что положена на человечью голову. <...>

А вот теперича нищий Василий Семёнович подлинно взял поклажу в селе Красной Поляне, а научил, говорит, как взять, заштатный дякон, всё больше молитвами отчитывал из требника Петры Могилы. За тем требником ездили мы три раза в Лаву (село Карсунского уезда), да дорого просят, сто рублей, да ещё надул подлец – лубянишны глаза² – Евсейка, а денег обобрал много, на что был богат Филип Чистяков, четыре расшивы имел, да и то всё прожил в кладу, иначе Бог поможет, весной возьмём малу толику...

Заметки о колдунах, медиумах и необычных явлениях

В Симбирске очень много кладоискателей. Между этими кладоискателями распространено суеверие о том, что каждый клад сберегается приставником (нечистой силою) и что нужно непременно отчитывать клад молитвами. Представляю образчики таких молитв, выписанных мною из так называемых «вызывных книг», по которым читают свои заклинания мастера, т. е. колдуны,

Источ.: Albertus Magnus. 1655

ских колдунов, и притом живущих в разных местностях, одну и ту же книгу, которой бог знает почему придают они мистическое значение и читают по ней наобум вовсе не то, что в ней написано. Книга эта есть очень известный старый *письмовник* Курганова³. Интересно бы знать, откуда такую хвалу получила эта книга в народе. Не принадлежал ли, может быть, Курганов к одной из масонских сект, и не было ли придано умышленно кем-нибудь книге этой таинственного значения. Факт этот, замеченный ещё в первый раз мною, очень интересен. Все же прочие поверья и предрассудки идут в простом народе в Симбирской губернии как изустное предание, и многие из них носят чисто восточный характер вследствие смешения чисто русских поверий с татарскими, мордовскими и чувашскими. Так, упомянутое мною гляненье в воду, в которой показываются будто

бы водяные, – поверья и обряд чисто восточные. Таковой же обряд широко распространён у чуваш, но они глядят в воду не с целью отыскивать клады, но с целью ворожбы для узнания вора, и при этом читают совсем другое заклинание, которое состоит из смеси татарского и чувашского языков. <...>

Вообще суеверие в Симбирской губернии развито очень сильно, как и в остальной России, что так называемые колдуны находятся в России с давнего времени и что прочие обитающие в ней народы, в особенности финского племени, имели колдунов, говорит история. Не только в Скандинавии, но и в России, говорит летопись, финны и чужь славились волшебством. Нестор (говорит Карамзин) рассказывает, что новгородцы ходили в Эстонию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с чёрными крылатыми духами.

Источ.: Евхологион. – Киев: Типография Лавры, 16 декабря 1646

берущиеся уничтожить очарование кладов.

<...> Прочитав означенную молитву, мастер берёт чашку с водою и, чтоб видеть в ней, где именно рыть клад, уже отчитанный, читает над водою следующие слова: *Матушка красное солнце, как ты освещаешь своим светом видение зрака, тако же покажи рабу Божию (имя) поклажу сию, а ты, матушка свежая вода, покажи в себе от небеси и земли сквозь камня и песка, и красной глины во славу всех святых.*

Трудно определить, с которого именно времени распространились в России предания о магии и вообще о всём том, что носит у простого народа название колдовства. Источник этого предмета скрыт в глубокой древности. У нас, собственно в Симбирской губернии, редко попадаются старинные сочинения об этом предмете. В народе по большей части ходят по рукам разные рукописные тетрадки под названием «цветники», и только раз попался мне довольно плохой перевод в рукописи книги под названием «Альбертус магнус» (о предивных в мире чудесах и о свойствах зверей, растений и камней).

Здесь, кстати, я должен заметить о довольно интересной странности. Я нашёл у некоторых симбир-

В Симбирской губернии я заметил только два наиболее встречающихся сорта колдунов. Одним из них народ придаёт власть портить людей и думает, что человек, разрушивший разными святотатственными обрядами действующее в нём с младенчества таинство крещения и миропомазания, имеет возможность войти в сношение с нечистой силою, получает в своё распоряжение духов и, кроме того, может насылать нечистую силу, опоец, самоубийц и покойников, проклятых отцом и матерью. И от того будто бы и происходит так называемое беснование.

Другой сорт колдунов не делает зла, но только отчитывает разными молитвами беснующихся, а также ворожит о будущем. Собственно же знахарей в Симбирской губернии очень мало, по большей части лечат болезни в деревнях бабы. <...>

Одна женщина поражена была сказанною болезнью вследствие долговременной тоски об отданном в солдаты муже, а остальные, бывши совершенно здоровыми, притворялись для уклонения от барских работ, и одна с корыстной целью занималась предсказанием будущего, в 1863 же году я не нашёл ни одной беснующейся в селе Протопопове. Всех таковых беснующихся по большей части отчитывают богомольные старички по требнику Петра Могилы или пользуют суеверными обрядами и заклинаниями колдуны, занимающиеся исключительно этой профессией.

<...> Хотя мы уже и заметили, что редко встречали в Симбирской губернии отравлений, произведённых с целью испортить человека, но зато должны сказать, что деревенские и в особенности городские бабы-знахарки производят большой вред, употребляя совершенно невежественным образом для лечения всех болезней без разбору мышьяк, сулему в простом вине, киноварь при лечении сифилиса и спорыньи для пособия роженицам. Мы заметили также, что помянутые бабы-лекарки часто делают маленьким детям, для того чтобы не кричали, густой отвар маку в молоке, часто поят детей без меры бодягою и другими травами. В таком лечении мы видим чистое зло. <...>

Страсть к различным амулетам, ладанкам и привескам очень сильна в простом народе, так он верит, что корень Петрова Креста (Satherea

squamaria⁴), привешенный ко кресту, избавляет от порчи и худого глаза.

Почти во всей Симбирской губернии в деревнях мужики и в особенности бабы думают, что все порчи большею частью делаются на свадьбах. <...>

Ко всему вышесказанному мною я должен присовокупить, что вследствие моих наблюдений оказалось, что различных колдунов и знахарок в Симбирской губернии можно встретить только из числа нищих, редко зажиточный мужик, который не приобрёл денег сказанным шарлатанством, но трудом и работою, согласится обманывать народ колдовством и ворожбою, все упомянутые нами колдуны получили своё происхождение из кабаков, и редкий из них имеет деньги, проживая собранные за колдовство гроши. Таковые люди даже не могли бы иметь места в наших деревнях при особенной религиозности народа, если бы суеверный страх быть испорченному не препятствовал мужикам изгонять из среды своей столь вредных тунеядцев.

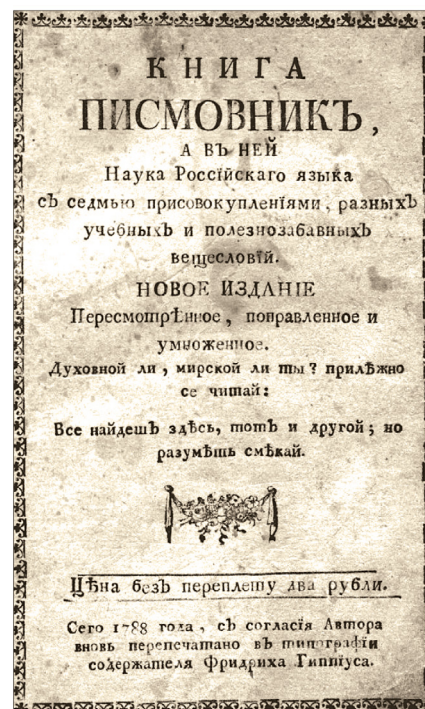

Источ.: Ребус. – 1884. – № 18 (6 мая). – С. 1

Несколько слов о случаях проявления медиумических способностей среди простого народа

Занимаясь уже более тридцати лет исследованиями по части народных суеверий и предрассудков, изъездив большую часть России, я имел случай убедиться, что и среди простого и неграмотного народа нашего нередко можно встретить настоящих медиумов, замечательным способностям которых могли бы иногда позавидовать и более образованные иностранные проводники таинственной силы. <...>

Весьма зажиточный крестьянин и владелец большого кожевенного завода К. живёт в страшной глуши, около деревни Паракиной, в собственном большом двухэтажном доме. Он заинтересовал меня с первого взгляда своею личностью. Ещё нестарый и

Источ.: Курганов Н.Г. Книга письмовник, ... – [Москва]: [Тип. Ф. Гиппиуса], [1788]

крепкого сложения, с чёрно-огненными глазами, К. оказался очень умным и весьма начитанным крестьянином.

...К. в ответ на мои усиленные просьбы наконец решился показать мне образчик своей медиумической силы. «Ну, барин, – сказал он, – покажу тебе моих молодцов, только в окошко». «Ей, Еракта! – крикнул он. – Гони ребят к окошку». В это время дул сильный ветер, смеркалось уже, и вдруг на высоте второго этажа, где мы были, примерно до 4 сажень высоты (ок. 8,5 м. – В.Я.), застучали и открылись три окна, и в них показалось человек двадцать народу в самых разнообразных и фантастических костюмах, в простых и персидских шапках и в татарских халатах. Признаюсь, меня невольно покорило, но хотя я и почувствовал лёгкий лихорадочный озноб, но всё-таки тотчас же бросился к окнам, причём явление скрылось, а за окнами и внизу решительно никого не оказалось, а К. добродушно смеялся звонким смехом.

«Ну, господин, – сказал он, – мелко плаваешь, да и трусишь, как тебя знакомить с моими молодцами».

Здесь неудержимо полилась его речь, и он рассказал мне множество диковинок про себя, проникнутых сильнейшим суеверием и немалой дозой хвастовства.

Ограбленная могила

Самым лучшим гульбищем в летнее время служит для жителей г. Симбирска так называемая Киндяковская роща, находящаяся в трёх верстах от города по Саратовскому тракту. В этой роще в самой глуши деревьев красуется и донныне, хотя и крайне попорченная непогодами и годами, каменная массивная беседка⁵ в виде довольно большого (вроде языческого) храма с колоннами и с каменными урнами на четырёх столбах вокруг круглого купола.

С этою беседкою соединено у старожилов города много легендарных рассказов, и многие кладоискатели, полагая, что под беседкою сокрыт клад, нередко подрывались под фундамент или портили каменный пол. Но вот истинный рассказ, слышанный мною лично от старого владельца села Киндяковки, умершего в шестидесятых годах столетним стариком, Льва Васильевича Киндякова.

Вышеупомянутая беседка, по его словам, сооружена ещё в середине прошлого XVII столетия над прахом одной родственницы семейства

Окрестности Симбирска.
Киндяковская (или Массонская)
беседка]

Киндяковых лютеранского вероисповедания, и сам Киндяков, служивший при императоре Павле Петрови-

че, не помнит времени этой постройки. Вот что случилось с ним самим в 1835 году.

Однажды собрались в доме у г. Киндякова в селе Киндяковке в летнее время гости и играли в карты. Часу в первом по полуночи вошёл в комнату лакей и доложил Льву Васильевичу, что какая-то старая дама вошла из сада чрез террасу в лакейскую и неотступно требует о себе доложить, имея сообщить важное дело. Г. Киндяков встал из-за стола, вышел в прихожую и действительно увидел высокого роста бледную старушку, одетую в старомодный костюм. На вопрос о том, что ей угодно в такое позднее время и кто она, старушка ответила: «Я Эмилия N., родственница твоя, схороненная в саду под беседкой. Сегодня в одиннадцать часов двое грабителей сняли с меня золотой крест и золотое обручальное кольцо и потревожили прах мой». С этими словами старушка быстро пошла в отворённые двери террасы и скрылась в саду. Господин Киндяков, сроду ничего не боявшийся, счёл всё это явление за продукт расстроенного картёжною игрою воображения, велел подать себе умыться холодной воды и как ни в чём ни бывало возвратился к гостям метая банк.

Но каково же было его удивление, когда на другой день в десять часов утра явились к нему караульщики сада и доложили, что пол в беседке взломан и какой-то скелет выброшен из полусгнившего гроба на землю. Тут поневоле пришлось уже верить, и г. Киндяков, предварительно удостоверясь, что и лакей в прошлую ночь видел то же видение и слышал ясно (от слова до слова) всё произнесенное привидением, немедленно обратился к бывшему в то время в Симбирске полицеймейстеру полковнику Орловскому. Тот энергически принялся за работу, и, действительно, обнаружено было, что два симбирских мещанина ограбили труп и заложили золотые крест и кольцо в одном из кабаков, главною же целью их было отыскание клада. <...>

Источ.: Аксаков, А.Н. Позитивизм в области спиритуализма: по поводу книги А. Дассэ «О посмертном человечестве». Санкт-Петербург: Ребус, 1884

¹ Народ наш считает многих уральских казаков за колдунов.

² Лубошные (лубяные) глаза.

³ см.: Курганов Н.Г., Книга письмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезно-забавных вешешловий. – Новое издание; Сего 1788 года, с согласия автора вновь перепечатано в типографии содержателя Фридриха Гиппиуса. – [Москва]: [Тип. Ф. Гиппиуса], [1788].

⁴ Так в тексте, прав.: Lathraea. Lathraea squamaria (рус. Петров крест чешуйчатый (или обыкновенный), или Земляной виноград) – вид растений рода Петров крест семейства Заразиховые (ранее относили к семейству Норичниковые).

⁵ По некоторым данным, беседка-храм была построена по проекту симбирского архитектора Ивана Петровича Тоскани (итал. Giovanni Toscani).

Чем славится Старая Тюгальбуга

Моё родное село Старая Тюгальбуга растянулось на три с лишним километра на равнинном плато правого берега реки Большой Черемшан. Точнее, село тянется с юга на север по обоим берегам небольшой речушки, впадающей в Большой Черемшан, до которого с северной окраины села менее километра. Рядом с окраиной села начинается лес, который достигает пределов Алькеевского района. Сельчане прозвали его «карурманом». Это слово часто переводится как «чёрный», но тюркский синоним означает: большой, величавый. И название столицы империи Чингисхана Каракорум должно бы переводиться на русский язык как Большой город или Великое поселение.

До 1920 года в Старой Тюгальбуге было 715 домов и пять мечетей. При них значились три медресе (т. е. 7–8 классных средних школ) и три начальные школы (мектеб). В более-менее крупных городах были медресе и с 12–14 летним обучением, они назывались «гали медресе». Ближайшее к нашему селу высшее (гали) медресе «Исламия» находилось в г. Мелекесе.

В нашем селе до войны почти все мечети сохранили свои минареты. Только главная мечеть на центральной улице была превращена в клуб. В марте 1939 года в этом клубе выступал наш земляк, известный музыкант Файзулла Туишев.

В Тюгальбуге до 1920 года количество семей в селе было больше, чем количество домов, так как из-за недо-

Файзулла Туишев

статка земель наделы для постройки домов молодым семьям выделялись не ежегодно. Мой дед Нуриджан Хамидуллин, второй сын в семье, после женитьбы почти два года ждал своей очереди. Правда, младший брат его отца Туктар бай на время отдал им свой старый дом. Видимо, счёл себя обязанным так делать, т.к. он женил деда на знатной невесте из семьи известного муллы из села Парау (Боровка). Отец моего деда Хамидулла умер рано, тогда деду было около десяти годков. Хамидулла бабай возглавлял артель лашманчиков – заготовителей леса для государственных нужд. Однажды при перевозке брёвен через реку Черемшан сани с грузом пошли под лёд. Спасая груз, Хамидулла сильно простудился и вскоре умер.

До 1918 года село относилось к Ставропольскому уезду Самарской губернии. А ещё раньше, до образования в 1851 году Самарской губернии – к Оренбургской области. С 1943 года, когда образовалась Ульяновская область, село вошло в состав Ново-Малыклинского района.

При образовании Татарской АССР за чертой национальной республики осталось по южному периметру границы около двухсот татарских сёл. Список известных личностей, выходцев из этого региона, может составить несколько страниц. Назовём лишь некоторых из них. Это поэты Габделджаббар Кандальи, Галляутдин Тюгальбай, Сахаб Урайский, Касы́м Фатхутдинов (он же Демьян Фатхи), Анвар Давыдов, Рустем Мингалимов, народные артисты Габдулла Шамуков, Асгать Мазитов, Бари Тар-

ханов, Мунир Якупов, известный музыкант и композитор Файзулла Туишев, писатели и общественные деятели Закир Кадыйри, Абдулла Уразаев (он же Вил Уразай) и другие.

З.И. Гильманов

Профессор, известный историк Зямыль Гильманов с дошкольных лет тоже вырос в Старой Тюгальбуге и считал это село своей родиной. А родное его село Теплестан (Төплестан) находится в 20 километрах от Тюгальбуги и входит ныне в Самарскую область.

По составу населения эта полоса от Волги до р. Ик очень многонациональна. Здесь издавна селились татары, мордва и чуваша. До войны же проживали поволжские немцы. Мой отец Хайдар после смерти отца, участника гражданской войны, 13-летним подростком нанимался пастухом в 1921 году в один из ближайших к нашему селу немецких хуторов. Два года он пас там телят, а позже дружил с некоторыми сверстниками из этого хутора. В его

родном селе – в Старой Тюгальбуге – главным бухгалтером колхоза «Батрак» был немец по фамилии Штарк из этого же хутора. Поздней осенью 1941 года семья Штарка была выселена из нашего села и отправлена в ссылку в Восточный Казахстан. Моя мама Бибизиган работала со Штарком в бухгалтерии колхоза, поэтому он писал ей письма из казахстанской ссылки. В частности, сообщил, что из двух сыновей-школьников одного пришлось похоронить по дороге в снежной куче вместе с другими, умершими в их поезде.

Точная дата образования села Ст. Тюгальбуга пока не установлена. Историк Зямыль Гильманов рассказал мне, что в XVIII веке в селе побывала научная экспедиция и установила примерную дату образования поселения. По данным Оренбургской экспедиции, село это очень древнее. Учитель Вагиз Аглиуллов утверждал, что такое же сообщение он прочёл в выписке одной исторической книги. Она хранилась в доме Хафиза бая Шакурова. Когда-то этот бай использовал эту выписку в одном из судебных дел, посвящённых межеванию земель с одним из соседних поселений. Будущий учитель в 1920-х годах часто гостил в этом доме родственного им богача. Позже семья Хафиза была выслана из села в период организации колхоза.

В той выписке из исторического источника отмечалось, что это и другое крупное татарское село Теплестан были расположены на ямской дороге, соединяющей Казань с Нугайской Ордой. Эти сведения должны быть в трудах учёных, участвовавших в Оренбургских экспедициях: Г.Ф. Миллера и С.М. Гмелина¹, И.И. Лепехина, П.С.Палласа, И.М. Георги. Академик И.И. Лепехин издал четырёхтомник дневниковых записей путешествий (1771–1805). Академик П.С. Паллас издал трёхтомное сочинение «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (1773–1778). Выше упомянутая выписка, хранившаяся в доме Хафиза Шакурова, наверняка была скопирована из вышеуказанных исторических трудов.

Зямыль ага, участник войны, из-за обострения хронической болезни не смог заняться изысканием этих

данных и умер, чуть достигнув пенсионного возраста.

Предполагается, что в названии второго села на этой ямской дороге тюркское слово «төплә» означало, что ямская станция была одной из основных. На русский язык это слово было переведено как «тёплый», и до сих пор в официальных документах село это зовётся Тёплый Стан. И судьба вошедшей когда-то в состав г. Москвы бывшей ямской станции Тёплый Стан похожа на судьбу этого села. Торгово-ямская дорога проходила тогда по территории старой Москвы, и названия некоторых ямских станций, как Төплестан и Арбат сохранены до сих пор. Тот же Зямыль ага рассказывал мне, что один из учёных с немецкой фамилией описывал торговые взаимоотношения Волжской Булгарии с Прибалтикой. Скорее всего, он имел ввиду организатора Академии наук России историка-исследователя Герарда Миллера.

Поселения часто именуются по приметам ближайшего природного признака или по имени, а иногда по прозвищу основателя села. Старая Тюгальбуга, видимо, поименована именем основателя – Тюгальбуги. Это название состоит из двух тюркских слов. «Тюгаль» (төгәл) переводится как «точно такой». А «буга/бугай» по старотюркско-кипчакскому – это племенной бык. Обычно такие прозвища давались вожакам племён или очень активным людям. Среди племянников Батый хана двое были прозваны «бугаями»: Акбуга и Талибуга. Потомок одного из этих братьев считается основателем заволжского государства Нугайская Орда. Известно также, что со времён Золотой Орды ямская служба в нашей стране была хорошо налажена. Она сохранилась и при царях. Например, при образовании Оренбургской губернии одним из первых царских указов был указ о создании ямской службы по «новой Московкой дороге» между Казанью и Оренбургом. Туда специально переселялись более 15 тысяч семей служилых татар и чуть меньше чувашей.

Видимо, и Тюгальбуга когда-то была основана таким же путём. А «старой» поименована после того, когда чуть севернее возникло другое поселение с таким же названием. В том же XVIII веке долго прослужив-

шим солдатам выделялись участки земли на новых местах. Таким образом на современной территории Алькеевского района Татарстана возникло новое поселение с тем же названием. И при этом оба эти селения входили тогда в одну губернию. Татарское Тюгальбаево существует поныне.

Некоторые наши учёные считают поэта второй половины XIX века Галаяутдина Тюгальбая выходцем из Татарстанского Тюгальбая. А при разговоре со мной классик татарской литературы Наки ага Исанбет высказался в пользу нашего села. В конце 1960-х годов он рассказал о том, что учителя и шакирды Старотюгальбугинского медресе были активными книжниками. Увлекались перепиской и распространением рукописных книг. Работая в архивах, он встречал такие труды с указанием их имён и мест учёбы или проживания. На их воспитание повлиял поэт Габделджаббар Кандалий, живший в соседнем селе Парау, а неподалёку находилось медресе Кизләу, известное своими наставниками. Младший брат моей бабушки окончил это медресе в 1910-х годах.

На сегодня самым известным человеком, родившимся в нашем селе, является виртуоз-гармонист и автор более тридцати музыкальных произведений, народный артист ТАССР Файзулла Кабирович Туишев. Со дня рождения до 17 лет он носил фамилию Туктаров, а потом принял псевдоним Туишев. В Тюгальбуге сегодня много Туктаровых, потомков родного брата нашего прадеда Туктарбая. А потомков из рода музыканта в селе уже никого не осталось. Последние мужчины из этого рода погибли в Великой Отечественной войне.

В своё время Файзулла ага был признан среди русскоязычных музыкантов виртуозным самарским гармонистом, а среди татар – мишарским виртуозом.

Родился Файзулла 19 декабря 1884 года, окончил начальную школу при центральной мечети села. Потом семья родителей переехала в уездный город Мелекесс. Там их приютил у себя хозяин Постоялого двора А. Фёдоров. Отец гармониста Кабир выполнял все придворные работы. А 12-летнего Файзука вначале привлекали к обслуживанию гостей. В этом постоялом дворе часто останавли-

¹ Первая и Вторая Оренбургские экспедиции (1734–1737, 1768–1774) и академические экспедиции (1768–1774) сыграли чрезвычайно важную роль для становления этнографии.

Школа в Ст.Тюгальбуга

вались приезжие артисты, особенно много их приезжало в дни зимних ярмарок. Общаясь с ними, Файзук быстро научился играть на различных музыкальных инструментах. Артисты стали привлекать его к выступлениям на сцене. И с 1905 года началась его настоящая артистическая деятельность. До войны Файзулла часто приезжал с концертами и в родное село. Умер он в Казани в 1958 году.

В шестилетнем возрасте я присутствовал на его концерте в родном селе. О своих впечатлениях я рассказывал в одном из очерков 30 лет назад. А воспоминания своих односельчан о музыканте собирал с 1960-х годов, когда ещё были живы некоторые его сверстники.

Осенью 2009 года в селе отмечали 125-летний юбилей Файзуллы Туишева. На это мероприятие из Казани и Ульяновска приехала тогда большая делегация видных артистов и общественных деятелей. Народные артисты, известные музыканты Кирам Сатиев, Рамил Курамшин, ведущий сотрудник Дома народного творчества Ильгиз Кадыров. Из представителей исполкома Всемирного конгресса татар были Миялуша Гумерова, Ривкат Ахмедулов, Исхак Халимов, поэтесса Флюра Тарханова. Юбилейный концерт вёл глава района Ильяс Мустакимов. Участвовали в этом мероприятии и мы с женой и сыном Булатом, заслуженным работником культуры Татарстана, лауреатом премии им. Кол Гали. Праздник состоялся после выхода моей документальной повести «Гармонь, гармонь...», посвященной земляку. (Повесть «Гармонь, гармонь...» была издана сначала в журнале «Казан утлары», а потом вклю-

чена в мою книгу «Кичке шэфэкь», 2009).

Хочу сказать ещё об одном замечательном человеке нашего села. В тридцатых годах здесь жила и трудилась активная колхозница Гаян апа Сагдеева, прозванная сельчанами Цика Гаян. От имени трудящихся Средневолжского края она была избрана депутатом Верховного Совета СССР. С Гайсой Сагдеевым мы одноклассники, с детства играли и учились вместе. На передней стене в её доме красовалась большая коллективная фотография, где Гаян апа восседала недалеко от главы Верховного Совета Михаила Ивановича Калинина. На той же стене над фотографией тикали часы, подаренные ей в Москве. С Гайсой и другими одноклассниками мы начали учёбу в обновлённой новой школе с 1 сентября 1941 года. Нас, первоодников, было тогда полных три класса.

Третьим известным лицом села советского периода является доктор исторических наук, профессор Зямиль Ибрагимович Гильманов. Участник Великой Отечественной войны, награждённый орденами за героические поступки на поле боя и медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». За героическое сражение при освобождении чехословацкого города Вратимова он также был признан Почётным гражданином этого города.

Правда, он родом из соседнего Теплестана, но с семи лет рос у нас. Его мать и отец более тридцати лет учительствовали в Тюгальбуге. Ибрагим ага долгое время был завучем, а с 1947 по 1963 год являлся директором средней татарской школы.

А в 1952 году был награждён орденом Ленина.

В настоящее время в селе работает средняя школа, есть Дом культуры. В 1990-е годы было построено новое здание мечети. Сельчане трудятся в нескольких фермерских хозяйствах и на небольших предприятиях посёлка Новочеремшанск, расположенного рядом с селом. Этот посёлок возник на месте чувашского базарного села Большой Салаван в начале 1930-х годов.

Мечеть в Ст.Тюгальбуга

До начала 1950-х годов в Тюгальбуге был свой производственный цех, прозванный сельчанами кирпичным заводом. С ранней весны до поздней осени безостановочно горела печь этого заводика, находившегося на южной окраине села, на берегу речушки с обширным прудом. Мальчишки играли на его территории: купались в пруду, бегали-прыгали на временно пустующих сушильных площадках кирпичей. Три больших сушильных сарайчика без стен, но с тесовыми крышами очень нравились нам в жаркие дни лета. Для нашего удовольствия из трёх этих риг какая-либо часто пустовала. Высохшие здесь и затем обожжённые в печи кирпичи вывозили из этих сарайчиков люди из окрестных сёл. И впервые мы слышали там мало понятные слова русской, чувашской и мордовской речи.

Лиرون Хамидуллин,
лауреат Госпремии РТ
имени Габдуллы Тукая

Страницы истории села Новое Ильмово

В Ульяновске и районах нашего региона проживает много выходцев из чувашского села Новое Ильмово. До 1920 года оно входило в Убеевскую волость Буинского уезда Симбирской губернии. С 1920 года числилось в составе Буинского кантона Татарской АССР. С 10 августа 1930 года – в составе Дрожжановского района Татарстана. До 1930 года упоминается также как Ново-Ильмовый Куст.

До районного центра (Старое Дрожжаное) по прямой линии – 8 км, до Казани – 240 км, до Ульяновска – 66 км. Есть автобусное сообщение с Ульяновском. Национальный состав – чуваша. Количество дворов – 308, в них проживают около 650 человек. Река Цильна, исток которой находится в двух километрах к юго-западу деревни Старое Ильмово, делит село Новое Ильмово на две части, а с южной стороны вдоль села на восток протекает речушка Хуранвар. Дальше в сторону села Старые Алгаши течёт Цильна и впадает в Свяягу.

В конце XVII века пришлые с северной стороны чуваша поселились недалеко от ильмового леса, основали деревню и дали название Ильмово. Рядом был родник. Из-за постоянных набегов грабителей из леса, частых краж скота, домашней утвари жители решили переместиться на территорию, на которой находится сегодня деревня Старое Ильмово. Оттуда через 10–12 лет несколько семей спустились по речке Цильна на четыре километра вниз и основали Новое Ильмово.

До 1860-х годов жители относились к категории удельных крестьян. Занимались земледелием, разведением скота, столярным и портняжным промыслами. В начале XX века здесь стояла церковь, работали две школы, 27 торгово-промышленных заведений, базар по пятницам. В этот период земельный надел сельской общины составлял 1 тысяча 740,4 десятины.

В 1897 году в селе проживало 1328 человек; в 1913 году – 1604. Так до конца XX столетия число жителей оставалось почти неизменным. Но уже в 1989 году сократилось до 878 человек, а к 2022 году составило 650.

Наиболее подробное описание сёл и деревень далёкого прошлого приводится в «Ландратской книге и ревизских сказках», которая хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. В описи содержатся материалы первой ревизии 1707–1718 годов, проведённой по образцу переписей XVII века, в основе которых лежал подворный учёт населения страны.

Заселение так называемого дикого поля, в том числе и нашего края, началось ещё в середине XVI века и в широких масштабах продолжалось до начала XVIII века.

Известный чувашский историк, доктор исторических наук В.Д. Димитриев в письме краеведу В.Ф. Макарову из села Алёшкин-Саплык приводит сведения о сёлах нашего края. Вот что он пишет про Новое Ильмово: «Служилая чувашская деревня Новый Ильмовый Куст по реке Верришне Чилны, до Симбирского уезда ясачной чувашской деревни Старых Алгашей – две версты, до служилой татарской деревни Симбирского уезда Старых Чюкал – две версты, до служилой татарской деревни Задоровки – одна верста, до служилой татарской деревни Новых Чюкал – одна верста. В деревне Новый Ильмовый Куст по переписным книгам (1718–1721 гг.) 45 дворов, ныне (1747 год. – *Н.Л.*) 60 дворов, на выпас скота две десятины, сенных покосов нет, лесов нет».

Из этой же книги мы узнаём, что в 1747 году 231 служилых чувашей из Нового Ильмово прикреплены к заготовке корабельных лесов, то есть взяты в лашманы.

Вот строки из статьи «Чувашское население XVII–XVIII столетий в Симбирско-Саратовском Предволжье»: «Первые собственно чувашские

поселения на изучаемой нами территории возникают в 1670–1690-х годах. Так по сведениям М.В. Арнольдова... из южных селений Буинского уезда... и Ильмового куста в конце XVII столетия чуваша переселились в Сызранский уезд и другие места».

В XVII веке царское правительство переселяло значительное число служилых чувашей и татар за Карлинскую засечную черту, отводя им довольно большие участки земли (до 75 десятин одному служивому) на правах поместного владения. Так, начиная со второй четверти и на всём протяжении XVII века, здесь стали основываться селения. В этом списке 13 селений, присутствуют в нём и Старый Ильмовый Куст, и Новый Ильмовый Куст. Значит, наше село образовалось в конце XVII века.

Вот интересный факт, косвенно проливающий свет на время основания села Новое Ильмово.

В.Д. Димитриев пишет²:

«В Симбирском уезде земли было много, так как территория уезда только заселялась. Поэтому здесь норма земли на ясак была значительной. Так, в 1685 году ясачным чувашам деревень Алёшкин-Саплык, Ильмовый Куст, Асаново и Новые Алгаши была выдана владенная выпись, исходя из нормы «на целый ясак по двадцати четвертей в поле, а в дву по тому же... (30 десятин в трёх полях. – *Н.Л.*) с санными покосами и со всеми угодыями».

Как видим, здесь в названии деревни Ильмовый Куст отсутствуют слова «Старый» или «Новый». Речь идёт только об одной деревне. Очевидно, что это нынешняя деревня Старое Ильмово. Значит, люди в 1685 году ещё не разделились на две деревни. Но известно, что из Ильмового Куста первые люди спустились вниз

по речке Цильна через 10–12 лет совместного проживания. Если, исходя из вышеуказанных записей, предположить, что селение Ильмовый Куст образовалось в 1670–1680-х годах, то датой основания деревни Новый Ильмовый Куст можно считать 1685–1695 годы. Подтверждением служит и то, что по переписным книгам, в 1718–1721 годах в деревне было уже 45 домов.

Первые семьи обосновались на левом берегу реки Цильны. Через 7–8 лет они переселились через речку на южную сторону, где образовалась нынешняя улица Т. п. Тукас (буквально – Центральная Верхняя улица).

Работая с материалами Государственного архива Ульяновской области, я обнаружил интересный документ за 1847 год (фонд 318, опись 1, дело 727). Он называется «По рапорту Шигалинского приказа об отводе кладбища крестьянам д. Нового Ильмового Куста». В документе есть прошение крестьян (орфография сохранена): «...кладбища у нас с давнего времени существует общие с крестьянами деревни Старого Ильмового Куста, с коими и земля состоит в общем чрез полостном владении которые отведены близ означенной деревни. А от нашего места жительства они отстоят в 4 верстах, но нам желательно иметь кладбища при своей деревни, ибо во время водополюя и в ненастное время бывает большое затруднение в отвозе туда тел умерших. Почему в необходимости находимся прибегнуть с низжайшею прозбою к Высшему начальству, которое осмеливаемся Всепокорнейшие просить через кого следует отвести нам погост при нашей деревне, а прежний таковой останется для крестьян деревни Старого Ильмового Куста».

С 31 декабря 1847 года новоильмовцам было разрешено основать своё кладбище. Получается, возили покойников в соседнюю деревню на протяжении более 150 лет! Кладбище в Новом Ильмовом Кусте открыли на западной стороне улицы Т. п. Тукас. Там ныне уже никаких следов кладбища нет, по его месту проходит улица Суворова. А нынешнее кладбище вблизи речки Хуранвар открыто в 1905 году.

В 1750-х годах ясачные чуваша Ново Ильмового Куста, как и ясачные крестьяне других соседних деревень, приняли святое крещение и получи-

Церковь Михаила Солунского

ли новые православные имена вместо прежних языческих.

В 1780 году императрица Екатерина Вторая подписала указ о создании города Буинска и Буинского уезда с 19 волостями, которые входили в Симбирское наместничество (с 1796 года после указа Павла Первого – губерния). Новый Ильмовый Куст с этого времени входит в состав Убеевской волости Буинского уезда.

В 1859 году в Новом Ильмовом Кусте было 184 хозяйства, здесь проживали 1 тысяча 128 человек. Деревянный храм великомученика Дмитрия Солунского в с. Новое Ильмово был построен в 1861 году на средства прихожан-чувашей. В 1895 году к нему был пристроен придел Богоявления. В храме служили священники – выпускники Симбирской чувашской учительской школы. После установления советской власти церковь была закрыта, а в 1936 году в храме открыли клуб. Это здание сгорело дотла в апреле 1990 года. В 1991 году построили, а в 1994 году освятили новое здание церкви во имя прп. Дмитрия Солунского.

В 1863 году на частной квартире открылась первая школа – мужское начальное народное училище. Говорят, что в школу в 1869 году приезжал инспектор народных училищ И.Н. Ульянов – отец В.И. Ленина. Также народная молва гласит, что в 1871 году её посетил основатель и руководитель Симбирской чувашской школы И.Я. Яковлев. В 1886 году построили новое здание школы. С 1934/1935 учебного года дети стали получать в школе семилетнее образование, а с 1962/1963 учебного года – восьмилетнее. В сентябре 1981 года учащиеся первый раз вошли в двухэтажную

среднюю школу, которая была построена на новом месте в центре села из белого кирпича.

В 1918 году в селе появился комитет бедноты, его возглавил Н. Антипов. Первый комсомолец села – Василий Фёдорович Бахтин (родился в 1898 году). По воспоминаниям краеведа П.С. Быкова, в селе в 1920–1930-х годах было шесть ветряных мельниц, три обдирки, шерсточесалка. Сельпо образовалось в 1927–1928 годах. Также в 1928 году открылась изба-читальня, там работал Василий Николаев. Первым председателем сельсовета в 1920 году стал Александр Волков. Ныне в Новоильмовское сельское поселение входят наше село и деревня Новые Чукалы, председателем является Роберт Надирович Дружков.

Колхоз имени Ленина новоильмовцы организовали в 1930 году, первым председателем избрали Фёдо-

Последняя мельница села.
Сгорела в 1974 году

ра Амосовича Амосова. Позже здесь основали и второй колхоз – имени Суворова. Потом они объединились. В 1959 году началось движение по укрупнению коллективных хозяйств: чувашское село Новое Ильмово и татарская деревня Новые Чукалы вошли в один колхоз, который получил имя революционера Баумана. В 1990 году сельчане отделились от Новых Чукал и стали называть своё хозяйство «Ильмово», но через шесть лет колхоз был восстановлен в прежней форме. Одно время село входило в ООО «Ак Барс Дрожжаное», теперь входит в ООО «Агрофирма им. П.В. Деметьева».

На фронте Великой Отечественной войны из села ушли 256 человек, из них 188 не вернулись домой. Многие получили ордена и медали.

Электрический ток в село пришёл в 1967 году. Но известно, что Тимофей Васильевич Айметов ещё в 1936 году из Москвы привёз электрическую станцию, работавшую на мазуте. Эта станция подпитывала ток колхоз и школу, а также близлежащую улицу.

Участниками войны в Афганистане в 1980-х годах стали более 10 уроженцев села. Николай Фёдорович Пришельцев (1965–1984) и Геннадий Константинович Чамин (1964–1984) сложили на чужбине свои головы, отдав интернациональный долг. Оба похоронены на сельском кладбище. Не обошлась без потерь и чеченская кампания. В ней погиб Александр Иванович Шуркин (1978–1999), посмертно награждённый орденом Мужества. В его память в селе Новое Ильмово с 2001 года проходит турнир по вольной борьбе среди юношей и девушек, где участвуют спортсмены из соседних регионов России.

Ликвидатором последствий аварии на Чернобыльской АЭС был Геннадий Ильич Афиногентов. Именно по этой причине он рано ушёл из жизни.

В 1980-х годах при Доме культуры существовал вокально-инструментальный ансамбль «Молодость» под руководством директора СДК Самойлова Юрия Николаевича. Ныне работают самодеятельные коллективы «Й. лме» и «Калинушка» под руководством Наталии Владимировны Макаровой (Зайцевой).

Футбольная команда «Ильмово» была создана в 1985 году стараниями

Дом купца В.О. Вассиярова. Построен в 1910 году.
Памятник регионального значения

тогдашнего директора школы и учителя физкультуры Анатолия Ивановича Молгачева (уроженца села Малые Убеи), а также завхоза школы Николая Николаевича Ларионова. Она участвовала в разных соревнованиях, занимала второе и третье места в первенстве района, а также два раза выиграла футбольный турнир на районном празднике Сабантуй. Отдельные игроки защищали честь района на республиканских соревнованиях среди сельских команд. Владимир Мискин, выступая за сборную Дрожжановского района, принимал участие во всероссийском турнире в Краснодаре.

Сегодня в селе Новое Ильмово имеется двухэтажное здание средней школы на 320 посадочных мест (директор Владимир Александрович Мискин), в 2021/2022 учебном году там получают образование более 70 учащихся. Есть свой краеведческий музей. В этом же здании работают детский сад и фельдшерско-акушерский пункт, библиотека. Перед зданием школы два обелиска: первый – погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, второй – сложившим голову в афганской войне и чеченской кампании.

В селе есть здание почтового отделения, клуб на 200 мест (построен в 2014 году, директор Н.В. Макарова), два частных магазина, модульный участковый ветеринарный пункт. В числе достопримечательностей – дом из красного кирпича Василия Осиповича Вассиярова на Центральной улице, построенный в 1910 году, и здание старой земской школы около церкви. По четвергам в селе устраивается рынок, куда приезжают торговцы из других населённых пунктов.

Самым известным уроженцем села конца XIX – начала XX века является известный учёный-математик, выпускник Симбирской чувашской школы, инспектор народных училищ Уфимской губернии, автор более 30 книг и учебников по математике Павел Миронович Мионов, который по-своему доказал теорему Ферма, а также собрал уникальный гербарий и сочинил «Чувашский марш». Не менее известен краевед, этнограф, автор нескольких книг по народным обычаям Константин Прокопьевич Прокопьев. В начале 1920-х годов он был архиепископом Курганским, арестован и расстрелян в 1937 году.

П.М. Мионов, воспитанник Симбирской чувашской школы, просветитель

В разное время известность получили: художник, доцент Московского пединститута Дмитрий Архипов; священник Александр Семено-

вич Михайлов; заслуженный учитель Чувашской Республики, кавалер ордена Ленина Александра Васильевна Николаева; врач, краевед Пётр Сергеевич Быков (написал книгу про родное село «Жизнь есть жизнь»); агроном, депутат Верховного Совета ТАССР Николай Иванович Егоров; учитель и краевед Александр Ананьевич Казаков; кандидат педагогических наук Александр Фёдорович Головин; подполковник милиции Гурий Семенович Агапов; заслуженный зоотехник РСФСР и ТАССР, второй секретарь Высокогорского района ТАССР, заведующий отделом Татсовпрофа Виктор Никифорович Егоров; народный учитель СССР, кандидат педагогических наук Пётр Петрович Головин; полковник, профессор, академик, доктор педагогических наук Николай Ильич Калаков; полковник Владимир Ильич Калаков; полковник Дмитрий Ильич Калаков; доярка, кавалер ордена Ленина, депутат Верховного Совета ТАССР Мария Сергеевна Ларионова; заслуженный механизатор ТАССР, кавалер ордена Дружбы народов Николай Никифорович Мулеев; заслуженный механизатор ТАССР Владимир Петрович Шуркин; заслуженный агроном ТАССР Николай Михайлович Мискин; комплексный бригадир, кавалер ордена Октябрьской Революции Федор Николаевич Утеев; свиновод, кавалер ордена Трудовой Славы третьей степени Валентина Николаевна Пастухова; комплексный бригадир, депутат Верховного Совета ТАССР Иван Васильевич Андреев; подполковник милиции Леонид Сидорович Утеев; подполковник милиции Михаил Иванович Зайцев; судья Шемуршинского и

Сельский ансамбль «Ильм»

Яльчикского район Чувашской Республики Виктор Петрович Вассияров; заместитель главы администрации Вешкаймского района Ульяновской области Иван Владимирович Изендеев; начальник почтового отделения и налоговой службы Цильнинского района Ульяновской области Александр Иванович Казаков; заслуженный штурман СССР Сергей Иванович Бахтин; авиационный техник Юрий Ильич Антонов; подполковник милиции Владимир Ильич Мресов; отличники народного просвещения РСФСР Антонина Трофимовна Казакова и Мария Ивановна Лысова; краевед, член Союза журналистов Татарстана Геннадий Николаевич Карсаков; член Союза писателей Чувашской Республики, автор книги про родное село «Родной край – Новое Ильмово», председатель Союза чувашских краеведов Ульяновской области Николай Александрович Казаков; перворазрядник по лыжам, футболист, отличник физической культуры и спорта Татарстана Владимир Александрович Мискин и многие другие. В 2003 году Татьяна Викторовна Чашкина стала победительницей республиканского конкурса «Чувашская красавица», а затем в том же году заняла первое место в Москве, став «Чувашской красавицей России».

Некоторые сельчане связали свои судьбы с духовной службой: протоиерей Александр Дмитриевич Мискин (Тверская область); настоятель церкви в посёлке Мостовая г. Ульяновска Владимир Иванович Быков; настоятель церкви в Канашском рай-

оне Чувашской Республики иеромонах Николай Фёдорович Дунаев.

В начальных классах Новоильмовской школы учился уроженец деревни Старое Ильмово, один из зачинателей чувашской драматургии, автор классических пьес «Богатый Каррук» и «Анисса» – Николай Сидорович Ефремов.

Мать генерала-полковника-инженера, дважды Героя Социалистического Труда, кавалера девяти орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК КПСС, лауреата Ленинской и Государственных премий, министра авиационной промышленности СССР Пётра Васильевича Дементьева – Елена Герасимовна Герасимова (Бахтина), уроженка села Новое Ильмово.

В нашей школе до Великой Отечественной войны работал уроженец села Хорновар-Шигали Дрожжановского района – Пётр Сергеевич Юхвитов, впоследствии ставший Героем Советского Союза.

Родители игуменни московского Покровского женского монастыря Феофании (Ольги Дмитриевны Мискиной) – тоже родом из нашего села.

Сын уроженца села Николая Ивановича Казакова – боксёр Сергей Казаков – бронзовый призёр Олимпийских игр (2004), чемпион мира (2003), трёхкратный чемпион Европы, семикратный чемпион России, заслуженный мастер спорта.

Наколай Ларионов,

краевед, член Союза писателей России

Н.И. Калаков, доктор педагогических наук, профессор, полковник

П.П. Головин, народный учитель СССР, кандидат педагогических наук

¹ Переписная книга 2 ревизии по Симбирскому уезду Казанской губернии. РГАДА, фонд 350, дело 4103 за 1747 год. Л.118

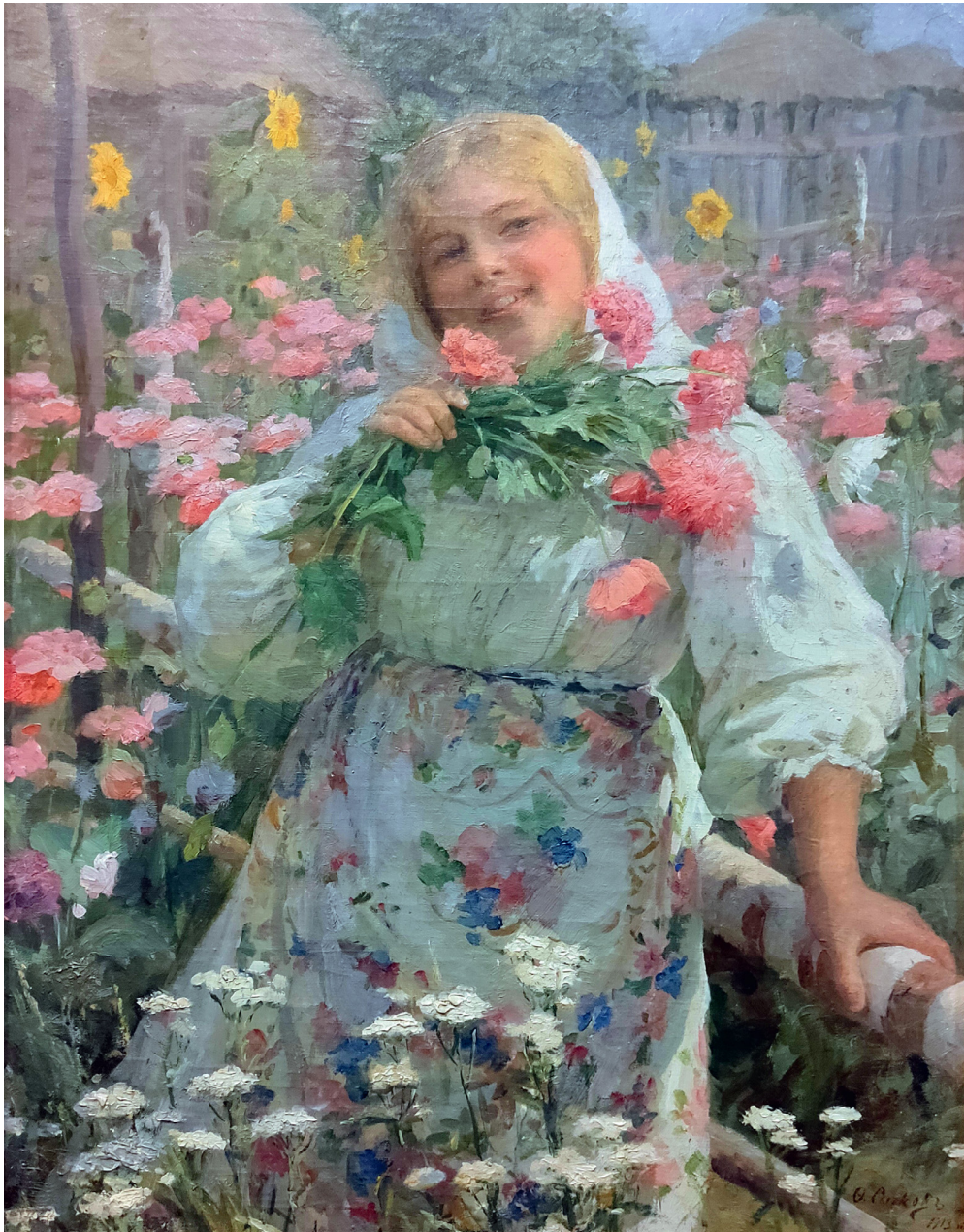
² О ясном обложении. Чувашия в эпоху феодализма. С. 250.

В рамках Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» впервые в Ульяновске в Музее изобразительного искусства XX–XXI вв. была представлена выставка «Федот Сычков – художник радости» из собрания Мордовского республиканского музея изобразительных искусств.

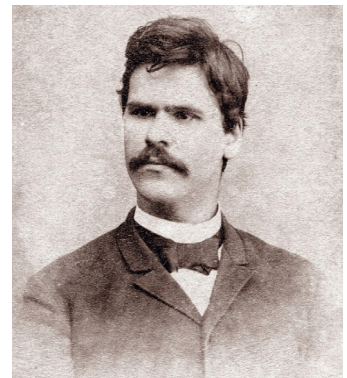
Федот Сычков – художник радости

Основоположник мордовского профессионального искусства

• *В цветущем огороде. 1913*

На открытии выставки выступила главный хранитель Мордовского республиканского музея изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи Надежда Белова. Она подчеркнула, что музей не впервые принимает участие в ассамблее «Пластовская осень» и даже удостоивался премии имени А.А. Пластова. Нынешний проект нацелен на популяризацию творчества классика мордовского искусства.

Федот Васильевич Сычков (1870–1958) – народный художник Мордовии. Он считается основоположником мордовского профессионального искусства. Жизнь и творчество Федота Сычкова – ярчайший пример беззаветной любви к родному краю. Трудные будни и праздники односельчан, окружающая природа, живые, яркие характеры современников – всё это художник воспевал в своих произведениях, наполненных оптимизмом и жизнелюбием. Его вполне заслуженно называют художником радости бытия, певцом народной жизни.

Он родился 13 марта 1870 г. в с. Кочелаеве Наровчатского уезда Пензенской губернии (ныне Ковыл-

• *Подружки. 1935*

кинский район Мордовии) в крестьянской семье. Детство было безрадостным. Отец Василий Тимофеевич зарабатывал отхожим промыслом, бурлачил, он умер рано. Сыну вместе с матерью Анной Ивановной пришлось просить милостыню. По настоянию бабушки восьмилетнего Федота определили в трёхклассную земскую школу, где учитель заметил его талант. С 15 лет Сычков уже зарабатывал рисованием. Сначала два года – подмастерьем в артели, выполнявшей роспись церковных стен (за кусок хлеба), потом – создавая на заказ портреты по фотографиям. На сельского самородка обратил внимание местный помещик, генерал Арапов и оказал финансовое содействие, чтобы направить Федота в Петербург, в школу рисования.

Кочелаевский самородок мечтал учиться у Репина и однажды поймал Илью Ефимовича «за пуговицу» на академической лестнице. Знаменитый художник сказал, что у него нет места и посоветовал поступить в мастерскую баталистов к профессору Николаю Кузнецову. Сычков советом воспользовался, но периодически посещал мастерскую Репина, и тот позволял Федоту делать копии своих картин. Впоследствии Репин вынес свой вердикт: «Сычков хороший живописец».

В 1910-е годы работы Федота Сычкова уже имели успех не только на выставках в России, но и в парижских салонах, где они охотно раскупались любителями живописи. Крестьянские девушки и барышни Федота Сычкова по популярности не уступали барышням Константина Маковского. В непростую эпоху социальных потрясений и противоре-

• *Девушка с капустной рассадой. 1930*

чивых идейно-эстетических исканий художник остался верным продолжателем лучших традиций русской реалистической школы живописи XIX века. Напомним, что временной диапазон творчества Федота Сычкова очень широк: от последнего десятилетия XIX века до середины XX века. По ним в будничных и праздничных сюжетах можно проследить изменчивость бытовых оттенков, но художник никогда не изменял себе. «Я посвятил своё искусство отображению жизни русской деревни», – писал Федот Васильевич. Его кисть талантливо воссоздавала картины жизни родного села Кочелаево: незатейливый мир детворы, скромные, неброские деревенские пейзажи, яркие, наполненные южным солнцем виды Италии, своеобразные натюрморты.

Все эти темы нашли отражение в экспозиции выставки в Ульяновске, где представлено 30 произведений из фондов Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрзи: эскиз картины «На мосту» 1890-х годов, «Рим. Форум Романум» 1908, «Пастушка» 1913, «На посиделки» 1925, «Трудный переход» 1932, «Праздничный день. Подруги» 1929, «Соня» 1923, «Катание с гор» 1947, «Зимой» 1925, «Цветы» 1940, «Подружки» 1935 и другие. Любовь к мордовской культуре привела к серии ярких работ, посвящённых представителям коренной национальности: «Мордовка», этюд к панно «Праздник урожая» 1937, «Эрзянка» 1930-е.

• *Трудный переход. 1932*

Двенадцатая ассамблея «Пластовская осень» была приурочена к Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Деловую и культурную программу составили: всероссийская выставка картин «К. Петров-Водкин и А. Пластов» из Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева; выставка, посвящённая ученику А.А. Пластова Виктору Киселеву к 115-летию художника из фондов художественного музея и коллекции семьи; ретроспективная выставка творчества ульяновского регионального отделения Союза художников России и многое другое.

Часть мероприятий прошла в селе Прислониха Карсунского района Ульяновской области, и это неслучайно: нынешняя ассамблея посвящена 350-летию малой родины Аркадия Пластова. Это село включено в реестр памятников истории и культуры Российской Федерации как «Достопримечательное место – Прислониха. Родина художника А.А. Пластова».

Здесь 3 сентября 2022 года в доме-музее Аркадия Пластова открылась выставка «Праздник урожая», на которой представлено более 30 этюдов к одноимённой картине из коллекции семьи художника. Ещё одно неординарное событие этого дня – открытие по инициативе семьи Пластовых и на их средства частного музея крестьянского быта.

Это был настоящий праздник села, начавшийся с молебна в Бо-

Музей крестьянского быта в селе Прислониха

Праздник в Прислонихе

говявленском храме и возложения цветов к памятнику выдающегося художника. На это событие откликнулся глава региона А.Ю. Русских. Приветствуя жителей села и гостей праздника, Алексей Юрьевич сказал: «Мы очень бережно, с огромной любовью относимся к имени и творчеству Пластова, а также к этому прекрасному месту, которое давно уже стало «золотой» достопримечательностью Ульяновской области и

всей России. В Прислонихе сконцентрирована не только значительная часть живописной истории региона – здесь бьётся сердце его современной художественной жизни».

В своём приветствии глава региона подчеркнул, что музей крестьянского быта в домике няни Аркадия Пластова будет способствовать развитию культурного потенциала малой родины художника и привлечёт внимание гостей региона.

На открытии музея крестьянского быта

Воссозданный интерьер дома Екатерины Шарымовой

Действительно, история этого дома и его хозяйки Екатерины Андреевны Шарымовой тесно переплелась с судьбой Аркадия Александровича Пластова и семьи художника. Об этом нам рассказал **Николай Николаевич Пластов**, воплотивший в жизнь идею создания музея крестьянского быта в доме няни Кати.

Дом Е.А. Шарымовой

– Эта идея зрела давно. И вряд ли мне удалось бы её осуществить, если бы не помощь семьи Романовых. Дом принадлежал когда-то Екатерине Андреевне Шарымовой, она была матерью няни Кати, которую мы все считали членом нашей семьи, поэтому дом достался мне по наследству. Он был в плачевном состоянии. Во-первых, старенький – 1932 года постройки, во-вторых, долгое время он оставался без охраны, и там пребывали бездомные, опустившиеся люди. Обветшала крыша, покосился фундамент. Когда церковь сгорела, в этом доме некоторое время был молельный дом, для этого пришлось убрать перегородку и мебель, но мы всё это сохранили. Игорь Леонидович Романов, к великому сожалению, ныне покойный, поднял дом и подвёл под него кирпичный фундамент, покрыл крышу, похожую на ту, которая была. После ухода из жизни Игоря Леонидовича хорошее дело подхватили его дети: дочь Маша и её супруг Денис Гришин. Огромное им спасибо. Мы чудом нашли и поклеили с Машей обои

выпуска 1950-х годов. Расставили мебель, которая когда-то стояла в доме Екатерины Андреевны, её сундуки, утварь. Александр Степанович Гордеев изготовил новые наличники по старым сохранившимся образцам – точные копии настоящих.

Мы постарались передать атмосферу крестьянского быта 1960-х годов и наполнили дом характерными предметами. Многие сохранились от Шарымовых, а что-то я собирал в ближайших сёлах Карсунского и Сурского районов: ступы, долблёные корыта, валики для стирки белья, утюг и другие предметы быта – всё это служило людям столетиями и передавалось новым поколениям.

Нам удалось в точности воссоздать убранство дома Екатерины Андреевны. Очень помогла бывшая сельская учительница Людмила Алексеевна Карпунина, которая приехала в Прислониху по распределению в 1966 году и снимала у Шарымовых комнату в передней. Она до сих пор помнит каждый уголок дома и расположение вещей. До неё передняя сдавалась другим молодым учителям, и должен сказать, комната эта была счастливой: все девушки быстро выходили замуж и устраивали свою жизнь. Людмила Алексеевна была последней жилищкой. Она помогала пожилой хозяйке по хозяйству и сблизилась с ней. На чердаке дома до сих пор хранятся тетрадки тех времён.

С 1955 года, после того, как окончательно разорили церковь и сняли оба деревянных креста, баба Катя перетащила один крест к себе в дом (второй долго стоял на Лысой горе) и хранила в передней. Этот крест сохранился и будет стоять на том же месте.

У Екатерины Андреевны были подруги (она называла их товарка-

ми): тётя Рая Гуляева, тётя Паша Кондратьева (двоюродная сестра бабы Кати Шарымовой), Антонина Волкова, Анна Кондратьева (невестка Матвея Ивановича Кондратьева – её муж погиб на фронте, и она ухаживала за свёкром до последних его дней). Собираясь по вечерам у бабы Кати, они чаёвничали, пряли, а иногда играли замусоленной колодой карт в подкидного. Я тоже принимал участие в этих играх – мне очень нравилось проводить время в обществе 80-летних старушек.

Для меня этот дом родной и близкий. Дороги воспоминания, связанные с ним, близка его атмосфера. Всякий раз, когда я приезжал в Прислониху, невольно бросал взгляд в сторону дома Шарымовых – так хотелось увидеть жёлтый огонёк. Так же дорог он был Аркадию Александровичу и моему отцу. В этом доме Николай Аркадьевич написал картину «Доктор»: по сюжету сельская женщина-врач осматривает с помощью стетоскопа мальчика. На полотне воссоздана обстановка дома Шарымовых: русская печь, самовар, занавеска возле печи, табурет. У Юрия Панцырева тоже есть работа, которую он писал в доме бабы Кати – за столом два мальчика пьют молоко.

Воссозданная в музее обстановка дома Шарымовых характерна для всех жилых домов 1960-х годов.

У отца была схема села середины XX века, на ней видно, что напротив дома бабы Кати стояли два гостевых дома. Власти обещают поставить на этом месте похожие домики. Хочется надеяться, что Прислониха станет привлекательной для туристов, и село наконец начнёт возрождаться.

Записала **Ольга Шейпак**

Фотографии предоставлены Ульяновским областным художественным музеем

В 2022 году отмечается 30-летие открытия Музея изобразительного искусства XX–XXI вв., филиала Ульяновского областного художественного музея. Масштабные экспозиции, прежде всего, «Дары музею. Часть I и II», отражают особенности творческого процесса второй половины XX – начала XXI веков. Новый проект 2022 года – «Выставка одного экспоната».

Первое представление

Проjekt «Первое представление» обращён к произведениям художников хорошо известных и недавно заново открытых. Именно в этом проекте отражены основные направления музейной деятельности: хранение памятников искусства, реставрация, изучение и популяризация. В течение года экспонируются четыре произведения. Первые среди них – живописная и графическая работы начала

XX века, отражающие особенности изобразительного искусства времени: следование традициям русской художественной школы и освоение основ импрессионизма, поиски новых возможностей языка знака и пластики авангарда. Спустя век поллярность точек зрения, разнообразие творческих методов и их предьявлений становятся одной мощной историей в «хартии» изобразительного искусства прошлого века.

Леонард Викторович Туржанский (1875–1945) – художник, живописец-пейзажист. В 1898–1909 учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у Алексея Степанова, Валентина Серова, Константина Коровина. С 1912 года – член Союза художников России. Пейзажист, в творчестве которого воплотились традиции русского демократического искусства второй половины XIX века. В то же время стал одним из первых живописцев, обратившихся к приёмам импрессионизма. Произведения Туржанского представлены в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, других музеях России.

Л.В. Туржанский «Портрет старушки». 1912

В собрании Ульяновского областного художественного музея хранятся пять произведений Туржанского. Среди них – четыре пейзажа: «Зима кончается» (находится в постоянной экспозиции), «После дождя» (1927), «Первый снег. Урал» (1934), «Осенний вечер» (1935), представляющие характерные для художника особенности сюжетного и колористического решения, декоративные приемы живописного обобщения.

«Портрет старушки» написан в 1912 году и является большой редкостью в творчестве Туржанского. К этому жанру художник обращался только в ранние годы. Большую известность получили портреты писателя

Л. Туржанский.
Портрет старушки. 1912

И.А. Бунина и актрисы Петровой. Картину отличает не только следование традициям психологического портрета художников-передвижников. Она открывает новые возможности искусства начала XX века при передаче характера. Образ старушки – словно сама уходящая эпоха, отражённая в закрытости «старосветской» жизни, строгости и углубленности персонажа, пытающегося безуспешно соединить два века.

«Портрет старушки» поступил в собрание Ульяновского областного художественного музея в 1968 году от дочери Туржанского – Ирины Леонардовны (1920–2003) – московского живописца, члена Союза художников СССР.

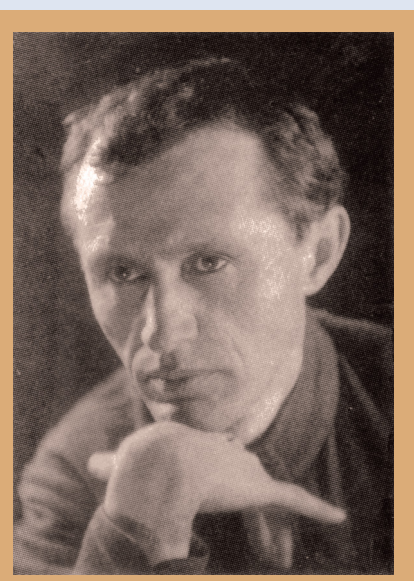

А.М. Гаврилюк.
«Мысль о бесконечности».
1910-е годы

«Мысль о бесконечности» – единственное произведение Алексея Михайловича Гаврилюка в собрании Ульяновского областного художественного музея. Небольшая по размерам композиция (15х19,5 см) выполнена в технике гуаши с добавлением бронзовой краски. Работа поступила в художественный музей в конце 1920-х годов.

А. Гаврилюк.
Мысль
о бесконечности.
1910-е

Алексей Михайлович Гаврилюк (1895–1955) – художник, педагог, ученик Д.И. Архангельского. Родился в селе Кремёнки Ставропольского уезда Самарской губернии. С 1907 года учился в Симбирской мужской гимназии. Учителем рисования у него был Дмитрий Иванович Архангельский. В 1911–1915 годах учился в Казанском художественном училище. В годы Первой мировой войны был на фронте. В 1919 году учился в Пензенской высшей художественной школе. Участник выставок с 1929 года. В 1920-х годах жил и работал в Самаре, преподавал в Самарском педагогическом институте. С 1930-х годов жил и работал в Московской области, преподавал в Абрамцевской художественной школе в 1931–1935, 1942–1955 годах. Умер в Хотьково Московской области.

В книге «Живу и дышу родным городом» (Ульяновск. Издательство «Вектор-С». 2009. С. 45-46) приведены воспоминания о Алексее Гаврилюке Ф.А. Кабанова (Ленинград, 1965 год) в письме Д.И. Архангельскому. И очень ценное для нас письмо А.М. Гаврилюка Д.И. Архангельскому: «Далекое-далекое прошлое – Ульяновск, Волга, гимназия и Вы, мой первый дорогой учитель, заронивший искру любви к искусству. И эта любовь к искусству и само искусство, как яркое мерцание звезд иногда скрашивает мою нелепую жизнь. Ваш Гаврилюк Алексей. 19 мая 1946 г.»

На обороте подпись художника: А. Гаврилюк. И надпись: «Мысль о бесконечности» Дмитрию Ивановичу Архангельскому от А. Гаврилюк А. Брюм». Это даёт веское предположение, что гуашь могла быть передана в музей Д.И. Архангельским.

О А.М. Гаврилюке известно немного. В Подмосковье он писал в основном лирические пейзажи. Работа «Мысль о бесконечности», созданная в молодые годы, даёт представление о творческих поисках художника, прежде всего, о близости к ставшим ярким фактом искусства «Серебряного века» обращениям в мир театра. И не только в качестве художников – новаторов сценографии, а включавших саму суть мира театра и на сцене, и вне её, в орбиту нового представления и ощущения наступившего XX века. Ни один художник времени модерна не проходил мимо театральной составляющей творчества. Может быть, и Гаврилюк, используя образ Пьеро, представлял и реальную, и мнимую жизнь. Тогда театральный персонаж получает возможность «обмена» с героем живого настоящего времени. Происходит

разворот в эквилибристике понятий: «жизнь – театр» или «театр – жизнь». Снятая маска открывает лицо, плотно загримированное. Но возникает иная личина, скрывающая человека ещё более изощренно. И горы – это попытка открыть таинства мира. Бесконечность заключена в форму почти миниатюрного листа. Бесконечность способна пробить дорогу и тягу к познанию Вселенной. Это было время открытия не только новаторской технической мысли. Следом выступали художники абстракции, в том числе, супрематизма. И Гаврилюк, художник русской провинции, сознательно или интуитивно соединял театральную интерпретацию жизни с поисками её вне микромира. Это были попытки обнаружения иных понятий, бесконечности во всех представлениях жизни, и в большой мере – в искусстве. Гаврилюк стоял на пороге собственного открытия бесконечности.

Елена Сергеева,
искусствовед,
заведующая музеем
изобразительного искусства XX–XX вв.

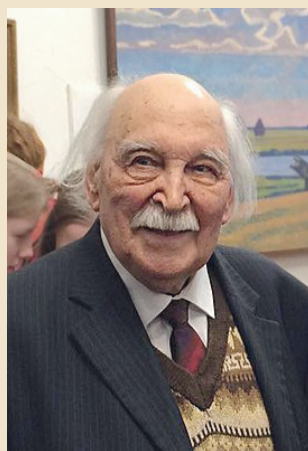
Автограф на портрете

**В далёком от Бразилии
Ульяновске обнаружен
автограф великого Жоржи Амаду**

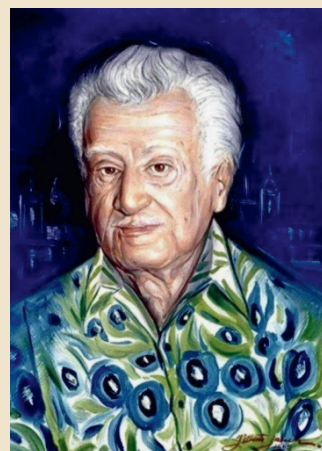
Не ошибусь, если скажу, что каждый музей имеет в своих запасниках работы, ни разу не представленные зрителю. Сегодня впервые перед вами – портрет Жоржи Амаду, выполненный народным художником СССР Виктором Ивановичем Ивановым.

• В.И. Иванов. Портрет Ж. Амаду. 1952. Инв. 761

• В.И. Иванов. 2016

• Жоржи Амаду. 1997

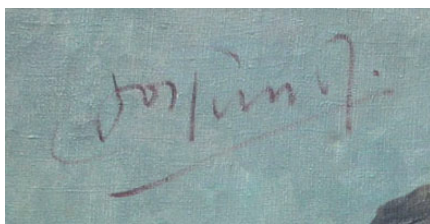
• В.И. Иванов. Этюд к картине «На покосе. В шалаше». 1961. Инв. 2318. Справа внизу подпись: В. Иванов

Прежде всего, портрет привлёк внимание известными именами автора и героя: живописец Виктор Иванов (род. 1924), создавший знаменитые циклы произведений, посвящённых людям Рязанщины, и бразильский писатель, классик XX века Жоржи Амаду (1912–2001). Ниже – колоритные фотопортреты патриархов в преклонном возрасте, которых в далекие 1950-е годы свела судьба.

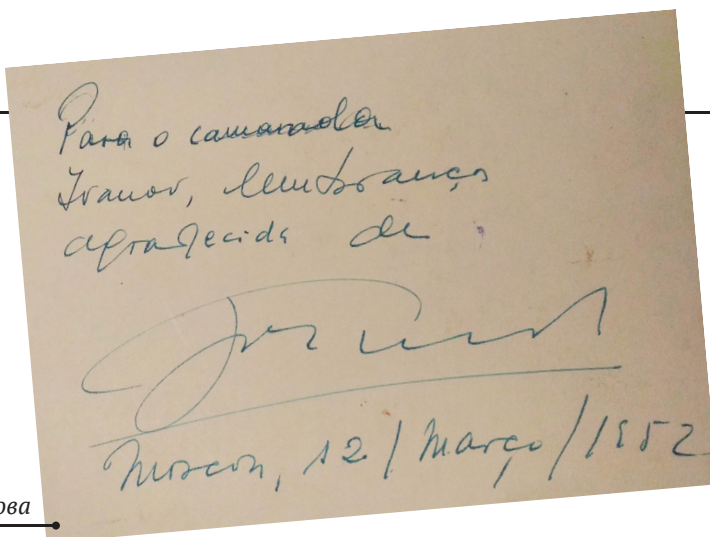
Далее, в процессе уточнения данных (выполнено Г. Деминой, главным хранителем УОХМ) в левом верхнем углу картины была обнаружена крупная, но малоразборчивая подпись, не обозначенная в документах.

Подпись на портрете Ж. Амаду из Ульяновска

Подпись Ж. Амаду на обороте фото с портретом Ж Амаду из архива В.И. Иванова

Ж. Амаду в Москве. 1950-е

о присуждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» за 1951 год» вышло 20 декабря 1951 года, а вручение, конечно, состоялось позднее, в 1952 году.

Вскоре внучка художника М.В. Иванова сообщила, что она нашла у Виктора Ивановича фото нашего портрета с дарственной надписью и подписью Ж. Амаду на обороте и датой 12 марта 1952 (*Moscou, 12/Marco/1952*).

Так было найдено точное время создания произведения, ранее знавшееся как 1954 год. Мария Владимировна также отметила сходство подписи Ж. Амаду на обороте фото и лицевой стороне портрета. Похожий рисунок подписей позволяет утверждать, что на ульяновском портрете действительно уникальный автограф знаменитого бразильского писателя Жоржи Амаду, автора 30 романов, которые были переведены на более чем 50 языков и изданы суммарным тиражом более 20 миллионов экземпляров. По книгам Амаду поставлено более 30 фильмов. Самая известная экранизация – «Генералы песчаных карьеров» (1971, США), снятая режиссёром Холлом Бартлеттом по роману «Капитаны песка» (1937).

Старшее поколение зачитывалось романами Амаду, которые печатались в журнале «Иностранная литература» в 1960–1980-е годы и хорошо помнит то культовое кино и песню из фильма Доривала Каимми «Марш рыбаков», в русской версии (1974) в исполнении квартета «Аккорд» и ВИА «Аргонавты».

Галина Дёмина,
главный хранитель УОХМ

Художники часто оставляют свои имена на произведениях, но это не подпись автора. Чёткая и читаемая подпись Виктора Иванова известна по его многочисленным произведениям, в том числе и по восьми работам из собрания музея.

Появилось предположение: возможно, это автограф Жоржи Амаду? В таком случае требуется подтверждение встречи двух великих людей, так как портрет мог быть написан и по фотографии.

Удалось связаться с внучкой художника Марией Владимировной Ивановой, которая подтвердила, что Виктор Иванович помнит встречу с героем портрета, но за давностью лет в памяти стёрлись какие-либо подробности.

Пришлось сопоставить события начала 1950-х годов (картина была датирована 1954 годом). Виктор Иванов начал писать портрет Ж. Амаду вскоре после окончания Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова, совсем молодым, ещё не будучи знамени-

тым. Портрет выполнен с натуры в лучших традициях реалистического искусства. Позднее Виктор Иванович стал работать в свойственной ему художественной манере отхода от натурной формы, узнаваемой и отличной от других.

В это время 40-летний Жоржи Амаду – уже известный писатель, создавший немало романов социальной направленности, общественный и политический деятель, член Бразильской коммунистической партии. Он неоднократно высылался из страны, жил во Франции, путешествовал по Восточной Европе и с 1948 по 1967 год 12 раз побывал в СССР. В какой из приездов состоялась встреча? Ответ дал сам портрет, на котором писатель изображён с редким знаком отличия на лацкане пиджака.

Это золотая нагрудная медаль лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», утверждённая 24 марта 1951 года. Жоржи Амаду в числе шести лауреатов получил эту премию. Постановление Комитета

Одной из загадок города Ульяновска, носившего до 1924 года имя Симбирск, является месторасположение хорошо известного по письменным источникам Симбирского городища.

О существовании в центральной части современного Ульяновска старинного городища мы впервые узнаём из наказа царя Алексея Михайловича Романова, адресованного будущим строителям Симбирской крепости. Из этого наказа следует, что строители должны были разместить свой лагерь на заброшенном Симбирском городище, предварительно укрепив сохранившиеся валы и ров. Указания на точное месторасположение Симбирского городища в документе не содержалось, но, очевидно, оно должно было находиться поблизости от строящейся крепости.

Симбирское городище

Штурм восставших острога 5 сентября 1670 года

Конные рейтары XVII века. Современная реконструкция

Карта начала боёв за Симбирск 4–6 сентября 1670 года

Ещё раз Симбирское городище попадает в поле зрения современников во время ожесточённых боёв за Симбирск, разгоревшихся в сентябре-октябре 1670 года между войском мятежного донского атамана Степана Тимофеевича Разина и отрядами царских воевод Ивана Богдановича Милославского и Юрия Никитича

Барятинского. В ночь с 4 на 5 сентября 1670 года разинцы высадились в одной версте выше Симбирска и, поднявшись на волжскую гору по Смоленскому спуску (нижняя часть современной улицы Рылеева), заняли пустовавшее Симбирское городище.

«...и стал выше Симбирска с версту под пустынею и того часу вышел из судов на гору и стал на старом го-

родище» (из указа царя стольнику И.И. Чурикову по книге: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857).

За два часа до рассвета восставшие попытались с наскоку овладеть Симбирским острогом. Но внезапного нападения не получилось и нападавшие были остановлены подоспевшими рейтарами Барятинского и

вынуждены были укрыться за валами старинного городища. В течение последующих суток Разин неоднократно пытался овладеть острогом.

«...тот <...> день бились мы <...> с утра и до вечера и приступать им к городу не дали и ничего нам не учинили...» (из отписки Ю.Н. Барятинского царю из Тетюш).

Удача ему улыбнулась лишь под утро 6 сентября. За полчаса до рассвета основная часть восставших атаковала северную стену острога. А тем временем другая группа скрытно зашла с восточной стороны острога, где оборону держали городовые стрельцы. Последние прельстились посулами восставших и впустили их в острог через тайную калитку. Хлынувшие в острог казаки вместе с симбирскими стрельцами перебили стоящих на стенах дворян и овладели острогом.

«...на котором месте стояли синбирены, против тех прясел воры и пришли» (из отписки Ю.Н. Барятинского царю из Тетюш).

«...и стреляли синбирцы по ним пыжками и в острог впустили, и кто в остроге был, всех посекли <...> и бились с люди боярскими многое время» (из отписки Ю.Н. Барятинского царю из Тетюш).

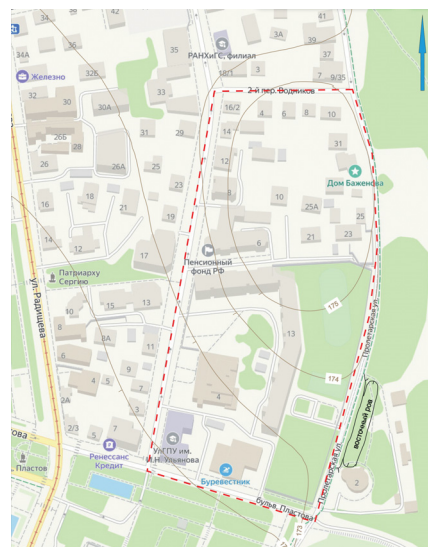
Ю. Барятинский попытался отбить захваченный острог, но мятежники затворили перед ним ворота и обстреляли атакующих рейтар из пушек и пищалей. Отброшенный от стен острога Ю. Барятинский с остатками рейтар отступил на Казань за помощью.

Милославскому удалось отразить внезапное нападение на Симбирскую крепость, после чего он с оставшимися людьми оказался в полной осаде. За время осады Симбирска старинное городище превратилось в укрепленный лагерь восставших. Оно же явилось последним очагом их обороны после разгрома на Свяиге и деблокады осажденного Симбирска.

Где же находилось Симбирское городище? По сообщению Строельной книги, датируемой серединой XVII века, мы узнаём, что старинное городище располагалось по краю волжского венца вблизи старинного вала, шедшего от волжского венца к речке Симбирке.

«А межа той земли от Волги реки, от старого татарского городища по валу, который вал пошел от того городища к ключу <...> который ключ течет под Свяжскую Конную слободу...» (Строельная книга города Симбирска за 1647–1648 годы).

Наиболее вероятным местом расположения старинного вала является бульвар Пластова (бывшая Завьяловская площадь), пересекающий «узину» между волжским венцом и речкой Симбиркой. В XVII веке за этим валом располагались земельные наделы симбирских стрельцов. Позже на месте стрельческих пашен появились жилые кварталы и возникли улицы, повторяющие очертания вала. В связи с перепланировкой Симбирска во второй половине XVIII века старинный вал был срыт, а на его месте возникла Завьяловская площадь.

Современный план Симбирского городища

Симбирское городище располагалось по краю волжского венца севернее старинного вала. Очертания городища угадываются по направлению старинных улиц. Так улица Шатальная (современная улица Карюкина) возникла на месте западного вала городища. Примечательно, что на плане Симбирска 1779 года эта улица делает странный зигзаг – видимо, на месте прохода через валы городища.

По линии 2-го Шатального переулка (ныне 1-й пер. Водников) проходил северный вал городища. По краю волжского венца по линии улицы Верхняя Набережная (ныне Про-

Казаки XVII века. Современная реконструкция

Карта Симбирска 1779 года. На ней обозначен симбирский кремль. Красным кружком выделено место пересечения улицей Шатальной валов Симбирского городища

Фрагмент сохранившихся укреплений Симбирского городища на улице Пролетарской. Фото автора

летарская) проходил восточный вал и ров, от которых сохранились небольшие фрагменты севернее кафе «Колизей».

От Симбирского городища к Симбирской крепости шла прямая и короткая дорога, проложенная, видимо, строителями Симбирска. Позже эта дорога превратилась в центральную улицу Симбирского острога – Стрелецкую. Симбирское городище имело площадь около 5,7 га, что вдвое превосходило размеры Симбирской крепости и приближалось к размерам Симбирского острога.

Весомую помощь в локализации Симбирского городища могут оказать археологические данные. Благодаря картированию обнаруженных за последние сто лет средневековых находок в центральной части Ульяновска удаётся выделить две зоны их концентрации.

Одна зона концентрации тяготеет к волжскому венцу в границах улиц Радищева, Рылеева, бульвара Пластова и включает в себя территорию Симбирского городища и окружающих его селищ. Другая зона привязана к левому берегу ручья Симбирка в границах улиц Красноармейская, Карла Маркса, Гончарова. В пределах второй зоны на месте строительства здания по адресу 2-й пер. Мира, д. 21 в 2009 году автором данной статьи были обнаружены остатки средневекового рва глубиной около 2–2,5 м и шириной 8–10 м. Судя по направлению, этот ров перекрывал пространство между оврагами Симбирка и Малая Симбирка. Местоположение рва может свидетельствовать о наличии в этой части города ещё одного средневекового булгаро-татарского городища. Сохранилось название данной части города – Курмышок, что в переводе с чувашского означает

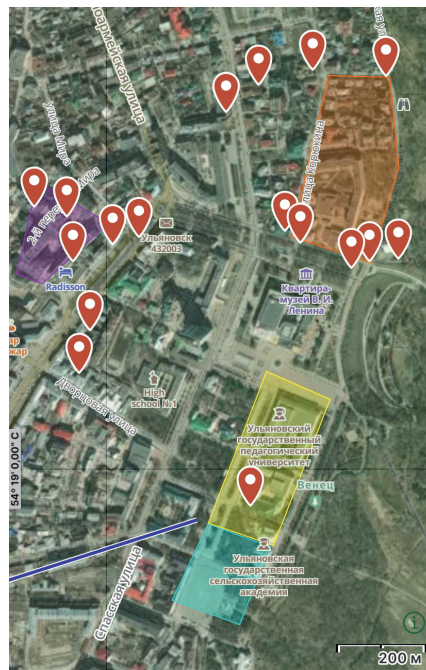

Схема расположения Симбирской крепости (голубая заливка), Симбирского посада/острога (желтая заливка), Симбирского городища (оранжевая заливка), Курмышского городища (лиловая заливка). Красные значки – места археологических находок средневекового времени.

«одинокая изба» или «небольшое поселение». Данное городище так и называлось – Курмышское. Оно расположено по классической схеме между двумя оврагами и по предварительным оценкам имеет площадь около трёх гектаров.

Накопленные археологические данные позволяют наметить контуры обширного средневекового поселения, протянувшегося от улицы Рылеева на севере до улицы Карла Маркса на юге, от волжского венца на востоке до улиц Гончарова и Мира на западе.

Структурно это поселение включает в себя Симбирское и Курмышское городища, связанные воедино оборонительным валом, а также расположенные вокруг неукрепленные селища и некрополи. Общая площадь данного поселения составляет не менее 30 га.

Учитывая значительные размеры данного поселения, его связь с известным по письменным источникам средневековым городом Симбиром/Симбером получает весомое подтверждение. По мнению ульяновского филолога В.Ф. Барашкова, Симбирск с монгольского переводится как Священная гора. Монгольский корень данного названия напрямую указывает на его возникновение во время господства монголов в Восточной Европе в XIII–XIV веках. Связывать легендарный Симбер с Симбирском долгое время мешало отсутствие серьёзных доказательств. По этой причине историки, начиная с К.И. Невоструева и заканчивая автором данной статьи, золотоордынский Симбер размещали на левом берегу Волги на территории Крестова-Городища.

Фрагмент карты Адама Олеария из парижского издания 1659 года, введшей в заблуждение историков. Значок города Sinbirskagora на ней обозначен на левом берегу Волги.

Появление в последние годы новых письменных свидетельств и накопление археологических данных заставило учёных пересмотреть гипотезу левобережной локализации золотоордынского Симбера и обратить внимание на незаслуженно забытое Симбирское городище.

Александр Вискалин,
к.и.н., археолог

Железный Гай в бронзе, граните и бетоне

Среднего роста, с волнистыми волосами и развитой мускулатурой, беспримерно храбрый в бою, темпераментный в общении, по-кавказски гостеприимный и щедрый, энциклопедически развитый, большевик, интернационалист, любящий семьянин – так можно кратко описать полководца Гражданской войны Гая Дмитриевича Гая (Бжишкянца).

В его руках были ключи от Вильно, Гродно, Ломжи, Свенцяи, Самары, Сызрани, Бузулука, Бугуруслана, Белебея, Оренбурга. Но, пожалуй, самым дорогим и памятным в этой коллекции был ключ от Симбирска – первого города, который он триумфально освободил от противника. В боях под Симбирском Гай создал Железную дивизию, вступил в РКП(б) и написал легендарную телеграмму В.И. Ленину, текст которой знал каждый советский школьник. Взятие Симбирска превратило его из рядового красного командира в полководца, Гай это хорошо понимал и считал Симбирский-Ульяновский край своей второй родиной.

До конца своих дней Гая Дмитриевич поддерживал связь с Ульяновском: приезжал в 1928 и 1933 годах, телеграфировал городским партийным и советским властям, радушно принимал у себя в московской квартире на постой ульяновцев-железников. А из Ульяновска Гаю присылали ящики-посылки с местными яблоками, которые в то время ценились и были желанным гостинцем.

После гибели Гая Дмитриевича в мясорубке «большого террора» его имя официально старались забыть, но ульяновцы продолжали помнить героя-освободителя. Реабилитация 1956 года разожгла интерес к Гаю с новой силой. Этому способствовал автор документальных повестей в жанре литературного поиска Александр Михайлович Дунаевский (1909–1985), который в 1956–

1965 годах, работая над повестью «По следам Гая», приезжал в Ульяновскую область, встречался с ветеранами-железниками, совершал экскурсии по местам боёв Гражданской войны, работал в местных архивах и библиотеках. Книга «По следам Гая» стала бестселлером и вдохновила скульпторов, литераторов, журналистов, педагогов и школьников на изучение и пропаганду «гаевской» тематики.

На этой волне в 1959 году пионерскому лагерю УАЗа присвоили почётное имя Г.Д. Гая. В связи с 80-летием героя в 1967 году совхоз «Сенгилеевский» переименовали в совхоз имени Г.Д. Гая, а Сызранское шоссе – в проспект Гая, о чём на торце дома № 5 свидетельствует табличка. В школах появились пионерские отряды имени Гая и музейные экспозиции. На приз Гая проводился легкоатлетический пробег Тушна – Сенгилей.

Неудивительно, что Ульяновская область во всём СССР была рекордсменом по количеству памятников Г.Д. Гаю.

Впервые идея о создании в Ульяновске памятника Железному комдиву была озвучена в 1966 году, что сразу вызвало горячую заинтересованность у скульпторов Армении, которые приняли решение изготовить памятник в дар нашему городу. Исполком Ульяновского горсовета начал поиск места для размещения памятника, но эта идея затерялась на фоне грандиозной перестройки города в связи со столетием В.И. Ульянова-Ленина.

Автором первого в нашей области и в СССР памятника Железному Гаю стал Николай Александрович Селиванов (1929–2021), народный художник РФ и ученик легендарного М.Г. Манизера – автора великолепных ульяновских памятников В.И. Ульянову-Ленину (1940) и И.Н. Ульянову (1957). Николай Александрович выполнил бюст, тиражированный, как минимум, в трёх экземплярах. Первый установлен и торжественно открыт 7 ноября 1967 года в г. Сенгилее.

• Памятник в г. Сенгилее, 2022

Второй 6 февраля 1970 года установлен на средства и по инициативе совхоза им. Гая в с. Екатериновка, в 1990-х годах он перенесён в с. Тушна к центральному входу Тушинской средней школы имени Ф.Е. Крайнова.

Бюст у входа Тушинской средней школы имени Ф.Е. Крайнова, 2022

Третий – та же скульптура, но только голова – не имел стационарного пьедестала и периодически выставлялся 12 сентября в 1970–1980-х годах в ПККО «Винновская роща» при организации «Праздника проспекта Гая». К сожалению, этот бюст исчез в период распада СССР.

ПККО «Винновская роща», 1984

Все три скульптуры авторства Николая Александровича изготовлены из кованой меди и отличаются филигранностью и вниманием к мельчайшим историческим деталям. Моделью для скульптуры послужила фотография рубежа 1922–1924 годов, на которой герой изображён в форме РККА образца 1922 года: рубаха тёмно-серого сукна с тремя синими нагрудными клапанами, через плечо переброшена португепя. На груди два ордена Красного Знамени за сражения в 1918 и 1920 годах, уникальный знак «Серебряная Звезда Армении» и значок депутата ЦИК. Шифровка петлиц «КЗК» (3-й конный корпус) и эмблема кавалерии позаимствованы с другой фотографии. Петлицы отсылают к тому, что во время советско-польской войны (1919–1921) Гай командовал 3-м конным корпусом, который во время вынужденного отступления был интернирован в Восточной Пруссии. В своеобразном плену Гай поддерживал высокую дисциплину своего подразделения, не допускал унижения бойцов и командиров, чем вызывал уважение у немецкого командования.

Памятник в пионерском лагере им. Гая, фото 1970–1980-х годов

В 1970 году в пионерлагере имени Гая был установлен бюст из бетона с мраморной крошкой работы ульяновского скульптора, заслуженного художника РФ Анатолия Ивановича Клюева (1932–2020). В начале нынешнего века пионерский лагерь закрыт и разграблен, а бюст уничтожен, его можно увидеть только на детских фотографиях в семейных альбомах.

Перед зданием СПК им. Гая (ул. Центральная, дом 8) в селе Тушна 7 ноября 1990 года установлен тщательно проработанный гранитный бюст полковника, но уже в папахе.

Гранитный бюст в с. Тушна, 2022

Во время боёв за Симбирск и в годы Гражданской войны Гай даже летом носил серую каракулевою папаху. Этот бюст-памятник наиболее близок к реальному образу Г.Д. Гая времён боёв в Симбирской губернии. Памятник изготовлен на средства совхоза им. Гая. Автором бюста, предположительно, является один из ульяновских скульпторов: Василий Петрович Шеломов (1936–2011) или Амирзян Задиханович Мавлиханов (1933–1998).

Бесспорно, самый величественный в ряду ульяновских памятников – монумент на проспекте Гая перед кинотеатром «Современник», торжественно открытый 12 сентября 1986 года.

Открытие памятника на проспекте Гая (фото из архива Нины Самвеловны Бжишкянц)

Памятник – дар Армянской ССР, его авторы – известный скульптор-монументалист, народный художник Армянской ССР Сурен Бениаминович Назарян (1929–1999) и архитектор Саркис Арамович Гурзаян (1929–2015), заслуженный архитектор Армянской ССР. В 1977 году этот творческий тандем создал в Ереване бронзовый памятник Гаю – самую большую и высокую в мире конную статую, опирающуюся на задние ноги.

Впервые Сурен Бениаминович услышал о Гае в 1959 году от своего однокашника по Ереванскому художественному училищу Рафика Арменаковича Айрапетяна (1929–2008), который на тот момент уже работал в Ульяновске и знал, с каким уважением ульяновцы относятся к памяти о легендарном комдиве Железной дивизии. Всё было интересно молодому скульптору в биографии Гаю. Встреча в 1977 году с писателем Александром Дунаевским ещё раз напомнила о симбирском периоде биографии Гаю.

В 1982 году, до того как начать работу над монументом, Сурен Бениаминович приехал в Ульяновск, внимательно изучил планировку города, географию продвижения Железной дивизии и пришёл к выводу, что самым лучшим местом для памятника будет площадь перед кинотеатром «Современник». Во-первых, на территории проспекта Гаю (ближе к Винновской роще и железнодорожному вокзалу) проходили бои 12 сентября 1918 года. Во-вторых, монумент идеально вписывается в окружающее пространство. В-третьих, от памятника открывается потрясающий вид на Засвияжье, а скульптура эффектно выглядит в нежно-золотых лучах закатного солнца.

Несмотря на кажущуюся простоту, памятник насыщен символическим значением. Монумент задумывался как свеча памяти героям Гражданской войны: туловище – сама свеча, а лицо – язык пламени негасимой памяти, освящающей историю борьбы за народное счастье.

Скульптор создал обобщённый образ красного командира-победителя, несгибаемого борца за идеалы революции. Лаконично, без проработки деталей, цельным монолитом выполнена шестиметровая бронзовая фигура. Лицо исполнено более детально, но всё же отличается от реального прототипа. Скульптура облачена в стилизованный гибри-

кавалерийской шинели и кавказской бурки, что указывает на кавказское происхождение и службу в кавалерии на заключительном этапе Гражданской войны. По воспоминаниям очевидцев, Гаю даже в период службы в пехотных частях предпочитал кавалерийскую шинель, которая была несколько длиннее пехотной. Руки комдива лежат на рукоятке сабли, как бы показывая, что клинок покоится в ножнах, но, если будет необходимость, его быстро можно обнажить и двинуться в бой. По одной из версий, в годы империалистической войны на Кавказском фронте смертельно раненный соратник-армянин завещал Гаю Дмитриевичу свою саблю с наказом рубить угнетателей армянского народа. Клинок самый обыкновенный – стандартная офицерская сабля образца 1913 года.

Сабля Г.Д. Гаю.
Из фондов Музея истории Армении
(инвентарный № 11753/32)

С ней, как с талисманом, Гаю прошёл всю Гражданскую войну и запечатлён на многих фотографиях. В 1923 году, покидая пост наркома по военным делам Армении, он передал саблю на хранение Ереванской военной школе командиров Красной армии. Затем она перешла в распоряжение Совета народных комиссаров Армянской ССР, который награждал этой саблей одного из командиров армянской дивизии. После ареста

и казни Гаю хранить эту дорогую реликвию стало опасно. Клинок был бережно помещён в промасленное полотно и спрятан в сухом засыпанном колодце, в котором пролежал до 1964 года. Сейчас сабля хранится в Музее истории Армении.

Подковообразный барельеф на гранитном пьедестале с изображением боевых эпизодов должен вызывать у зрителя желание обойти памятник вокруг, обозреть его со всех ракурсов. Барельеф разделён мечом на две равные части, символизирующие «пехотный» и «кавалерийский» периоды службы Гаю в РККА. Сцена с красноармейцем, поддерживающим раненого товарища, указывает на тяготы, которые пришлось перенести народу в годы Гражданской войны.

За строительством пьедестала и установкой монумента Сурен Бениаминович наблюдал лично. Ульяновцы, которые работали со скульптором, запомнили его улыбку, доброжелательность, щедрость и внимание к любым мелочам. После торжественного открытия памятника Сурен Бениаминович подарил ближайшим помощникам-ульяновцам по трёхлитровому бочонку домашнего армянского вина.

На митинге по случаю открытия памятника была озвучена телеграмма из Кисловодска от семьи Бжишкянц: «Дорогие наши друзья, благодарны вам за столь радостное известие об открытии памятника... Всем чтящим память отца низкий поклон». Для вручения почётным гостям было отлито из силумина несколько экземпляров настольной копии памятника.

Монумент полюбился горожанам и стал негласным центром Киндяковки. Вечерами на уютных лавочках собираются киндяковцы, молодые мамы гуляют с колясками, а маленькие дети весело бегают вокруг постамента. К памятным датам на подножие пьедестала возлагают цветы потомки и ветераны Железной дивизии, в ряды которой традиционно призывались ульяновцы.

Бронзовый Гаю и сейчас, как в 1918 году, стоит на страже Ульяновска и в любой момент готов защитить горожан. А кто-то из ульяновцев каждое 12 сентября приносит к памятнику три красных яблока, точно таких же, что гнули ветви яблонь в симбирских садах ранней осенью 1918 года.

Дмитрий Семенов

55 лет назад в Ульяновске началось строительство Ленинского мемориала. Оно было настолько грандиозным, что привлекло внимание всего мира. Все республики Советского Союза откликнулись на призыв принять участие во всесоюзной ударной комсомольской стройке, добровольцы ехали со всех концов страны – ни у кого не было сомнений, что здесь, в Ульяновске, творится история. По комсомольскому набору в город приехало более 3000 человек, а всего количество работающих составляло несколько десятков тысяч. Всем хотелось внести свою лепту в создание уникального памятника В.И. Ленину.

Лев Фабрикант: главное дело жизни

В настоящее время научные сотрудники Ленинского мемориала готовят к выпуску книгу об истории Мемцентра. «Мономах» открывает серию публикаций, посвящённых этой теме. Начнём с рассказа о главном строителе мемориальной зоны. Этим руководителем был Лев Борисович Фабрикант.

Современный облик Ульяновска тесно связан с именем Льва Борисовича Фабриканта, ветерана Великой Отечественной войны, заслуженного строителя, лауреата Ленинской премии, почетного гражданина Ульяновской области.

Лев Борисович родился 17 августа 1915 года, в селе Авдеевка Донецкой области. После окончания Луганского художественного техникума служил в рядах Красной армии, затем учился в Харьковском инженерно-строительном институте по специальности «архитектура».

В 1941 году со второго курса ушел на фронт, был неоднократно ранен, долгожданную Победу встретил в Чехословакии. Всю войну не расставался со своим блокнотом, в котором в минуты затишья, после боя, писал портреты друзей-однополчан, делал зарисовки архитектуры городов, освобождённых от фашистов, сотрудничал во фронтовой газете.

За проявленное мужество и героизм на полях сражений был награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалью «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Закончилась война. Лев Борисович вернулся в институт, а после его окончания был направлен прорабом на строительство Себряковского цементного завода в г. Михайловка Сталинградской области. Цемент нужен был стране как воздух. Необходимо было восстанавливать народное хозяйство и разрушенные города, строить жилье. Именно здесь, под Сталинградом, приобретал он опыт работы с людьми, здесь формировался его характер руководителя. Это был его второй фронт.

Благодаря деловым качествам, организаторским способностям, профессиональным знаниям Лев Борисович быстро поднимался по карьерной лестнице, и уже через три года его назначают главным инженером тре-

Лев Борисович Фабрикант

ста «Сталинградцемстрой», а затем управляющим трестом «Сталинград-железобетонстрой».

В 1957 году его переводят в Воскресенск Московской области, где руководит реконструкцией крупнейшего предприятия СССР – цементного завода «Гигант».

А далее снова в дорогу, снова в путь к новым объектам. В марте 1958 года Льва Борисовича направляют в Новоульяновск управляющим трестом «Цемстрой» на строительство цементного завода. Он начал работу в тяжелейших условиях – абсолютно бездорожья, недостатка строительной техники, преобладания ручного труда, живущих в землянках строителей. Опытных рабочих не хватало. На стройке в основном работала молодежь. Это была первая областная ударная комсомольская стройка.

И в этих условиях Лев Борисович смог создать коллектив, готовый выполнять сложные задачи в кратчайшие сроки. За три года Новоульяновск стал развитым индустриальным городом. При создании цементного завода применялись уникальные по тем временам технологии. Кроме этого, Л.Б. Фабрикант руководил ещё несколькими проектами: строительством асфальтобетонного завода, кислородной станции и завода сборного железобетона в Новоульяновске, Кучуровского щебёночного завода и цементного завода в Сенгилее, реконструкцией Ульяновского завода

силикатного кирпича. Одновременно строились школы, многоквартирные дома, жилая площадь которых составила 10 тысяч кв. метров.

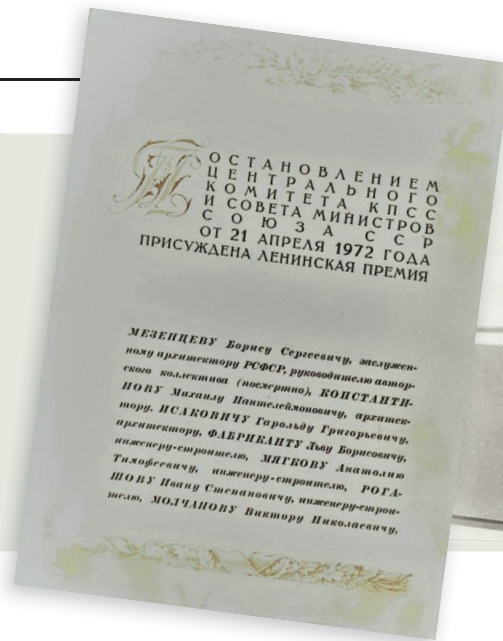
Евгений Фёдорович Щербаков, в то время главный энергетик, начальник штаба ударной комсомольской стройки, рассказывал, что Лев Борисович в первую очередь пригласил на стройку опытных специалистов, которых он знал и ценил по совместной работе на Себряковском и Воскресенском цемзаводах. Они, не раздумывая, приехали вслед за ним в Новоульяновск и трудились в дальнейшем под его руководством на стройках Ульяновска и области. Он умел ценить дружбу и сохранил дружеские отношения с ними до конца жизни.

Затем Лев Борисович работал начальником управления Ульяновского совнархоза, «Главприволжскстрой», управляющим трестом «Ульяновск-промстрой», заместителем начальника «Главульяновскстрой».

Управляющий трестом № 3 Главульяновскстрой Б.А. Смирнов вспоминал: «Лев Борисович всегда стремился к справедливому решению проблем, будь то в производстве или какой-нибудь житейской неувязке. Люди доверяли ему, потому что он всегда держал своё слово, не отлынивал отговорками на занятость. Много решал прямо на месте. График строительства был для него настоящим законом, причём Лев Борисович добивался его выполнения не нажимом, а умением организовать людей постановкой чётких задач».

К началу строительства Ленинского мемориала в Ульяновске была создана мощная строительная индустрия, позволяющая построить в короткие сроки не только сооружения Мемориального центра, но и жилые, культурные и хозяйственные объекты города.

Объединение «Ульяновскстрой» в начале 1967 года было преобразовано в «Главульяновскстрой» с подчинением его непосредственно Министерству строительства СССР. Для строительства объектов Ленинской мемориальной зоны в составе Главка был сформирован генподрядный строительный-монтажный трест № 1, который возглавил Лев Борисович Фабрикант. Главным инженером был назначен Геннадий Васильевич Анциферов, участник Великой Отечественной войны, опытный инженер-

строитель, великолепный организатор, имеющий за плечами Иркутский алюминиевый завод, строительство которого он сам сравнивал с фронтом, города Шелехов, Ангарск, Братск и другие важнейшие объекты страны. Они оба были из поколения победителей и создателей.

На этой грандиозной Всесоюзной ударной комсомольской стройке работала практически вся страна. Только по комсомольскому набору в город приехало более 3 000 человек, а всего количество работающих составляло несколько десятков тысяч. А сколько ещё приезжало людей, желающих поработать во время командировки или отпуска и внести свою лепту в создание этого уникального памятника.

В строительстве участвовали более 100 предприятий, институтов и художественных мастерских страны. В Мемориальную зону вошли объекты: гостиница «Венец», школа-гимназия № 1, педагогический институт, парк Дружбы народов, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, эспланада, декоративный бассейн. Вместе со строительными подразделениями СССР здесь работали и лучшие представители Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Румынии, КНДР, Польши, Чехословакии.

Масштаб руководителя, который смог бы возглавить это уникальное строительство, и степень его личной ответственности должны были соответствовать масштабу этой грандиозной стройки. Именно поэтому руководителем строительства Мемориальной зоны был назначен Лев Борисович Фабрикант.

Его личный вклад в это строительство трудно переоценить, а объём и сложность решаемых задач трудно представить. Руководство строительством объектов Мемориальной зоны в очень короткие сроки потребовало от него колоссального напряжения и полной самоотдачи без права на ошибку.

Любой стройке он отдавал себя полностью. Эта самоотверженность была рождена у донецкого парня ещё на полях сражений Великой Отечественной войны, где каждая ошибка стоила жизни. Так было и со строительством Ленинского мемориала.

Строительство шло круглые сутки, и казалось, что Лев Борисович тоже круглые сутки находится на стройке, потому что рабочие видели его и рано утром, и поздно вечером. Сооружение этого объекта он считал главным делом своей жизни. А его жизнь, бесспорно, являлась примером для молодого поколения строителей, для студентов Ульяновского политехнического института, которым он помогал овладевать азами будущей профессии.

Лев Борисович был блестящим специалистом, патриотом своей страны, человеком, бесконечно преданным своему делу, и с чертами характера лидера. Он пользовался заслу-

женным авторитетом и признанием. Его деловые качества тесно переплетались с личностными. Надо сказать, что природа наградила его щедро. Он прекрасно рисовал, знал толк в живописи, был настоящим ценителем искусства. Деловые качества сочетались в нём с интеллигентностью.

За огромный вклад в строительство и развитие Ульяновской области Лев Борисович награждён орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, золотой и серебряной медалями ВДНХ СССР, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Постановлением Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 21 апреля 1972 года в составе группы архитекторов и строителей ему была присуждена высшая награда страны – Ленинская премия.

Ленинский мемориал – уникальное сооружение, не имеющее аналогов в истории, украсившее город Ульяновск.

Здание стало центром градостроительной композиции всего города, придало ему крупный масштаб и современный характер. Немногим архитектурным сооружениям выпала честь стать эмблемами, символами городов. Ленинский мемориал – символ нашего города!

Валентина Ефремова

Речь пойдёт об Анне Борисовне Сазоновой, которая оказалась в заточении в симбирском концлагере, устроенном большевиками в Спасском женском монастыре. Родственница Столыпина, правнучка Суворова, родная сестра новомученика святого Алексея (Нейдгарта) оставила потомкам воспоминания «Мои переживания в 1916–1924 годах». В них высвечиваются отважный дух, крепость убеждений, чувство достоинства. Глубокая, искренняя вера в Господа присутствовала в Анне и была естественной, как солнце и воздух, как жизнь. С.Н. Булгаков, известный богослов, назвал воспоминания Анны Сазоновой «подлинным религиозным переживанием».

Симбирская пленница

История Симбирского Спасского Новодевичьего монастыря начинается вместе с основанием города в 1648 году. За триста лет он занял большой район в центре города. Высокая колокольня, три алтаря, пять глав храма в византийском стиле украшали город. Золочёный иконостас и иконы были изготовлены и написаны в Москве. После Октябрьского восстания большевиков Спасский монастырь был закрыт и уже через два года преобразован в первый губернский концентрационный лагерь. Сестёр обители разогнали. Монахини и верующие писали письма предгубисполкома Гимову и даже Ленину, но напрасно.

Следственное дело «О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в городе Ульяновске» длилось недолго – всего три недели – и завершилось кровавым преступлением: было вынесено 55 смертных приговоров монахиням и митрополитам, архиепископам и сельским священникам, мирянам. Анна Бори-

совна Сазонова избежала расстрела, но она оставила потомкам ценное свидетельство – воспоминания, названные автором «Мои переживания...». Пример её духовного подвига достоин восхищения и пристального изучения. Слабая женщина смогла преодолеть тяготы заточения и жестокие испытания – ей помогла выстоять глубокая вера в Бога.

Жизнь Анны Сазоновой-Нейдгарт и её семьи связана с историей нашего города и России, с Императорским православным палестинским обществом (ИППО), с представительством российской миссии в Ватикане, с царской семьёй.

Многие её родные пострадали от кровавого террора, сама Анна была арестована в 1919 году в Симбирске,

А.Б. Нейдгарт с государем императором Николаем Александровичем и дворянами на Саровских торжествах

• *Алексей Нейдгарт и нижегородские дворяне. Начало XX века*

когда возвращалась из своего имения, находившегося в 70 верстах от станции Мелекесс. В застенках «красной зоны» правнучка генералиссимуса Александра Суворова писала о своих переживаниях с постоянной молитвою, с упованием на милость Божию. Ибо знала она о святости её великого прадеда-полководца и помнила его последние слова, сказанные после причастия: «Покой души – у Престола Всевышнего».

Прежде чем перейти к самим записям Анны Борисовны, остановимся на фактах её биографии.

Анна Борисовна Сазонова-Нейдгарт родилась в семье действительного тайного советника, обер-гофмейстера высочайшего двора Бориса Александровича Нейдгарта. Предки Нейдгартов приехали в Россию из Австрии в конце XVII века, поступили на воинскую службу, приняли православие. Они были связаны родственными узами со многими аристократическими семьями России. Анна через свою бабушку Наталью Александровну (1775–1844) приходилась правнучкой выдающемуся русскому полководцу генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову (1730–1800). Отец Анны, Борис Александрович Нейдгарт, егермейстер царского двора, был влиятельным человеком – почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. Детей в семье было пятеро: Александр, Дмитрий, Алексей, Ольга и Анна.

Анна Борисовна (1868–1939) стала женой министра иностранных дел Сергея Сазонова, а сестра Ольга (1865–1944) – супругой премьер-министра Петра Столыпина. Братья Анны впоследствии стали членами Государственного совета и гофмейстерами. Алексей, предводитель нижегородского дворянства, благотворитель и член Госсовета, был расстрелян в 1918 году и впоследствии причислен к лику святых.

Столыпина и Сазоновы вели совместное хозяйство в доставшемся сёстрам по наследству имении Чулпановка в Казанской губернии.

• *Сергей Дмитриевич Сазонов, министр иностранных дел Российской империи, супруг Анны Борисовны*

новка в Казанской губернии. В те роковые годы Октябрьского переворота Анна Борисовна оказалась совсем рядом с Симбирском, так как по сложившейся традиции, положенной самим Петром Столыпиным, посещала имения, в которых они вели совместные хозяйственные дела. Вот отрывок из письма Петра Аркадьевича супруге Ольге: «Хочу написать Анне [Борисовне Сазоновой], чтобы она в Чулпановке объехала наши владения – хоть формально показать там надзор».

Женитьба Столыпина на Ольге Сазоновой связана с трагическими обстоятельствами. На дуэли с князем Шаховским погиб старший брат Михайл, который был помолвлен с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны – Ольгой Борисовной Нейдгарт. Существует предание, что на смертном одре брат положил руку Петра на руку своей невесты. Через некоторое время Столыпин просил её руки у отца Ольги Борисовны. Брак оказался очень счастливым. В 1885 году в Санкт-Петербурге родилась старшая дочь Мария (1885–1985), всего у четы Столыпиных родились пять дочерей и сын.

Столыпина вели весьма скромный для своего круга образ жизни. Ольга Борисовна лично проверяла все счета, но денег хватало не всегда. Сам П.А. Столыпин не имел возможности заниматься хозяйственными делами.

Брат Анны Борисовны Алексей (1863–1918) был женат на княжне Любове Николаевне Трубецкой (1868–1928). Видный политический деятель, меценат, благотворитель, строитель многих храмов, в том числе храма Святого Угодника Серафима Саровского Чудотворца в Нижегородской области, Алексей Нейдгарт был членом Государственного совета и Императорского православного палестинского общества и привлекал к меценатству влиятельных лиц Российского государства.

За труды в строительном комитете по сооружению в Санкт-Петербурге Феодоровского собора в память 300-летия царствования Дома Романовых он получил Высочайшую благодарность от императора Николая II и 4 марта 1914 года был назначен ктитором храма-памятника.

После февральских событий Алексей Нейдгарт в мае был выведен за штат, а 25 октября 1917 года окончательно уволен с государственной

↑ *Пётр Аркадьевич Столыпин с супругой Ольгой Борисовной Нейдгарт*

службы большевиками. Оставшись не у дел, вернулся в Нижегородскую губернию. Там он был арестован и 6 ноября 1918 года вместе с преосвященным Лаврентием и протоиереем Алексием Порфирьевым расстрелян. Его сын Борис умер от тифа в лагере в 1920 году.

В 2000 году Алексей Борисович Нейдгарт был канонизирован юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви как новомученик. В его имении, бывшем селе Отрада (ныне посёлок Новый Мир Нижегородской области) сейчас ведутся восстановительные работы храма во имя Святого Преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Когда-то к строительству этого храма Алексей Нейдгарт привлекал самых влиятельных лиц Российского государства: императора Николая II, председателя Императорского православного палестинского общества великую княгиню Елизавету Фёдоровну. Очень может быть, что при этом и сама Анна Борисовна, и родная её сестра Ольга состояли в ИППО, поскольку активно занимались благотворительностью и лично были знакомы с Елизаветой Фёдоровной, которая после убийства своего супруга великого князя Сергея Александровича Романова возглавила ИППО.

Но вернёмся к юным годам Анны Борисовны. В 1899 году Анна вышла замуж за Сергея Дмитриевича Сазонова, министра иностранных дел Российской империи в 1910–1916 го-

дах. Сазонов был политик с солидным стажем и опытом. Именно ему в полночь на 1 августа 1914 года немецкий посол в Петербурге Ф. Пурталес передал ноту об объявлении войны.

В июле 1916 года Анна Борисовна получила известие об отставке мужа с поста министра. Сергей уехал на лечение в Крым и убеждал жену приехать к нему, но Анна Борисовна находилась в Чулпановке Чистополь-

ского уезда Казанской губернии и ехать отказалась, поскольку боялась оставить имение «на произвол судьбы или злой воли людей».

Октябрьскую революцию и Брестский мир с Германией Сергей Сазонов встретил крайне враждебно. Осенью 1918 года он вступил в должность министра иностранных дел правительств А.И. Деникина, А.В. Колчака, а затем П.Н. Врангеля. Весной 1920 года руководители Белого движения сместили его с этого поста. Сазонов остался во Франции на правах политического эмигранта. Он скончался в Ницце 25 декабря 1927 года и был похоронен на русском кладбище «Кокад».

Анну в 1919 году арестовали в Симбирске, куда она приехала из своего конфискованного имения, находящегося совсем недалеко от Симбирска, и провела в заключении больше года. Глубокая и искренняя религиозность Анны Сазоновой позволяла встречать все испытания в смиренности и преодолевать их. За эти годы, в тюрьме и на свободе, она познала удовлетворение от собственного труда: была и швейей, и медицинской сестрой, и санитаркой в тифозном бараке. При этом она испытала удивление и радость общения с совершенно новым для неё слоем людей – «социально обиженных», «заклеймённых»,

↑ *Семья Нейдгартов в собственном имении. Слева направо: сидят Мария Александровна, Борис Александрович, Анна Борисовна, стоят Ольга Борисовна, Алексей Борисович и Дмитрий Борисович*

↑ Дом Нейдгартов и Столыпиных в имении в Чулпановке

в которых таилась «где-то глубоко-глубоко искра Божья».

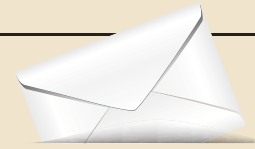
Своё освобождение из тюрьмы ВЧК в сентябре 1920 года Анна Борисовна не без оснований связывала с отставкой мужа и отходом его от политической деятельности. Ей повезло, она спаслась и эмигрировала из России. В эмиграции она со свойственной ей активностью приобщилась к церковной деятельности, занималась благотворительностью,

а после создания её братом Дмитрием Борисовичем Нейдгартом в 1927 году Зарубежной казны для помощи русским эмигрантам работала в этой организации вплоть до своей смерти в 1939 году в Версале.

Своё повествование Анна Борисовна начинает с лета 1916 года, когда, покинув Петербург, отправилась в Чулпановку. Здесь её застали Февральская, а затем и Октябрьская революции.

↑ Интерьер гостиной в доме в Чулпановке

«1919 год. Симбирск.

...Возвращаясь домой, я вошла к себе почти одновременно с чекистом, одетым в изящный «френч», в котором я сразу почувствовала свою Судьбу. Он показал мне какую-то бумажку – ордер и пригласил меня пройти в комнату хозяев, где уже были собраны и другие квартиранты, имена и род занятий которых были опрошены и записаны для формы.

Обратившись вслед за этим ко мне, он меня в упор спросил, признаю ли я себя женою бывшего царского министра Сазонова. Я намеренно удивлённо подняла брови и раскрыла глаза на наивность такого вопроса и ответила: «Разумеется, признаю и никогда этого не скрывала». Он на минуту загнулся, будто опешил, но затем сказал, чтобы я в таком случае немедленно последовала за ним в особый отдел Востфронта для допроса. Глядя ему прямо в уклоняющиеся от моего взгляда глаза, я спросила: «Что это – арест или допрос? Если арест, то я возьму с собою кое-какие необходимые вещи». – «Допрос, лишь допрос, и через полтора-два часа вы снова будете дома», – убеждённо ответил он.

Я из лёгкого белого платья всё же переделалась в старенькую блузу и чёрную юбку, надела лондонское непромокаемое пальто, положила в карман икону Спасителя – благословение моей матери в 1884 году – и моё, ещё детское, Евангелие, взяла капли для сердца, и вот лишь с этим багажом последовала я за своею судьбою...

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Не стану описывать долгого и неинтересного допроса, произведённого, впрочем, вполне вежливым человеком, сказавшим мне даже, что «много слышал и ранее о моей деятельности в Петрограде» («Какой?» – удивлённо спросила я. Ответ: «Благотворительной»). После сего колквциума я была оставлена с солдатом с винтовкой у двери, с двумя другими, арестованными же, гражданами. В этой обстановке, сидя на венском стуле, в недоумевающем ожидании чего-то провела я полтора

долгих, тёмных дня и две нескончаемые бессонные ночи. Это было преддверье, увертюра и моё первое соприкосновение с советской фемидой: я тогда по глупости воображала, что меня действительно отпустят, если и не совсем, то хоть по крайней мере за необходимыми мне вещами; сидя, час за часом, вечер, ночь, утро, день и ещё вечер, и ещё ночь, и ещё утро, наивно всё ждала: вот-вот придут и выпустят меня.

Вечер второго дня этого неподвижного сидения, после полутора суток без всякой пищи, внёс разнообразие в мою пытку в виде приноса мне караульным еды, посланной моими знакомыми, которым удалось напасть на мой след и порадовать меня и физическим подкреплением, и нравственным участием.

На утро третьего дня, не сказав куда, меня вдруг спешно вывели на двор, где было собрано ещё несколько арестантов, и под сильным конвоем повели по направлению к вокзалу.

Я подумала, что меня ведут на железную дорогу для отправки в Москву или куда ещё, но исполнение этой программы было ещё впереди; пока что меня просто привели в Симбирскую губернскую тюрьму.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 2

Как сейчас помню моё чувство, когда меня узкой калиткой впервые пропустили на тюремный двор, окружённый забором и колючей проволокой; на дворе в эту минуту гуляли заключённые. Справа и слева услышала я несколько дружеских окликов от ещё до меня арестованных, знакомых мне симбирских помещиц и буржуек. Но подойти с ними поздороваться, как я было захотела, мне разрешено не было.

Меня повели наверх, где дежурная надзирательница, добрая Анна Васильевна, с участием взглянула на мой усталый вид и при этом, обыскивая меня с ног до головы, приветливо сказала: «Ну, отдохайте у нас, здесь нет ни обысков, ни арестов».

Эти слова могли бы казаться плохой шуткой, но последние недели и месяцы, действительно, так издёргали нервы, так истомили постоянным, утром и вечером, днём и ночью, как дома, так и на улице, сознанием, как

бы предвкушением, что «вот-вот придут, вот арестуют, что когда я, наконец, попала под крепкую сень тюрьмы, я почувствовала, что будто к чему-то причалила, и после всего вынесенного за последние дни я первую ночь в заточении, хотя и на голых досках, проспала как убитая.

Звякнув связкой громадных ключей, с жутким звуком и звоном, отперла моя стражница огромный замок тяжёлой железной двери, над которой на дощечке я вслух прочла: «Камера № 4 на 25 женщин». Надзирательница улыбнулась и сказала: «Да, двадцать пять, а вы тридцать восьмая».

Я (о наивность!) не успела выразить своего удивления – как же, мол, так, как дверь за мной с тем же зловецким шумом уже захлопнулась.

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate, – вспомнился мне стих Данте. – «Оставьте всякую надежду, входящие сюда» (Ад. Песнь третья).

<...> Так как нас в камере, предназначенной для 25 человек, действительно было 38 женщин, а коек, т. е. узких лож, состоящих из трёх голых досок, было всего 25, то избыток из 13 женщин либо делили «кровати» с другими, либо пребывали на голлом полу. Признаюсь, ни та, ни другая перспектива мне не улыбалась, и я, как новичок, стояла неподвижно посреди камеры, выжидая, где мне велят *nich niederlassen* (осесть).

Нашлись добрые люди, хотя до того мало мне знакомые, но с которыми я сошлась в тюрьме (Нина Петр., Зин. Дор., Над. Яков., Ольга Вас.), и сейчас же участливо устроили мне койку, да ещё у окна (что с моим затруднённым дыханием было приятно), уговорив одну новую проститутку мне уступить свою.

Единственный мой багаж был зонтик в руках (и этот впоследствии отобрали у меня в ВЧК в Москве) да Евангелие в кармане. Разбираться да «устраиваться» на новом месте, следовательно, не приходилось, и делать было решительно нечего. И я села на указанные те доски, села и крепко задувалась. Если б я умела плакать да в истериках метаться, то, наверно, было бы гораздо легче.

К слову скажу, что в заточении первые сутки и весь первый месяц, как позднее и 13-й месяц, когда перевалит год, кажутся особенно томительны, тяжелы и долги.

<...>

По моём приходе мне сейчас же «свой брат» – заключённые сообщили, что накануне специально для меня (я в должной мере польщена этой щепотью) была приведена самая видная шпионка Губчека, и она мне была тут же указана. Арестантки вообще с первых почти слов часто распознают «наседку» (как в московской тюрьме называют доносчиц) и, понятно, бывают с нею осторожны. Мне скрывать было нечего, и я позволяла себе роскошь не быть таинственной с этой особой, фрау Р. (Рогер), так трагично кончившей несколько месяцев спустя. Она сразу подъехала ко мне и вкрадчиво заговорила по-немецки, что «уже слышала о моём знании иностранных языков». Дебют для неё был неудачный: комплиментами меня можно лишь оттолкнуть, а не привлечь. Она, впрочем, скоро это поняла и вела впредь беседы на разные темы без лести и каждения.

В этой же камере сидела одна милейшая, до того очень богатая старушка (забыла фамилию, назову её Степановой), попавшая на долгие месяцы в тюрьму и потерявшая всё своё состояние из-за клеветы и доносов этой самой Р., которая, к слову сказать, и из тюрьмы по ночам, когда все спали или притворялись спящими, писала в Губчека начальству подробнейшие отчёты и характеристики о всех нас, заключённых.

Фрау Р. продолжала и в тюрьме всячески изысканно унижать своих жертв: старушку Степанову она в особенности ненавидела за её прямой нрав и чистое сердце и оскорбляла её там ещё тем, что ежедневно получаемые Р. «передачи» приносились нарочно в посуде, принадлежавшей Степановой, что, понятно, каждый раз вызывало в несчастной старушке слёзы досады. Я всячески старалась привить бедной Степановой чувство равнодушия к подобным мелочам (хотя всей душой понимала её негодование), и помногу мы с ней разговаривали под вечер, до «поверки», когда она из своего угла приходила к моему окну «как в саду, подышать воздухом», говорила она, ибо на решётке моего окна стояли в старой, кем-то выброшенной жестянке прелестные маргаритки. Эти цветочки распускались и цвели. Я их с любовью холила и поливала, и они были истинной радостью для меня в первые недели моего заточения.

В течение лета привели и посадили в нашу же камеру одну бога-

тую симбирскую еврейку (забыла фамилию), арестованную, как оказалось, тоже стараниями фрау Р. Еврейка скоро осмотрелась и разобралась в окружавшей её компании и взяла, между прочим, под своё покровительство старушку Степанову, гонимую Р. Ко мне она тоже почему-то относилась с большим участием и даже благодетельствовала меня зубной щёткой – роскошью, которой я недель шесть была лишена (я зубы чистила корками чёрного хлеба); она же настояла, чтобы я взяла её пуховую подушку (я в то время страдала ишиасом и не только вставать, но и двигаться на своих досках не могла, а под головой у меня было полено, на ночь прикрываемое юбкой, моей единственной, которую днём я носила <...>). Хотя многие имена, к сожалению, я и забыла, но образ всех добрых людей, со мной переносивших заключение, навсегда сохранится в моём сердце.

Но возвращаясь к фрау Р., еврейке и старушке. Всё это, может быть, не заслуживало бы особого упоминания, если бы не следующие, по-моему, крайне поучительные факты, подтверждающие лишний раз, что «любящим Бога все содействует ко благу» и «что нет ничего сокровенного и тайного, что не открылось бы».

Раз, засыпая, я видела, как Р. старательно что-то строчила; «особо красноречивое измышление начальству на нас» – так думала я, и через день или два вдруг вызывают еврейку на допрос. Для всех приговорённых (как была и я до конца Гражданской войны) эти вызовы подследственных на допрос были всегда большим событием, нарушавшим мертвящее однообразие нашего существования, и мы всегда с нетерпением ждали их возвращения с допроса. «Всё по улицам прошли; вольный свет увидали; иным воздухом подышали и что-то узнали. Какие вести принесут?» – говорили мы себе.

Глядим мы через решётку на двор, видим, ведут нашу еврейку обратно, и она нам незаметно делает знак: готовьтесь, мол, что-то услышите. Наконец дверь с привычным лязгом ключей и замков отпирается и, впустив её, немедленно тяжело замыкается. Но еврейка не идёт к своему месту, а останавливается перед Р. и начинает ей громко и властно выкладывать всю клевету, которую та, очевидно, сообщала про многих из нас в своих ус-

лужливых доносах в Губчека. Р. краснеет, бледнеет, ни жива ни мертва, хочет сохранить своё «лицо», но уличённая, виноватая, не смеет. Для нас это единоборство – своего рода представление, и мы, притаив дыхание, глядим и слушаем.

На следующий день на допрос вдруг требуют фрау Р.; она вообще держала себя самоуверенно и авторитетно, будто существо неязвимое. К вечеру возвращается она, и мы её не узнаем: подменили нам нашу ехидную наседку: скромна, принижена, молчалива.

Перевод в Женский монастырь Симбирска

Через несколько дней приказ: нас женщин (кажется, около 30), переводят в концентрационный лагерь, в женский монастырь; добрую старушку Степанову и еврейку освобождают совсем; а Р. в тот же вечер вызывают снова на допрос...

В ту минуту, когда мы, уже готовые, но ещё в камере, ждём приказа двинуться, ко мне вдруг подкрадывается Р., становится передо мной на колени, целует мне руки и, обливаясь слезами, умоляет меня, «чистую, неповинную», её простить. Я в полном недоумении, чем она передо мной виновата, прошу её встать и стараюсь успокоить, но тут нам велят строиться в ряды для шествия через весь город; и нас уводят.

Через несколько дней к нам в лагерь приходит такая весёлая, радостная старушка Степанова, приносит мне «для раздачи всем благоволившим к ней в тюрьме» обильную «передачу», рассказывает, что кто-то, кому она некогда помогала, теперь приняли её к себе, приютили, одели и не знают, как достаточной её обласкают. Она же «не знает даже, чем заслужила такую милость Божью» и вдруг напоминает мне мои слова, которые я ей часто, в минуты её уныния, повторяла: «Не бойся, только веруй» и «...ничто не вредит вам».

А об Р. мы узнаем следующее: в тот же вечер её увели, допрашивали с 9 часов до 2 ч. ночи, заставили её признать, что она неточно осведомляла пославших её, что то и то-то было вымышленной клеветой, и когда она поставила под актом, уличавшим её лживость, свою подпись, ей объявили: «Ну, теперь ступайте, проститесь с дочерью и внуком», которых она обо- ждала, для которых и работала, ложны-

ми доносами приобретая чужое состояние, и... на рассвете её расстреляли.

«Мне отпущение, и Аз воздам».

<...>

Что было УЖАСНО тяжело и ощущалось мною с одинаковой остротой и интенсивностью, как первые, так и последние месяцы, это быть день и ночь, сутки за сутками, недели за неделями постоянно на людях, и ни одной секунды одной, даже в «уборную» нас водили гурьбою, а в иных московских тюрьмах (ВЧК и Особого отдела) к тому же с вооружёнными солдатами, под конвоем. Как я повсюду ни просила посадить меня в «одиночку» – одиночка считалась особой мерой наказания, мне это, увы, ни разу не было разрешено. Видно, в этом волею Божьею усматривалось настоящее мне испытание, испытание терпения и выдержки, для пушного закала духа.

В конце концов всегда в той, столь разнородной по составу, шумной, грязной, грубой и истеричной толпе «интеллигенток», в особенности же стольких псевдоинтеллигенток, воровок, политических и проституток, окружавших меня, заражавших одна другую не только своим донельзя взвинченным настроением, но и... своими вшами да клопами (мне приходилось в одно утро находить их на себе до 20 штук) – вот в этом «антураже» мне удавалось повсюду встретить душевных людей, с которыми я сходилась и от которых видела много расположения и трогательный уход во время моих частых болезней в тюрьме.

И скажу, что именно в социально обиженных, «заклеймённых» чаще тлелась, где-то глубоко-глубоко, искра Божья, будто внезапно зарницей освещающая лицо какой-нибудь «пропащей», подтверждая, что «чем ночь темней, тем ярче звёзды». Из них некоторые, действительно, были будто звёзды во тьме, когда подумает, что эти «пропащие» видали с колыхтели, какими примерами они были с детства окружены.

Можно только удивляться, откуда у них подчас бралась такая духовная чуткость, такая способность различать настоящее от поддельного. Пусть они воровки (да ещё какие ловкие), проститутки, чуть не с семилетнего возраста, но какие это подчас глубоко добрые, великодушные натуры...

Материал подготовил
Нафанаил Николаев

Продолжение читайте
в следующем номере

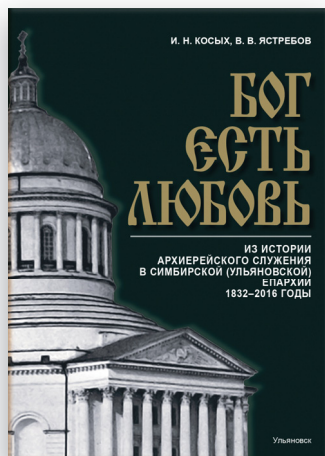
В зеркале времени

В 2016–2022 годах в Ульяновске вышло несколько книг, составивших замечательную краеведческую серию «В зеркале времени». Об этих книгах мы попросили рассказать инициатора её появления **Владислава Ястребова**.

«Бог есть Любовь»

Эта книга вышла весной 2016 года, и на её обложке названия серии «В зеркале времени» ещё не было, но я полагаю, что именно она послужила важнейшим катализатором её появления.

Подходил к концу 2014 год, я уже долгое время сидел над книжкой, вскоре превратившейся в монументальный (к сожалению, до сих пор неизданный) труд под названием «Симбирика». Я уже едва ли не наизусть знал книжку Павла Неболюбова «Учреждение архиерейской кафедры в г. Симбирске» и не переставал восхищаться основательностью книги протоиерея Алексия Скалы «Церковь в узах». Но вот в интернете обратил внимание на материал по истории Симбирской епархии, который подкупил меня своей компактностью и логикой изложения. Имя и фамилия автора материала – Илья Косых.

Несложно было догадаться, что это один из сыновей (как выяснилось, средний) протоиерея Николая Косых. С провинциальной непосредственностью я позвонил в Московскую патриархию, где о. Илья Косых возглавлял один из отделов, и в тезисах изложил ему своё видение, как его дипломную работу (в Сретенской семинарии) превратить в... книжку. Хорошую и интересную. Но в ответ получил предельно честное признание:

– Владислав Викторович, я чрезвычайно занят.

Но тут же последовало продолжение:

– Но Вы с этим материалом можете делать всё, что посчитаете нужным. А я, чем смогу, помогу.

Естественно, я немного охолодел, но тем не менее за работу взялся с удвоенной энергией. Мне показалось, что, в общем-то, очень интересный рассказ собственно об истории епархии было бы здорово разбавить биографиями симбирских архиереев. И вот этот принцип – рассматривать историю епархии через призму деятельности её архипастырей – оказался чрезвычайно интересной находкой. И вскоре 50 страниц дипломной работы как бы сами собой превратились в 200 книжных страниц. Получив полное одобрение первоначального автора, я изменил как название, так и структуру материала.

Книга вышла перед самой Пасхой 2016 года, вызвала большой интерес и на удивление активный отклик местной прессы. А в октябре книга «Бог есть Любовь» стала лауреатом XI открытого конкурса изданий «Про-

свещение через книгу» Московской патриархии (диплом II степени в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание»). «Православный Симбирск» это событие тоже не обошёл молчанием.

После столь радостных и необыкновенных событий я вновь засел за «Симбирику».

Следующая книжка вышла уже в серии «В зеркале времени».

Иван Иноземцев.

«Жаль, что время уходит»

Однажды на одном из форумов в «Одноклассниках» я натолкнулся на обсуждение каких-то фотографий, где одна из участниц как бы между делом заявила, что часть этих снимков – дело рук её дедушки Ивана Павловича Иноземцева. Фотографии этого человека, которого я, разумеется, не знал лично, действительно были

хороши. Не все, но подавляющее большинство. Я связался с его внучкой – Ларисой Мироновой (в девичестве Иноземцевой). В беседе выяснилось, что в двух (из когда-то восьми!) огромных альбомах сохранились упомянутые фотографии в отличном качестве. Уже на следующий день я их досконально отсканировал. О какой-либо книге тогда и речи не шло. Просто я подсознательно полагал, что когда-нибудь эти фотографии обязательно пригодятся. Так и произошло.

Как-то совершенно случайно на улице я встретил педагога Мариинской гимназии и по совместительству заведующую гимназическим музеем Елену Викторовну Орлову. Пользуясь случаем, я полюбозыствовал, а нет ли у них в музее более подробной информации об Иване Павловиче Иноземцеве, который в своё время был учащимся 3-й советской школы, предтечи современной Мариинской гимназии. В ответ она произнесла фразу, от которой я буквально обомлел: «У нас даже есть его книга воспоминаний».

Впрочем, тут же выяснилось, что упомянутая «книга» представляет собой напечатанные на листах формата А4 «короткометражные» воспоминания Ивана Павловича Иноземцева (1913–2006), на которых он оставлял свободные места, куда затем вклеил необходимые фотографии и в конце концов результаты этого поистине титанического труда заключил в твёрдые самодельные обложки. Получилась совершенно уникальная книга в одном экземпляре. Стоит ли говорить, что уже в ближайшие школьные каникулы я её тоже отсканировал. Но, увы, на полноценную книгу она не тянула. Окончательно всё разрешилось уже через пару недель. В очередное посещение Государственного архива новейшей истории заведующая читальным залом архива Людмила Михайловна Сергуненкова подсказала мне просмотреть фонд участников Великой Отечественной войны, имевшийся в ГАНИ. Вдруг там есть что-нибудь и об Иноземцеве. Несложно представить мою радость, когда уже через десять минут я листал документы соответствующей папки. Здесь труд был куда более серьёзный. Фотографий не было, но текст был уже не фрагментарный, а вполне связный и скреплённый хронологическим повествованием. Оставалось привести его

в порядок и отредактировать. В мае 2017 года книга была напечатана мизерным (200 экземпляров) тиражом. Она буквально разлетелась среди читателей, собрав море положительных отзывов.

Алексей Ястребов. «Силуэты прошлого»

Имя Алексея Васильевича Ястребова (1886–1969) было известно краеведам. Часть его замечательных воспоминаний уже была опубликована, а часть просто растаскана на цитаты, причём зачастую без ссылки на автора и на источник. Выпустить их единой книгой было чрезвычайно заманчиво.

Мы нашли все публикации А.В. Ястребова и обработали материалы, имевшиеся в фонде краеведческого отдела Дворца книги. Обработали часть его воспоминаний, сохранившихся в Государственном архиве Ульяновской области в фонде его коллеги по пединституту Петра Сергеевича Бейсова (1906–1976). И вроде бы всё сразу встало на свои места. Почему вроде бы? Потому что если в случае с книгой Иноземцева была ситуация «много фото – немного текста», то в случае с предполагаемой книгой Ястребова картина складывалась с точностью до наоборот – «много текста и совсем немного фотографий». Предстояли мучительные поиски. И вдруг...

Мы с редактором рассуждали логически. Если Алексей Ястребов был внуком известного симбирского купца 2-й гильдии Семёна Ивановича Зеленкова (1833–1905), то, возможно, имеет смысл начать поиски по «купеческому» следу. И мы обратились в музей «Симбирское купечество».

Директор музея Елена Викторовна Садовник вспомнила, что лет 10–15 назад действительно была подготовлена небольшая информационная справка о семействе купцов Зеленковых. Через полчаса Елена Викторовна перезвонила и сказала, что справку она нашла, но вряд ли она меня устроит, так как в ней всего четыре страницы и ещё меньше фотографий. Вскоре я разглядывал эти листочки с напечатанными на них же фотографиями. Оригинал фото не было. Елена Викторовна пояснила, что лет 15 назад на какой-то из выставок к ней подошла одна из посетительниц и сказала, что у неё есть несколько фотографий семейства Зеленковых, которые она может дать отсканировать. Что музейными работниками и было сделано. Координаты «благотворителя» никто не записал. Мы опять оказались в тупике. Хотя нет. Елена Викторовна припомнила, что девушку вроде бы звали Ириной и работала она вроде бы в хосписе. Наводка была весьма прозрачной. Да и прошло уже много лет. Через минуту я уже названивал в хоспис. И представляете мою нечаянную радость, когда в трубке я услышал голос Ирины Владимировны Вихиревой, правнучатой племянницы Алексея Васильевича Ястребова. Поняв моё состояние охотничьей собаки, она успокоила: имеющиеся у неё фотографии она мне даст и ответит на все вопросы. Я был счастлив.

Буквально на следующий день я взял принесённые фото, отсканировал и в тот же день решил вернуть, записав при этом все подробности, касающиеся этих снимков. Отдав фотографии и упаковывая диктофон, я не без искренней горечи произнёс:

– Жаль, что самих родственников Алексея Васильевича не удалось найти... Поди, уж и в живых-то нет.

Ирина Владимировна удивлённо подняла брови:

– Как это нет в живых? Людмила Алексеевна [Каляева], его дочь, жива и, несмотря на свои преклонные годы (91 год), прекрасно себя чувствует. А с внучкой Натальей Владимировной Скрипкиной мы регулярно переписываемся и созваниваемся.

Я потерял дар речи. Судьба очередной раз продемонстрировала мне свою милость.

Списался с Натальей Владимировной Скрипкиной и получил карт-бланш на общение онлайн. Я отправ-

лял свои многочисленные вопросы в Ростов-на-Дону. Людмила Алексеевна писала ответы на листочке, затем Наталья Владимировна их фотографировала и по электронной почте отправляла мне. Если бы не эти замечательные и добрые женщины, огромное количество вопросов осталось бы без ответа...

В августе обе женщины посетили Ульяновск. Мы встретились у входа в Музей изобразительного искусства XX–XXI вв. на ул. Льва Толстого, тепло поговорили, обменялись сувенирами. Я уходил с внезапно навернувшимися слезами.

Следующая книга серии появилась случайно. И не случайно. Во всяком случае, её выпуск не был запланирован заранее.

Иван Андреев.
«Город моего детства»

Книга «Силуэты прошлого» Алексея Ястребова уже была в типографии, когда мы неожиданно встали перед выбором: какая именно книга будет следующей? Я был склонен заняться книгой о симбирских храмах – за много лет поисков скопился колоссальный объём информации, но редактор Наталья Васильевна Бороденкова предложила выпустить воспоминания Ивана Дмитриевича Андреева (1912–1999). Интереснейший текст, небольшой объём, да и текст уже набран. Все три довода были абсолютно разумны. И мы с удовольствием взялись за новую книгу. Но в процессе работы выяснилась: часть текста явно выбивалась из симбирской тематики и была посвящена воспоминаниям Ивана Дмитриевича Андреева о его зимовках (в 1934/35 гг. и 1936/37 гг.) на леднике Федченко в горах Памира. Здравомысленно рассудив, что подобное вклю-

чение разрушит основной принцип формирования книг серии исключительно на симбирско-ульяновскую тематику, решили отправить соответствующую главу в другую папку с тайной надеждой, что она когда-нибудь да пригодится. Забегая вперёд, скажу: так оно и произошло.

Хочу заметить, что серия «В зеркале времени» с самого начала не носила коммерческого характера. Исключительно огромный объём работы и совершенно мизерные тиражи (200–300 экземпляров) сводили на нет все надежды окупать хотя бы типографские затраты на издания. И если бы не помощь сторонников-фанатов этой серии, воплощение наших идей было бы невозможным. Тем более что я раздавал бесплатно книги знакомым краеведам, музеям, библиотекам и архивам. Таким же образом книга Ивана Андреева «Город моего детства» попала в руки Игоря Игоревича Егорова, председателя Счётной палаты Ульяновской области. В тот же день он позвонил и, выразив восхищение книгой, спросил:

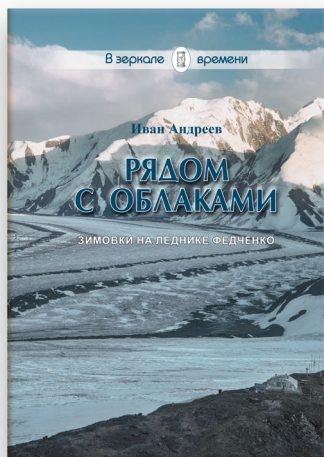
– В разговоре Вы упомянули, что часть воспоминаний пришлось сократить. Почему?

Я объяснил. В ответ:

– Так это же здорово. Давайте выпустим их под эгидой Ульяновского отделения Русского географического общества. Это как раз то, что нам нужно.

Моему восторгу не было предела.

Иван Андреев.
«Рядом с облаками»

В работе над этой книгой было два существенных ограничения: не очень большая сумма, выделенная на издание, и не слишком много времени на его подготовку к печати. Мы ре-

шили, что эти ограничения так себе, и уже в ноябре 2021 года книга вышла. Честно говоря, и я, и редактор немного переживали, как её примет руководство РГО. Оказалось, что очень хорошо. Мы выслушали массу добрых слов и в том числе намёк, что это не последний пример сотрудничества. Я запомнил. И тут же с головой окунулся в работу над книгой, которая ни шатко ни валко тянулась уже 11 лет.

Владислав Ястребов.
«Рок в кепке Ильича»

Не буду лукавить: 11 лет – это непосредственная работа над книгой. А идея появилась ещё в начале 1990-х годов. Однажды один из моих приятелей-меломанов, зайдя к нам в мультимедиа-магазин «Автограф», тогда располагавшийся на ул. Карла Маркса, сказал:

– Владислав, у тебя же полно интервью с самыми разными музыкантами. Может, выпустишь их в виде книги? Было бы здорово.

Я опешил. У меня действительно на плёнках хранилось более двухсот интервью с самыми разноплановыми артистами: от Иосифа Кобзона и Владимира Кузьмина до Юрия Антонова и Алексея Рыбникова, не говоря уже о беседах с различными рокерами, включая участников Ленинградского рок-клуба и Московской рок-лаборатории.

Просидев три вечера над прослушиванием интервью, я понял, что опубликовать «голые» интервью – затея бессмысленная. К каждой беседе надо сделать «подводку», написать необходимые объяснения. Это было самое начало 90-х годов, тяжёлые времена. Интересную затею пришлось отложить в долгий ящик.

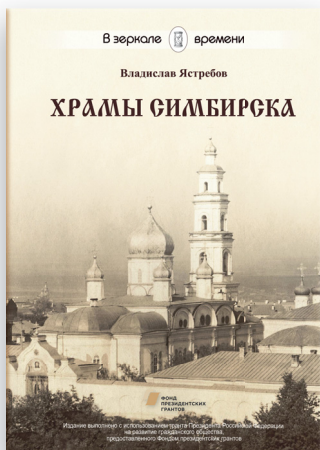
Но идея регулярно напоминала о себе, вызывая ностальгические

воспоминания. Стало понятно, что пока не воплотишь в жизнь, покоя мне не будет. Я предложил некоторым знакомым журналистам сделать книжку на имеющихся у меня материалах. Через пару месяцев стало понятно, что столь благородная (с моей стороны!) идея потерпела фиаско. Я был крайне расстроен. Видя мои терзания, моя приятельница, педагог УлГУ, доброжелательно констатировала: «Владислав, ты же знаешь: если хочешь, чтобы что-то получилось, сделай это сам». И я закатал рукава.

Лето 2021 года даже не могу припомнить: все три месяца по 14–16 часов не вставал из-за компьютера, прочитывая сотни публикаций, прослушивая десятки интервью, комплектуя необходимые фотоиллюстрации. 1 сентября 2021 года я сдал верстку книги в типографию, а уже в октябре она вышла, наведя в «профильной аудитории» много шороху. Кто-то книгу хвалил, кто-то клял меня почём зря, но цель была достигнута – я поделился с миром своими ощущениями от весьма интенсивно прожитых 1980-х годах.

Вскоре от издательства «Мастер-Студия» поступило предложение выпустить под эгидой Спасского монастыря новую книгу.

«Храмы Симбирска»

Лучшего я себе и пожелать не мог. Материалы о симбирских церквях я собирал давно и упорно, и, очевидно, настал тот момент, когда количество должно было перейти в качество. Но неожиданно проявилась и одна существенная проблема. Если по поводу весьма ограниченного времени, предоставленного мне на подготовку книги, я не переживал, то вот по поводу весьма ограниченного объёма

книги (512 стр.) я откровенно запаниковал. Интересного материала было полно, замечательных, чудом сохранившихся в «бесовские времена» фотографий достаточно, потому ограничиваться фрагментарным текстом не хотелось. Договорились, что материал разделим на две книги: первая будет называться «Храмы Симбирска», а вторая – «Соборы Симбирска».

И сама работа, и её результат меня откровенно порадовали. Кроме собственно справочной информации о многочисленных симбирских церквях, мы включили в книгу огромный массив выверенной библиографической информации и, что особенно важно, немаленький массив притчов каждого храма. Почему особенно важно? Да потому, что до нас этого никто не делал, а я совершенного искренне считал, что именно это является нашей безмерной данью уважения всем тем, кто посвятил свою жизнь служению Богу.

Понятно, что едва «Храмы Симбирска» ушли в типографию, мы принялись за подготовку книги «Соборы Симбирска». Работа обещала быть безумно интересной.

Но вскоре планы пришлось изменить. При очередной встрече Игорь Игоревич Егоров неожиданно спросил, нет ли у меня желания выпустить книгу о симбирских членах Императорского Русского географического общества (ИРГО). Желание, разумеется, было. Но не было возможности. В планах на ближайший год уже «висело» несколько книг. Я был готов расписаться в нашем коллективном бессилии, но тут же вспомнил, что по наводке редактора в наши дерзновенные планы была включена книга о чрезвычайно интересном симбирском персонаже Владимире Петровиче Юрлове. Он был активным членом некоторых обществ, включая географическое. На том и порешили. С Дмитрием Викторовичем Травкиным оговорили все нюансы, и уже через три месяца была готова книга.

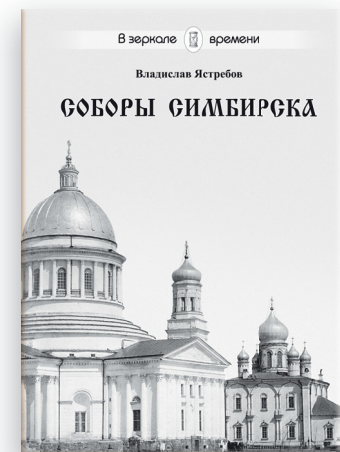
«Владимир Юрлов: исследователь, этнограф, мемуарист»

К книге, которая имеет и так достаточно длинное название, мы присовокупили подзаголовок – «Заметки симбирского старожилы». И это неспроста, как поймёт любой, ознакомившийся с её содержанием.

«Соборы Симбирска»

Эта книга представляет собой подробную историю всех исчезнувших соборов Симбирска.

Надеюсь, до Нового года или в начале следующего в серии «В зеркале времени» выйдет новая книга – «Мотыльки воспоминаний». Это сборник интереснейших публикаций известного симбирского протоиерея Елпидифора Алексеевича Успенского (1838–?), бывшего законоучителя Симбирского кадетского корпуса. В этой же подсерии в следующем, 2023 году планируем выпустить ещё две книги симбирских протоиереев – Дмитрия Николаевича Орлова (1824 (или 1825)–1887) и Алексея Ивановича Баратынского (1825–1895).

А на 2023–2024 годы запланирован выход двух монументальных изданий: «Зодчие Симбирска» и «Архипастыри Симбирского края». Названия говорят сами за себя.

Записали **Лилия Ишкиняева,**
Наталья Миронова

Ивану Сивоплясу – 50!

9 сентября известному ульяновскому краеведу, писателю Ивану Эдуардовичу Сивоплясу исполнилось 50 лет. Из многих талантливых наших историков Иван Сивопляс выделяется как неординарно мыслящий и самый плодовитый и популярный исследователь.

Его многочисленные статьи о Симбирске и о его обитателях способны пробудить патриотические чувства и любовь к родному краю у всякого, кто знакомится с творчеством И.Э. Сивопляса. Темы его писательских интересов весьма обширны. Книги пользуются у читателей горячим интересом и разбираются на цитаты: «Истории с картинками», «Прогулка с Августом Шодэ», «Улицы наших героев», «Симбирское время Ленина», «Учиться... Учиться? Учиться!!!» и другие. Некоторые книги написаны в соавторстве с друзьями-краеведами, и они не менее популярны среди наших читателей: «Симбирские гражданские губернаторы», «Прогулки по Московской».

Иван Сивопляс родился в Москве, окончил Историко-архивный институт Российского гуманитарного университета, работал в Государственном архиве Ульяновской области, в настоящее время – научный сотрудник Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Пишет стихи, рисует самобытные картинки, а ещё – учится в католической семинарии.

Иван Эдуардович сотрудничает с журналом «Мономах» с 1997 года. За четверть века он опубликовал в нашем журнале сотни статей, и все они незабываемые, яркие, самобытные.

Редакция поздравляет краеведа с юбилеем и ждёт новых публикаций и научных открытий!

